

Источник: Король Ричард второй. Пер. Н. Холодковского. С предисловием К. Арсеньева // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 2. С. 60-120.

<В верхней части страницы расположена репродукция старинного портрета Ричарда II.>

60

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

Драматическая хроника: „Король Ричардъ второй“ обнимаетъ собою только два послѣдніе года царствованія и жизни этого короля (1398—1400). Въ первомъ дѣйствіи онъ является такимъ, какимъ его показываетъ исторія: самовластнымъ, легкомысленнымъ, окруженнымъ недостойными любимцами, не щадящимъ ни жизни, ни свободы, ни имущества своихъ подданныхъ. Исторически вѣрны и обѣ сцены между Болингброкомъ, герцогомъ Гирфордскимъ, сыномъ Джона Ганта, герцога Ланкастерскаго (будущимъ королемъ Генрихомъ IV-мъ) и Томасомъ Моубрѣемъ, герцогомъ Норфолькскимъ. Для дальнѣйшаго развитія дѣйствія лѣтопись Голиншеда дала Шекспиру главные факты — конфискацію наслѣдства, оставшагося послѣ Джона Ганта, отъѣздъ Ричарда въ Ирландію, регентство герцога Йоркскаго, высадку изгнаннаго Болингброка, быстрый успѣхъ поднятаго имъ мятежа, запоздалое возвращеніе Ричарда, переговоры между нимъ и Нортмберлендомъ, отреченіе Ричарда отъ престола, заключеніе его въ замкъ Помфреть и насильственную его смерть. Но въ комбинаціи этихъ фактовъ поэтъ не стѣсняется указаніями лѣтописца. Событія, между которыми на самомъ дѣлѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдуютъ въ драмѣ непосредственно одно за другимъ. Есть и другія отступленія отъ дѣйствительности: Джонъ Гантъ изображенъ въ свѣтѣ черезчуръ благопріятномъ; королева представлена настоящей супругой Ричарда, горячо любящей его, превосходящей его силою духа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ жена Ричарда (вторая; первая умерла нѣсколькими годами раньше), Изабелла французская, была въ то время одиннадцатилѣтней дѣвочкой. Существеннаго значенія все это, однако, не имѣетъ; центръ тяжести лежитъ всецѣло въ самомъ Ричардѣ, — а въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая противорѣчила бы исторіи и, что

еще важнѣе, всѣ его слова и дѣйствія психологически возможны и понятны. На историческомъ фонѣ, воспроизведенномъ, въ общемъ, безъ нарушенія перспективы, разыгрывается личная трагедія, полная глубокаго смысла и захватывающаго интереса.

Только что восторжествовавшій надъ противниками, Ричардъ въ началѣ хроники исполненъ вѣры въ недостижимо-высокое достоинство своего сана. Обязанностей, съ нимъ сопряженныхъ, онъ не сознаетъ, но тѣмъ болѣе цѣнитъ свою безотвѣтственность. „Мы рождены для власти, а не для просьбъ“, говоритъ онъ въ первой сценѣ. Нимало не задумываясь и не колеблясь, онъ рѣшается на такой крайній шагъ, какъ отдача страны на откупъ, хотя ему извѣстно, что пустота казны обуславливается слишкомъ многочисленнымъ его дворомъ и расточительною щедростью. Ему ничего не стоитъ пойти еще дальше и снабдить своихъ намѣстниковъ бланковыми приказами на произвольное обложеніе болѣе богатыхъ гражданъ. Съ циническою радостью онъ узнаетъ о болѣзни Ганта, открывающей ему новый путь къ обогащенію, и беззапѣчно выражаетъ желаніе „опоздать“, т. е. прибыть къ дядѣ уже послѣ его смерти (I, 4). Справедливые упреки умирающаго возбуждаютъ въ королѣ только необузданный гнѣвъ. Несмотря на увѣщанія Іорка, онъ немедленно приступаетъ къ конфискаціи имущества Ганта — и все-таки назначаетъ Іорка регентомъ королевства, не допуская мысли, что преданность послѣдняго можетъ и не выдержать тяжелаго испытанія (II, I). Спокойнымъ и самоувѣреннымъ мы видимъ его даже тогда, когда онъ уже знаетъ о бунтѣ Болингброка. Онъ рассчитываетъ, впрочемъ, не столько на свои силы, сколько на неприкосновенность, которую ему даетъ корона. Епископу, напоминающему о необходимости земныхъ средствъ защиты, онъ отвѣчаетъ: „весь бурный океанъ не можетъ смыть божественнаго мѣра съ вѣнчаннаго чела“... на каждаго врага престола „по ангелу пошлетъ сражаться небо“. Онъ сравниваетъ себя съ солнцемъ, „при восхожденіи котораго трепещутъ и прячутся преступники“. „Воръ и измѣнникъ“ Болингброкъ торжествовалъ, пока въ Англіи царила ночь (т. е. не было Ричарда), — но ему не выдержать сіянія возвратившагося дня. Смертельный ударъ гордымъ надеждамъ наноситъ, однако, первая-же вѣсть о неудачѣ. „Камни скорѣй возстанутъ съ оружіемъ въ рукахъ“ — только что восклицалъ Ричардъ, — „чѣмъ преклонить свою главу предъ дерзкими врагами родной страны законный государь“; теперь онъ блѣднѣетъ, слушая разсказъ Салисбери, и нужно напоминаніе Омерля, чтобы вновь возбудить въ немъ, на одинъ мигъ, угасшую бодрость. Онъ утѣшаетъ себя мыслью, что одно имя короля равносильно сорока тысячамъ именъ, называетъ Болингброка „ничтожнымъ подданнымъ“, но окончательно падаетъ духомъ, когда является второй печальный вѣстникъ. Напрасны уговоры епископа и Омерля: Ричардъ не видитъ, не можетъ и не хочетъ видѣть выхода изъ постигшей его бѣды и проклинаетъ того, кто старается совлечь его „съ сладкой дороги къ отчаянію“. Смѣна настроеній происходитъ въ немъ столь-же быстро, какъ и рѣзко. Болѣзненно воспріимчивый къ впечатлѣніямъ минуты, онъ колеблется, какъ маятникъ, между противоположными крайностями, не зная мѣры то надеждамъ, то унынію. Король, еще недавно считавшій себя неуязвимымъ, чувствуетъ себя теперь обыкновеннымъ смертнымъ, жертвою нужды и печали (III, 2). Вспышки

царственной гордости и упадка духа чередуются и въ разговорѣ Ричарда съ Нортomberландомъ. Не столько въ собственной силѣ, сколько въ очевидной слабости противника Болингброкъ черпаетъ рѣшимость перейти отъ своихъ первоначальныхъ, скромныхъ притязаній къ посягательству на престолъ, ускользающій изъ дрожащихъ рукъ Ричарда (III, 3). Передъ парламентомъ Ричардъ является уже покорнымъ своей участи, хотя и не привыкшимъ еще къ покорности; даже оскорбительное требованіе Нортomberланда — прочитатъ публично перечень совершенныхъ имъ преступленій — не вызываетъ въ немъ суроваго отпора. Онъ сознаетъ, что окруженъ измѣнниками, но сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что прежде всего измѣнилъ себѣ онъ самъ, и негодованіе погасаетъ въ слезахъ, которыя онъ проливаетъ надъ самимъ собою (IV). Безслѣднымъ проходитъ даже упрекъ, съ которымъ обращается къ нему, въ сценѣ прощанья, королева (V, 1). „Левъ — говоритъ она — и въ смертный часъ грозитъ, кусая землю; такъ неужель, какъ маленькій ребенокъ, снесешь ты свой позоръ, цѣлуя розгу, и какъ дитя преклонишься предъ властью своихъ враговъ — ты! левъ и царь звѣрей“? Ничего царственного не осталось въ Ричардѣ; онъ признаетъ за собою только одно право — право на состраданье. Въ заточеньи онъ иногда вспоминаетъ объ утраченной власти, но тотчасъ же возвращается къ

мысли о своемъ ничтожествѣ. Инстинктивно онъ отстаиваетъ свою жизнь противъ убійцы — и только умирая, вновь чувствуетъ себя королемъ.

Таковъ Ричардъ II, созданный Шекспиромъ. Его господствующее свойство (“*faculté maîtresse*”), возводящее его на степень типа — воображеніе, развившееся въ ущербъ всѣмъ другимъ сторонамъ душевной жизни. Благодаря ему, сознание могущества, порожденное раннимъ обладаніемъ властью и укрѣпленное легко доставшимися успѣхами, становится у Ричарда увѣренностью въ высшей силѣ, которой ничто не угрожаетъ и угрожать не можетъ. Основанная не на разсудочной теоріи, а на горделивой мечтѣ, эта увѣренность мѣшаетъ Ричарду понимать событія и людей, мѣшаетъ ему давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сдерживать свои порывы. Даже паденіе — и это чрезвычайно характерно — пробуждаетъ въ немъ только сожалѣніе объ ошибкахъ, а не раскаяніе въ преступленіяхъ. „Какъ же я” — говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ монологѣ, прислушиваясь къ музыкѣ, — „какъ же я, умѣвшій различить фальшивость звука, не въ силахъ былъ замѣтить иной разладъ, возникшій въ государствѣ между мной и тѣмъ, что требовало время? Я время убивалъ безъ сожалѣнія — теперь оно мнѣ платитъ тѣмъ же самымъ!” Итакъ, умерщвленіе Глостера, изгнаніе Болингброка и Норфолька, конфискація имущества Джона Ганта, незаконные поборы, разорявшіе страну — все это, даже освѣщенное неугасимымъ свѣтомъ горькаго опыта, приписывается Ричардомъ только недостатку чуткости къ требованіямъ времени! Онъ не очнулся, очевидно, отъ усыпленія, въ которое его погрузили убаюкивающія грезы... Возносившее его, въ моменты счастья, на мнимо-недосягаемую высоту воображеніе не позволяетъ ему бороться съ бѣдою, ярко рисуя всю ея глубину, всю ея безнадежность. Вмѣсто ангеловъ, спѣшащихъ ему на помощь, передъ его глазами проходитъ теперь вереница королей, которыхъ постигла бѣдственная участь. Въ коронѣ, которую онъ недавно считалъ своей охраной, онъ видитъ теперь сѣдалище смерти, насмѣшливо дарящей королямъ короткій мигъ власти и однимъ булавочнымъ уколомъ разрушающей ихъ мнимую твердыню. Передъ этими картинами рушится мысль о противодѣйствіи, о борьбѣ. Ричардъ находитъ въ нихъ какое-то странное наслажденіе; ему с л а д к а дорога къ отчаянію — и именно потому для него нѣтъ возможности поворота. Какъ прежде, такъ и теперь онъ могъ бы сказать, вмѣстѣ съ Макбетомъ: „міръ видѣній меня обнялъ”. Ему любо рисовать свое положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, любо созерцать противорѣчіе между его прошедшимъ и будущимъ. „За четки” — говоритъ онъ Омерлю еще прежде чѣмъ отречься отъ престола, — „за четки я отдамъ мои брильянты, смѣню дворецъ на нищенскую келью, на рубища — богатая одежда, на грубый ковшъ — узорчатые кубки, на странническій посохъ — царскій скипетръ”, обширное королевство — на маленькую могилу, маленькую, маленькую (какъ знаменательно это повтореніе!), темную могилу. Онъ идетъ еще дальше, выражая желаніе быть погребеннымъ на большой дорогѣ, чтобы подданные попирали ногами голову своего государя; вѣдь попираютъ же они, еще при его жизни, его сердце! Въ сценѣ отреченія онъ, держа корону вмѣстѣ съ Болингброкомъ, сравниваетъ ее съ колодцемъ, себя и своего соперника — съ ведрами: пустое ведро, стремящееся къ верху — это Болингброкъ,

ведро, скрытое отъ глазъ и полное слезами — самъ Ричардъ. Ему чудится, что вмѣстѣ съ положеніемъ должно было измѣниться и его лицо — и онъ изумленъ, когда видитъ въ зеркалѣ прежнія свои черты. Работа фантазіи не прекращается въ немъ и въ тюрьмѣ, безсильная, подъ гнетомъ горя, остановиться на чемъ-нибудь определенномъ. Въ этомъ преобладаніи воображенія — разгадка невольнаго сочувствія, которое, начиная съ первыхъ ударовъ судьбы, внушаетъ намъ Ричардъ. Его жизнь была точно сномъ, съ сновидѣніями, навѣянными обстановкой — и даже разразившаяся надъ нимъ гроза только измѣнила характеръ этихъ сновидѣній.

Естественнымъ контрастомъ Ричарду является Болингброкъ, разсудительный, разсчитливый и хладнокровный. Во весь ростъ его фигура возстаетъ передъ нами въ хроникахъ, специально ему посвященныхъ („Король Генрихъ IV“, ч. I и 2); но и въ „Ричардъ II“ обрисовываются уже основныя черты счастливаго соперника. Болингброкъ возвращается въ Англію ослушникомъ королевской воли, но еще не мятежникомъ: онъ ищетъ только того, что принадлежитъ ему безспорно. Съ средневѣковой точки зрѣнія, онъ несомнѣнно имѣлъ основаніе сказать (II, 3): „коль скоро мой братъ — король, то по тому же праву я — герцогъ Ланкастеръ“. Какъ подданный, онъ обращается къ закону, — и если форма обращенія

необычна, то лишь потому, что для него былъ закрытъ нормальный путь судебной защиты. Что искатель наслѣдства обращается въ искателя короны, этому способствуетъ съ одной стороны самъ король, сразу готовый отдать больше требуемаго, съ другой — настроеніе страны, рѣшительно враждебное Ричарду (см. рассказъ Скрупа въ 2-ой сценѣ III-го дѣйствія). Настоящая вина Болингброка — въ словахъ, вызвавшихъ преступную рѣшимость Экстона, и эту вину не снимаетъ съ него осужденіе, съ которымъ онъ относится, *post factum*, къ внушенному имъ дѣлу. Крупными, яркими штрихами изображенъ и герцогъ Йоркскій, типичный представитель слабыхъ, нерѣшительныхъ людей, брошенныхъ въ пучину борьбы между противоположными теченіями. Вынужденный стать на ту или другую сторону, онъ испытываетъ мучительныя колебанія — и примыкаетъ, въ концѣ концовъ, къ болѣе сильному. „Я оставленъ опорой трона“ — восклицаетъ онъ при первой вѣсти о мятежѣ, — „я, въ комъ нѣтъ силъ поддерживать себя“ (II, 2)! „Вѣдь надо жъ дѣлать что-нибудь“, говоритъ онъ самъ себѣ — и, въ сущности, ничего не дѣлаетъ. Свое объясненіе съ Болингброкомъ (II, 3) онъ начинаетъ угрозами и упреками, а заканчиваетъ утѣшеніемъ слабыхъ — ссылкой на обстоятельства, лишающія его возможности сопротивляться. Онъ плачетъ, видя униженіе Ричарда передъ Болингброкомъ (III, 3), но первый провозглашаетъ новаго короля, уступая епископу Карлейльскому почетную роль заступника за право (IV). Неумолимо твердымъ онъ является только какъ обвинитель Омерля (V, 2 и 3), опасаясь, очевидно, что измѣна сына повлечетъ за собою опалу и для отца... Изъ среды придворныхъ выдается только одинъ Нортomberландъ, льстивый съ сильнымъ (II, 3), безжалостный къ слабому (IV и V, 1), побуждаемый къ мятежу не столько несправедливостью короля къ Болингброку, сколько страхомъ за собственную безопасность (II, I). Королева принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣжныхъ, безгранично и беззавѣтно преданныхъ женъ, которыхъ съ такою любовью рисовалъ Шекспиръ. Ей не чужда, однако, способность „возстать на море бѣдъ“; она томится предчувствіями (II, 2), съ трудомъ переноситъ тягостную неизвѣстность (III, 4), но, когда разразилось несчастье, встрѣчаетъ его съ бѣльшимъ мужествомъ, чѣмъ Ричардъ (V, 1). Къ ней приурочена прелестная сцена съ садовникомъ (III, 4), устами котораго народная мудрость произноситъ глубоко продуманный приговоръ надъ королемъ, недостойнымъ своего сана... Съ удивительною силой необузданность и грубость средневѣковыхъ нравовъ отражается во взаимныхъ обвиненіяхъ Болингброка и Норфолька (I, 1 и 3), Бэгота и Омерля (IV). Послѣдняя сцена, во многомъ повторяющая первую, можетъ показаться излишней, но она довершаетъ характеристику среды, въ которой происходитъ дѣйствіе.

Первое изданіе „Ричарда II“ появилось въ печати въ 1597-мъ, второе — въ 1598-мъ, третье — въ 1608-мъ, четвертое — въ 1615 г. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ нѣтъ той части четвертаго акта (начиная со словъ Нортomberланда: „угодно-ль, лорды, выслушать искъ общинъ“ до словъ Болингброка: „Въ ближайшую изъ средъ желаемъ мы короноваться“), въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Ричардъ. Большинство комментаторовъ полагаютъ, что она была написана одновременно со всѣмъ остальнымъ, но не допущена къ печати — а вѣроятно и къ представленію — въ царствованіе Елизаветы, къ концу своей жизни утратившей

прежнюю популярность и имѣвшей поводъ сомнѣваться въ прочности своего престола. Въ подтвержденіе этого предположенія указываютъ съ одной стороны на то, что четвертый актъ, безъ указаннаго мѣста, несоразмѣрно кратокъ (всего 169 стиховъ, между тѣмъ какъ въ пятомъ актѣ ихъ 553, въ третьемъ — 579), съ другой стороны — на то, что передъ возстаніемъ Эссекса (1600) его сообщники заставили актеровъ играть на улицахъ и площадяхъ трагедію о Ричардѣ II-мъ, съ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе, невыгодное для королевской власти. По общему признанію, эта трагедія — не хроника Шекспира, а другая пьеса, раньше написанная и менѣе благосклонная къ Ричарду; но важно то, что заговорщикамъ казалось не бесполезнымъ напомнить о низложеніи короля — и, слѣдовательно, такого напоминанія могла опасаться королева¹). Есть, однако, и другое мнѣніе, менѣе рѣшительное: одинаково возможнымъ признается

и составленіе четвертаго акта съ самаго начала въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ третьемъ и послѣдующихъ изданіяхъ, и позднѣйшее его дополненіе, вызванное именно сравнительною краткостью акта. Въ подтвержденіе послѣдней гипотезы указываютъ на то обстоятельство, что и въ первоначальномъ своемъ видѣ четвертый актъ образуетъ стройное цѣлое; недостающее въ немъ мѣсто не можетъ быть названо притомъ болѣе опаснымъ для авторитета и престижа королевской власти, чѣмъ все остальное содержаніе хроники. Убѣдительность этихъ соображеній весьма невелика. Станнымъ представляется уже отсутствіе главного дѣйствующаго лица въ самый разгаръ дѣйствія; трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ Ричардъ, составляющій средоточіе и суть всей пьесы, могъ быть оставленъ за кулисами въ самый рѣшительный моментъ его жизни. Во внѣшнемъ, логическомъ смыслѣ нельзя отказать четвертому акту и въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ; но напрасно было бы искать въ немъ внутренняго, поэтическаго смысла, глубокой связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Ричардъ, слагающій съ себя корону, — необходимое звено между королемъ, врасплохъ застигнутымъ бѣдою, и развѣнчаннымъ монархомъ, покорившимся судьбѣ и способнымъ отстаивать только свою жизнь. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что состарившейся, подозрительной и осторожной королевѣ особенно опасной должна была показаться именно сцена униженія короля передъ парламентомъ, унизить который было постояннымъ стремленіемъ Тюдоровъ.

Другой спорный вопросъ касается времени составленія хроники. По мнѣнію однихъ, она написана передъ самымъ появленіемъ ея въ печати, по мнѣнію другихъ — нѣсколькими годами раньше, около 1593-го года. Послѣдняго мнѣнія держатся тѣ, кто не особенно высоко цѣнитъ художественное достоинство хроники и сближаетъ ее съ сравнительно слабыми произведеніями Шекспира, напр. съ „Генрихомъ VI“. Есть еще среднее мнѣніе, различающее въ „Ричардѣ II“ первоначальную основу, тѣсно примыкающую къ лѣтописи, и позднѣйшія поэтическія вставки. Несомнѣнными точками соприкосновенія между „Ричардомъ II“ и предшествующими пьесами служатъ двѣ внѣшнія черты: отсутствіе прозаическихъ сценъ (какъ и въ первой и третьей частяхъ „Генриха VI“, въ „Ричардѣ III“, въ „Королѣ Джонѣ“) и сравнительно частое употребленіе риѣмы; но ни изъ той, ни изъ другой нельзя заключить, что между написаніемъ и напечатаніемъ хроники прошло нѣсколько лѣтъ. Если въ „Генрихѣ IV“, непосредственно слѣдующемъ за „Ричардомъ II“, проза играетъ такую большую роль, то это объясняется широкимъ мѣстомъ, отведеннымъ въ позднѣйшей хроникѣ комическому элементу, котораго нѣтъ въ „Ричардѣ II“: стихъ являлся мало подходящимъ для рѣчей Фальстафа и К°, Шалло и Сайленса, мистриссъ Куикли и Тиршитъ. Количество риѣмованныхъ стиховъ имѣло бы значеніе только въ такомъ случаѣ, если бы мы не знали, какая хроника написана раньше — „Ричардъ II“ или „Генрихъ IV“; но основаніемъ къ тому, чтобы отодвинуть составленіе первой на нѣсколько лѣтъ назадъ, оно служить не можетъ. Чрезвычайно неправдоподобно, наконецъ, предположеніе о позднѣйшихъ вставкахъ. Неодинаковая поэтическая цѣнность различныхъ частей пьесы вполне возможна и при одновременномъ ихъ написаніи: она объясняется какъ

быстротою, съ которою работалъ Шекспиръ, такъ и различіемъ матеріаловъ. Совершенно понятно, что воспроизведеніе событій, которыя въ почти готовомъ видѣ давала лѣтопись (напр. спора между Болингброкомъ и Норфолькомъ), не могло вызвать въ поэтѣ такого подъема вдохновенія, какъ свободное изображеніе душевной жизни его героевъ.

Гервинусъ и многіе другіе видятъ въ „Ричардъ II-мъ“ необходимое введеніе къ трилогіи, посвященной Ланкастерскому дому (двѣ части „Генриха IV“ и „Генрихъ V“). И дѣйствительно, всѣ четыре хроники соединены между собою не только тождествомъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ (Болингброкъ — Генрихъ IV, Нортонберландъ, Перси, Омерль), не только ретроспективными взглядами, встрѣчающимися въ позднѣйшихъ пьесахъ („Генрихъ IV“ ч. 1-ая, III, 2; IV, 3; ч. 2-ая, III, 1; IV, 4; „Генрихъ V“, IV, 1), но и „тѣнью грядущаго“, отбрасываемою „Ричардомъ II“. Такова рѣчь епископа Карлейльскаго въ парламентѣ (д. IV), предвѣщающая междоусобія XV-го вѣка; таково обращеніе Ричарда къ Нортонберланду (V. 1) — къ этой „лѣстницѣ“, которою Болингброкъ достигъ престола; таковы слова Болингброка о своемъ сынѣ (будущемъ Генрихѣ V-мъ), сквозь пороки котораго блеститъ лучъ надежды

(V, 3). Не подлежит никакому сомнѣнію, что въ событіяхъ 1399—1400 г. заключалось, какъ въ зародышѣ, многое изъ дальнѣйшихъ судебъ Англіи — и это ясно видѣлъ поэтъ. До крайности парадоксальнымъ кажется намъ поэтому мнѣніе, усматривающее въ „Ричардѣ II” скорѣе конецъ, чѣмъ начало — конецъ по отношенію къ другимъ, не дошедшимъ до насъ пьесамъ, изображавшимъ болѣе ранніе годы царствованія Ричарда II-го. Гораздо скорѣе можно предположить, что, задумавъ дать картину судебъ Ланкастерской монархіи — параллельную той, которую онъ раньше посвятилъ дому Йорковъ („Генрихъ VI” и „Ричардъ III”), — Шекспиръ остановился прежде всего на послѣднихъ годахъ царствованія Ричарда II-го, когда посѣяны были сѣмена могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упадка новой династіи.

Есть-ли въ „Ричардѣ II” слѣды политическихъ убѣжденій и симпатій Шекспира? Нѣкоторые изъ англійскихъ комментаторовъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно, находя въ „Ричардѣ II” порицаніе злоупотребленій королевской властью — но еще болѣе сильное осужденіе посягательствъ на права законнаго монарха. Чтобы судить о степени правильности этого взгляда, нужно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о личности Шекспира; теперь возможны только болѣе или менѣе произвольныя догадки — произвольныя уже потому, что самыя характерныя съ этой точки зрѣнія, мѣста хроники (напр. рѣчь епископа Карлейльскаго) вполне объяснимы изъ хода дѣйствія безъ допущенія какой-либо тенденціи со стороны поэта. Съ полною ясностью отразился въ „Ричардѣ II” только пламенный патріотизмъ Шекспира. Хвалебный гимнъ Джона Ганта въ честь Англіи (II, 1) такъ слабо связанъ съ рѣчью, въ которую онъ вставленъ, и до такой степени проникнутъ искреннимъ энтузіазмомъ, что въ немъ нельзя не видѣть настроеніе самого автора. Глубокая нѣжность къ родной странѣ слышится въ словахъ: „Счастливейшее племя, въ маломъ — міръ, роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ”, — а въ указаніи на ея „всемирную славу” мы узнаемъ современника Елизаветы, гордаго побѣдами Англіи надъ Испаніей, ея вліяніемъ на европейскую политику, ея растущей властью надъ океаномъ.

К. Арсеньевъ.

<Внизу страницы расположена средневековая миниатюра «Ричард II и Болингброкъ в Лондоне».>

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

Дѣйствующія лица:

Король Ричардъ II.

Джонъ Гантъ, герцогъ Ланкастерскій.) дяди

Эдмундъ Ланглей, герцогъ Йоркскій.) короля

Генрихъ, по прозванію Болингброкъ, герцогъ Гирфордскій, сынъ Джона Ганта, вполсѣдствіи Генрихъ IV.

Герцогъ Омерльскій, сынъ герцога Йоркскаго.

Томасъ Моубрэй, герцогъ Норфолькскій.

Герцогъ Серрей.

Графъ Салисбери.

Лордъ Беркли.

Беши.)

Бэготъ.) придворные короля Ричарда.

Гринъ.)

Графъ Нортomberландскій.

Генри Перси, по прозванію Готспоръ, его сынъ.

Лордъ Россъ.

Лордъ Виллоуби.

Лордъ Фицуотеръ.

Епископъ Карлейльскій.

Аббатъ Вестминстерскій.

Лордъ маршалъ.

Сэръ Стефенъ Скрупъ.

Сэръ Пирсъ Экстонъ.

Капитанъ уэльскаго отряда.

Супруга короля Ричарда (королева).

Герцогиня Йоркская.

Герцогиня Глостерская.

Дамы королевы.

Лорды, герольды, офицеры, солдаты, два садовника, тюремщикъ, гонцы, конюхъ и другіе служащіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи и въ Уэльсѣ.

<В верхней части страницы расположена средневековая миниатюра «Ричард II».>

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Дворецъ короля Ричарда.

Входятъ КОРОЛЬ, РИЧАРДЪ, ДЖОНЪ ГАНТЪ, *разныя знатныя лица и придворные.*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Джонъ Гантъ, почтенный старый Ланкастеръ!
Согласно долгу и присягѣ ленной,
Скажи, тобою вызванъ ли сюда
Твой сынъ, отважный Генри Гирфордъ, чтобы
Здѣсь подтвердить всю тяжесть обвиненій,
Взведенныхъ имъ на герцога Моубрѣя
Норфолькскаго? Ихъ выслушать намъ было
Донынѣ недосугъ.

ДЖОНЪ ГАНТЪ.

Да, повелитель,

Онъ здѣсь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажи, разспрашивалъ ли ты:

Быть можетъ, только по старинной злобѣ
Онъ обвиняетъ герцога, иль вправду
Замѣтилъ въ немъ измѣну и рѣшилъ,
Какъ вѣрный подданный, донести объ этомъ?

ДЖОНЪ ГАНТЪ.

Насколько могъ узнать я, онъ находитъ,
Что вашему величеству грозитъ
Опасность; онъ доносить не по злобѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Позвать сюда обоихъ! Пусть предъ нами,
Лицомъ къ лицу, нахмурясь другъ на друга,
Свободно мысли выскажутъ свои
И обвиняемый и обвинитель. Оба
Они горды, упрямы, въ гнѣвъ глухи,
Какъ море, и поспѣшны, какъ огонь.

Входятъ БОЛИНГБРОКЪ и МОУБРЭЙ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Да здравствуетъ на много лѣтъ счастливыхъ
Мой сюзерень, любимый мой король!

МОУБРЭЙ.

Пусть каждый день усугубляетъ счастье,

Пусть небеса, завидуя землѣ,
Безсмертьемъ свѣтлымъ твой вѣнецъ украсятъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Благодарю обоихъ; но, конечно,
Одинъ изъ васъ намъ только льститъ, какъ видно

Изъ дѣла, васъ приведшаго сюда:
 Другъ друга, вѣдь, вините вы въ измѣнѣ.
 Кузень нашъ Гирфордъ, что намъ скажешь ты
 Про герцога Норфолькскаго?

БОЛИНГБРОКЪ.

Во-первыхъ,

Я небеса въ свидѣтели зову,
 Что лишь какъ вѣрный подданный, влекомый
 Желаніемъ сердечнымъ охранить
 Жизнь короля священную, и чуждый
 Иныхъ причинъ, — какой либо вражды, —
 Предъ королемъ предсталъ я съ обвиненьемъ.
 Затѣмъ, Томасъ Моубрэй, я обращаюсь
 Къ тебѣ: запомни, что я говорю;
 Здѣсь, на землѣ, я отвѣчаю тѣломъ
 За это, а на небесахъ — душой.
 Измѣнникъ ты и негодяй презрѣнный,
 Чрезмѣрно знатный для злодѣйскихъ дѣлъ,
 Душою же своей — чрезмѣрно низкій,
 Чтобъ ты въ живыхъ достоинъ былъ остаться!
 Чтобъ подтвердить, что ты измѣнникъ, — снова
 Тебѣ вбиваю въ глотку это слово,
 И, лишь король позволилъ бы, — мой мечъ
 Докажетъ, что моя правдива рѣчь!

МОУБРЭЙ.

По хладнокровью моему о чувствахъ
 Моихъ прошу я не судить; вѣдь здѣсь
 Не женскій споръ, крикливо-безтолковый,
 Борьба двухъ раздраженныхъ языковъ:
 Рѣшаться такъ не можетъ наша распря;
 Кровь горяча, но здѣсь остыть должна.
 Конечно, не могу я похвалиться
 Такимъ терпѣньемъ, чтобъ смолчать совсѣмъ,
 Но къ королю глубокое почтеніе
 Меня стѣсняетъ дать словамъ свободу,
 Пустить ихъ и пришпорить, чтобъ вдвойнѣ
 Они врагу обратно вбили въ глотку
 Всю клевету, что взвелъ онъ на меня.
 Хоть онъ и родственъ королю по крови,
 Оставивъ это въ сторонѣ, — его
 Я презираю, на него плюю,
 За то, что трусь онъ, клеветникъ безчестный.
 Чтобъ это доказать, я предоставляю
 Ему всѣ преимущества въ бою
 И биться съ нимъ готовъ вездѣ, хотя бы

Пришлось пѣшкомъ идти мнѣ до вершинъ
Обледенѣлыхъ Альповъ, иль въ пустыню,
Гдѣ не была британская нога.
Теперь же лишь скажу въ свою защиту, —
И клятву дамъ, — что онъ безстыдно лжетъ.

Болингброкъ.

Дрожащій блѣдный трусь! Тебѣ перчатку
Бросаю я, предъ всѣми отрекаясь
На этотъ разъ отъ кровнаго родства,
Которымъ съ нашимъ королемъ я связанъ;
Оно тебѣ внушаетъ не почтенье,
А только страхъ. И если грѣшный ужасъ
Въ тебѣ еще довольно силъ оставилъ,
Чтобъ мой залогъ принять, то наклонись
И подними! Съ тобою я расправляюсь,
По всѣмъ законамъ рыцарства, за все,
Въ чемъ обличилъ тебя, и все, что впредь
Ты худшаго измыслишь.

Моубрэй.

Поднимаю

Перчатку эту и клянусь мечомъ,
Мнѣ возложившимъ рыцарство на плечи,
Что дамъ тебѣ лихой отвѣтъ, согласно
Всѣмъ правиламъ и рыцарскимъ законамъ,
Сѣвъ на коня, пусть не сойду живой,
Коль я измѣнникъ и кривлю душой.

Король Ричардъ.

Въ чемъ именно, — скажи, кузень, точнѣе, —
Ты обвиняешь герцога? Вина
Должна быть тяжела, чтобъ мы помыслить
Могли о немъ недоброе.

Болингброкъ.

Скажу

И доказать готовъ цѣною жизни,
Во-первыхъ, что онъ взялъ сто тысячъ ноблей,
Чтобъ уплатить солдатамъ короля,
И ихъ растратилъ на развратъ безстыдный,
Какъ лживый плутъ и мерзостный измѣнникъ.
Скажу еще, и докажу оружемъ,
Здѣсь и вездѣ, хоть въ самыхъ дальнихъ дебряхъ,
Куда лишь взоръ британца проникалъ, —
Что всѣхъ измѣнъ, за восемнадцать лѣтъ,
Затѣянныхъ у насъ въ странѣ, источникъ
И голова — все онъ, Моубрэй коварный.
Затѣмъ скажу и буду утверждать,

Пока цѣной его зловредной жизни
Я не исправлю сдѣланныхъ имъ золь,
Что Глостерскаго герцога убійство
Подстроилъ онъ, коварно сговорившись
Съ врагами легковѣрными его,
Какъ подлый трусь, — и вотъ въ потокахъ крови
Погибла неповинная душа.
Та кровь, какъ жертва Авеля, вызываетъ
Изъ молчаливой глубины земли
Ко мнѣ о правой и суровой мести;

И я поклялся честью родовой,
Что отомщу, иль не уйду живой!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Высокъ полеть его рѣшеній смѣлыхъ!
Томась Норфолькскій, что на это скажешь?

МОУБРЭЙ.

Пусть государь мой отвратить лицо,
Ушамъ своимъ прикажетъ быть глухими,
Пока я буду говорить объ этомъ
Позорѣ крови королевской, гнусномъ
Мерзавцѣ, ненавистномъ честнымъ людямъ
И самому Создателю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Моубрэй!

Глаза и уши наши безпристрастны;
Онъ сынъ лишь брата моего отца,
Но будь онъ самъ мой братъ, наследникъ даже, —
Такая близость и родство по крови
Ему не послужили бы щитомъ
И не могли бѣ поколебать нисколько
Правдивый судъ прямой души моей.
Онъ, какъ и ты, — нашъ подданный; свободно
Все говорить ты можешь.

МОУБРЭЙ.

Если такъ, —

Знай, Болингброкъ, какъ ты ни низокъ сердцемъ:
Гортанью лживой ложъ извергнулъ ты.
Три четверти полученной мной суммы
Я честно уплатилъ въ Калэ солдатамъ;
Остатокъ — взялъ себѣ по уговору,
Затѣмъ, что былъ передо мной въ долгу
Мой государь по тѣмъ расходамъ крупнымъ,
Которые я несъ въ мою поѣздку
Во Францію, за нашей королевой.
На, проглоти же эту ложъ! Затѣмъ,
Что Глостера касается, то вовсе
Его не убивалъ я; въ этомъ дѣлѣ
Я пренебрегъ лишь, къ своему стыду,
Своимъ священнымъ долгомъ. Передъ вами,
Отецъ почтенный моего врага,
Лордъ Ланкастеръ, я точно былъ виновенъ
И противъ жизни вашей замышлялъ;
То былъ мой грѣхъ: скорбя о немъ душевно,
Передъ моимъ послѣднимъ причащенемъ

Я каялся усердно, васъ просилъ
Простить меня и былъ прощенъ, надѣюсь.
Всѣ остальные обвиненья — ложь,
Источникъ коей — злоба негодяя,
Предателя и гнуснаго мерзавца, —
И я съумѣю ей противостать.
Взамѣнь его перчатки, я швыряю
Свою къ ногамъ зазнавагося труса,
Чтобъ доказать цѣною лучшей крови,
Какая въ немъ найдется, что я честенъ.
И чтобъ покончить съ этимъ, умоляю
Васъ, государь, назначить поскорѣй
День поединка нашего.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Моубрэй

И Гирфордъ, оба дышите вы злобой;
Послушайтесь меня: пусть изольется
Свирѣпый гнѣвъ вашъ безъ пролитья крови.
Хоть мы не врачъ, но вамъ лѣчение это
Предпишемъ: если язва глубока,
То и надрѣзь глубоку чрезмѣрно будетъ.
Врачи намъ говорятъ, что этотъ мѣсяць
Кровопусканью не благопріятенъ;
Простите же другъ другу, помиритесь.
Добрѣйшій дядя, помогите мнѣ
Окончить споръ ихъ съ самага почина:
Я успокою герцога, вы — сына.

ГАНТЬ.

Въ мои лѣта, конечно, мнѣ прилично
Быть миротворцемъ. Сынъ мой, поскорѣй
Брось герцога перчатку.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Брось, Моубрэй,

Залогъ кузена.

ГАНТЬ.

Что же, Гарри, что же?

Мнѣ просьбу дважды повторять не гоже.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Брось, Норфолькъ, брось, прошу: не будь упрямъ
Безъ всякой пользы.

МОУБРЭЙ.

Я бросаюсь самъ,

Великій государь, къ твоимъ ногамъ!

Отнять ты можешь жизнь мою, — нѣтъ спора;

Не требуй только моего позора!
Я за тебя обязанъ жизнь сложить,
Но послѣ смерти имя будетъ жить,
И помрачать его красу и славу,
О государь, не можешь ты по праву.
Я здѣсь униженъ, тяжело оскорбленъ,
До глубины души своей пронзенъ
Доноса ядомъ, весь покрытъ я срамомъ, —
Для этихъ ранъ единственнымъ бальзамомъ
Послужить кровь изъ сердца груди той,
Что породила этотъ ядъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Постой,

Моубрэй: смирять должны мы наши страсти;
Отдай залогъ, покорствуй нашей власти:
Львы укрощаютъ леопардовъ²).

МОУБРЭЙ.

Да,

Но пятенъ ихъ не смоютъ никогда.
Возьми себѣ мой стыдъ, — и по приказу
Тогда перчатку возвращу я сразу.
Возлюбленный король и властелинъ!
Всей жизни нашей лучший даръ — одинъ:
Честъ наша; человекъ, ея лишенный,
Подобенъ жалкой глины позлащенной
Или куску раскрашенной земли.
Намъ данъ брильянтъ, чтобъ мы его блюди
За десятью замками: твердый, вѣрный,
Отважный духъ въ груди нелицемѣрной.
Честъ — жизнь моя: онѣ срослись въ одно,
И честъ утратить — для меня равно
Утратѣ жизни. Добрый повелитель!
Дозволь, чтобъ былъ я чести той хранитель
Въ бою съ врагомъ! Я жилъ, ее храня;
Смерть за нее — отрада для меня.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень, начни: разстанься ты съ залогомъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Чтобъ грѣхъ такой свершилъ я передъ Богомъ!
Чтобъ въ страхъ хвостъ поджалъ въ глазахъ отца!
Чтобъ струсилъ я на вызовъ подлеца,
Набравшагося храбрости! Когда бы
Языкъ мой вздумалъ дать отвѣтъ столь слабый,
Столь низкій, рабскій вымолвить отказъ
Отъ словъ моихъ, — тогда я самъ сейчасъ
Зубами бы отгрызъ языкъ лукавый
И онъ съ плевкомъ бы полетѣлъ, кровавый,
Въ лицо Моубрэя, гдѣ живетъ позоръ!

(Гантъ уходитъ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ видно, мы не въ силахъ этотъ споръ
Уладить. Впрочемъ, не для просьбъ покорныхъ, —
Мы лишь для повелѣній рождены.
Готовьтесь же за все отвѣтить жизнью
И въ Ковентри, въ день Ламберта, прибудьте.

Мечи и копья ваши тамъ рѣшатъ
Раздоръ, взрощенный ненавистью вашей.
Васъ помирить не удалось намъ; пусть же
Сочтется правымъ тотъ, кто побѣдитъ.
Лордъ маршалъ, позаботьтесь, чтобъ герольды
Ко дню, сейчасъ назначенному мной,
Устроили домашній этотъ бой.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дворецъ герцога Ланкастерскаго.

Входятъ Джонъ Гантъ и герцогиня
Глостерская.

Гантъ.

Увы, во мнѣ связь кровная съ Вудстокомъ
Сильнѣе возбуждаетъ жажду мести
Его убійцамъ, чѣмъ всѣ ваши вопли.
Но такъ какъ судъ и месть — въ рукахъ того,
Кто самъ свершилъ тотъ грѣхъ непоправимый, —
То предоставимъ нашу тяжбу — небу.
Когда настанетъ часъ, оно прольетъ
Кипящій дождь возмездья на злодѣевъ.

Герцогиня.

И братскій духъ такъ мало возмущень?
Любовь совсѣмъ угасла въ старомъ сердцѣ?
Семь сыновей Эдварда, — въ ихъ числѣ
И ты, — священной крови семь фіаловъ,
Иль семь вѣтвей отъ общаго ствола.
Изъ нихъ одни природа изсушила,
Другія вѣтви — срѣзаны судьбой;
Но мужъ мой милый, жизнь моя, мой Глостеръ,
Фіаль, весь полный той священной крови,
Цвѣтущій отпрыскъ царственного древа, —
Разбитъ, — и вытекъ драгоцѣнный сокъ!
Онъ срубленъ, — и листья его увяли
Отъ зависти, отъ топора убійцъ!
О Гантъ! Та кровь — твоя: одно, вѣдь, ложе,
Одна утроба породили васъ;
Одинъ металлъ, одна и та же форма:
Въ нее онъ такъ же вылился, какъ ты!
И хотъ онъ мертвъ, а ты живешь и дышешь,
Но ты въ лицѣ его убить; ты даже,
Переноса спокойно гибель брата,
Какъ будто тѣмъ даешь свое согласье

На смерть отца, — затѣмъ, что бѣдный братъ твой былъ
Подобьемъ отца. Не называй
Терпѣньемъ это, Гантъ: то не терпѣнье, —
Отчаянье! Терпя убійство брата,
Убійцамъ ты указываешь путь,
Чтобъ и тебя они лишили жизни.

Что въ низкихъ душахъ мы зовемъ терпѣньемъ, —
 Для благородныхъ душъ — холодный страхъ,
 Дрянная трусость! Что еще сказать мнѣ?
 Чтобъ ты остался живъ, — нѣтъ средства лучше,
 Какъ месть за гибель мужа моего.

ГАНТЬ.

Пусть судить Богъ; Его земной намѣстникъ,
 Помазанный передъ его лицомъ.
 Ту смерть устроилъ; если онъ виновенъ, —
 Пусть небо мститъ, я жъ не могу поднять
 Руки своей на ставленника Неба.

ГЕРЦОГИНЯ.

Увы, кому жъ я жаловаться буду?

ГАНТЬ.

Лишь Господу, защитнику вдовицъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

О, да, Ему! Прощай же, Гантъ мой старый!
 Ты въ Ковентри отправишься теперь,
 Чтобъ видѣть битву Гирфорда родного
 Съ Моубрѣемъ кровожаднымъ. О, пускай
 Моей и мужа моего обидой
 Копье твое, нашъ Гарри, заострится
 И грудь убійцы гнуснаго пронзится!
 Иль, если въ первой стычкѣ дашь ты промахъ,
 То пусть грѣхи Моубрѣя отягчатъ
 Его настолько, чтобы подломился
 Подъ ненавистнымъ взмыленный хребетъ
 Коня его, и всадникъ, трусь презрѣнный,
 Въ песокъ арены грохнулся бъ стремглавъ
 Предъ нашимъ Гарри! Ну, прощай, мой старый!
 Того, кого ты братомъ звалъ, жена
 Съ своей печалью умереть должна.

ГАНТЬ.

Прощай, сестра: я въ Ковентри отправлюсь;
 Пусть счастье Богъ пошлетъ тебѣ и мнѣ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Еще словечко! Наша скорбь, упавши,
 Всегда стремится вверхъ подняться снова, -
 Не отъ того, чтобы она была
 Пуста, какъ мячъ, - отъ тяжести великой.
 Я попрощалась, не окончивъ рѣчи:
 Печаль всегда отсрочить свой конецъ.
 Прошу тебя, снеси поклонъ мой брату,

Эдмонду Йорку. Это все. Нѣтъ, нѣтъ!
Хоть это все, не уходи такъ скоро:
Я что нибудь еще припомню. Да:
Пусть онъ скорѣй ко мнѣ пріѣдетъ въ Плэши.
Ахъ, чтожъ найдетъ тамъ добрый старый Йоркъ?
Домъ опустѣлый, стѣны безъ убранства,
Пустыя службы, плиты, по которымъ
Никто не ходитъ; а въ привѣтъ — мой плачь...
Нѣтъ, кланяйся ему; пусть не приходитъ
За горемъ: горе всюду насъ находить.
Нѣтъ, нѣтъ отрады мнѣ: умру съ тоской!
Прости: въ слезахъ прощаюсь я съ тобой.
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Арена въ Ковентри.

Входятъ ЛОРДЪ МАРШАЛЪ и ГЕРЦОГЪ
ОМЕРЛЬСКІЙ.

ЛОРДЪ МАРШАЛЪ (*герцогу*).

Скажите, лордъ, вооружень-ли Гирфордъ?

ОМЕРЛЬ.

Да, съ головы до ногъ; войти онъ жаждетъ.

ЛОРДЪ МАРШАЛЪ.

И герцогъ Норфолькъ, бодръ и полнъ отваги,
Ждетъ только зова вражеской трубы.

ОМЕРЛЬ.

Бойцы готовы, ждать лишь остается
Прибытія особы короля.

Раздаются трубы. Входитъ КОРОЛЬ *въ*
сопровожденіи придворныхъ, ГАНТЪ,

Беши, Бэготъ, Гринъ и другіе. Они садятся.

Входитъ вооруженный МОУБРЭЙ *въ* *качества отвѣтчика, въ сопровожденіи герольда.*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Спроси, лордъ маршалъ, у того бойца,
Зачѣмъ сюда явился онъ съ оружіемъ;
Потребуй, чтобъ свое сказалъ онъ имя
И чтобы, по закону, клятву далъ,
Что правое онъ защищаетъ дѣло.

ЛОРДЪ МАРШАЛЪ.

Во имя Господа и короля!
Скажи, кто ты, зачѣмъ сюда явился
Вооруженный, съ кѣмъ ты биться хочешь
И тяжба въ чемъ твоя? Держи отвѣтъ

По правдѣ и по рыцарской присягѣ,
И, если правъ ты, то да защитятъ
Тебя Господь и рыцарская доблесть!

МОУБРЭЙ.

Томасъ Моубрэй, Норфолькскій герцогъ я!
Пришелъ я въ силу рыцарской присяги, —

Которую не дай Господь нарушить, —
 Чтобъ честь мою и вѣрность охранить
 Предъ Богомъ, королемъ и всѣмъ потомствомъ
 Моимъ, противу тяжкихъ обвиненій,
 Которыя облыжно герцогъ Гирфордъ
 Взвелъ на меня, и этою защитой,
 При помощи небесъ и этихъ рукъ,
 Всѣмъ доказать, что лжецъ онъ и предатель
 Предъ Богомъ, королемъ моимъ и мной.
 И, такъ какъ правъ я, — помоги мнѣ, Небо!

*Раздаются трубы. Входитъ вооруженный
 БОЛИНГБРОКЪ, въ сопровожденіи герольда.*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Спроси, лордъ-маршалъ, рыцаря того,
 Кто онъ такой, зачѣмъ сюда явился,
 Закованный въ военные доспѣхи,
 И допроси формально, по закону,
 За правое ли дѣло онъ стоитъ.

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

Кто ты? Зачѣмъ явился на арену,
 Предъ королемъ, закованъ въ эти латы?
 Съ кѣмъ биться хочешь? Тяжба въ чемъ твоя?
 По правдѣ дай отвѣтъ, какъ честный рыцарь,
 И, если правъ ты, — Небомъ будь хранимъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Я Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби
 Вооруженный, я сюда явился,
 Чтобъ доказать, при помощи небесъ
 И силъ моихъ тѣлесныхъ, на аренѣ
 То, что сказалъ о герцогѣ Норфолькскомъ:
 Что онъ измѣнникъ, грязный и опасный,
 Предъ Богомъ, королемъ моимъ и мной!
 И, такъ какъ правъ я, помоги мнѣ, Небо!

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

Подъ страхомъ смерти, пусть никто не смѣетъ
 Ногой коснуться до арены этой,
 Куда имѣетъ доступъ только маршалъ
 И тѣ — чей долгъ за битвою слѣдить.

БОЛИНГБРОКЪ.

Дозвольте мнѣ поцѣловать, лордъ маршалъ,
 У сюзерена руку, преклонивъ
 Предъ нимъ колѣна, чтобы съ нимъ проститься.
 Моубрэй и я — двумъ странникамъ подобны,

Идущимъ въ долгій и тяжелый путь.
Затѣмъ, позвольте также намъ съ друзьями
Сердечно и торжественно проститься.

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

Всеподданнѣйше просить обвинитель
У вашего величества: дозволить
Поцѣловать вамъ руку и проститься.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сойдемъ мы съ трона, чтобъ его обнять!
Прощай, кузень мой! Въ царственной сей битвѣ
Настолько пусть судьба тебя хранить,
Насколько ты за правду будешь биться!
Ты — кровь моя; и если здѣсь пролиться
Ей суждено, то слезы я пролью,
Но мстить не долженъ я за смерть твою.

БОЛИНГБРОКЪ.

Пусть благородный ликъ не осквернится
Слезой, если въ битвѣ я паду.
Какъ соколъ вслѣдъ за птицею стремится,
Такъ смѣло въ бой съ Моубрѣемъ я иду.
Прощаюсь съ вами, добрый лордъ, съ тобою,
Кузень Омерль, другъ благородный мой;
Пусть смерть близка, — но я передъ борьбою
Не слабъ, а бодръ, и свѣжъ, и юнъ душой.
У англичанъ послѣднимъ подается
На пиршествахъ вкуснѣйшее изъ блюдъ:
Такъ мнѣ теперь проститься остается
Съ тѣмъ, кто всѣхъ ближе и милѣй мнѣ тутъ.
Ты, мой земной творецъ! Возобновленный
Во мнѣ и прежней силой оживленный,
Духъ юности твоей меня вдвойнѣ
Возвыситъ, чтобъ достать побѣду мнѣ!
Мой панцырь укрѣпи своимъ молениемъ,
Мнѣ заостри копье благословениемъ,
Чтобъ то копье, не вѣдая преградъ,
Пробило сталь лощеныхъ вражыхъ латъ,
И пусть твой сынъ побѣдою кровавой
Покроетъ имя Ганта новой славой!

ГАНТЪ.

Пошли тебѣ Богъ счастья въ правомъ дѣлѣ!
Какъ молнія, будь быстръ и пусть удары
Твои падутъ, удвоенные дважды,
Какъ громъ ошеломляющій, на шлемъ
Противника! Пусть быстро льется въ жилахъ
Кровь юная твоя, будь бодръ и смѣл!

БОЛИНГБРОКЪ.

Моя правдивость и святой Георгій
Мнѣ да помогутъ въ томъ!

МОУБРЭЙ.

Хотя мой жребій

Отъ Господа зависить иль отъ счастья, —
Убить ли буду, иль останусь живъ, —
Я вѣренъ трону короля, какъ честный,
Всегда правдивый и прямой джентльмень.
И никогда освобожденный плѣнникъ
Такъ радостно не сбрасывалъ цѣпей,
Встрѣчая снова золотую волю,

Какъ веселится здѣсь моя душа
 Предъ празднествомъ желаннымъ этой битвы!
 Вы, сюзерень могучій мой, вы, пэры
 Товарищи, изъ устъ моихъ примите
 Привѣтъ прощальный съ пожеланьемъ счастья.
 Какъ на игру иду я, бодръ и живъ,
 На битву: тотъ спокоенъ, кто правдивъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прощай, милордъ! И мужество и силу
 Спокойно вижу я въ твоихъ словахъ.
 Распорядитесь, маршалъ: пусть начнутъ.

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

Ты, Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби,
 Возьми копьё. Богъ правому защита!

БОЛИНГБРОКЪ.

Какъ башня твердъ въ надеждѣ, я воскликну:
 Аминь!

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ *(одному изъ офицеровъ)*.

Изъ рукъ твоихъ Томасъ Моубрэй,
 Норфолькскій герцогъ, пусть копьё получить.

ПЕРВЫЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Здѣсь Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби
 Оружіемъ обязанъ доказать
 Во имя Бога, короля и чести
 Своей, — подъ страхомъ, что онъ будетъ признанъ
 Лжецомъ и трусомъ, — что Томасъ Моубрэй,
 Норфолькскій герцогъ, совершилъ измѣну
 Предъ Богомъ, королемъ и передъ нимъ,
 За что его на бой онъ вызываетъ.

ВТОРОЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Томасъ Моубрэй, Норфолькскій герцогъ, здѣсь
 Обязанъ оправдать себя, подъ страхомъ,
 Что будетъ признанъ онъ лжецомъ и трусомъ,
 И доказать съ оружіемъ въ рукахъ,
 Что Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби.
 Предъ Богомъ, королемъ и нимъ безчестенъ.
 Онъ мужества исполненъ, жаждетъ битвы
 И только ждетъ сигнала, чтобъ начать.

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

Звучите, трубы, и впередъ, бойцы!

(Трубятъ сигналъ атаки).

Постойте! Жезлъ свой бросилъ государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пусть снимутъ шлемы и отложить копья
И возвратятся на свои мѣста.
Вы, лорды, удалитесь съ нами. Трубы
Пускай звучать, пока вернемся мы
И этимъ принцамъ возвѣстимъ рѣшенъе.

*(Продолжительные звуки трубъ. Король уходитъ въ сопровожденіи лордовъ и черезъ нѣкоторое
время возвращается).*

Приблизьтесь
И слушайте, что порѣшилъ совѣтъ нашъ.
Чтобъ королевства нашего земля
Не осквернялась драгоцѣнной кровью
Своихъ съ любовью вскормленныхъ сыновъ;
Чтобъ наши очи не узрѣли распри
Междоусобной, ненавистной намъ,
Взлелѣянной сосѣдскими мечами;
Чтобъ гордостью орлиной и полетомъ
Заносчивымъ честолюбивыхъ думъ
И вѣчную соперничества злобой
Не разбудили бъ вы нашъ тихій миръ,
Который, какъ младенецъ въ колыбели,
У насъ въ странѣ такъ безмятежно дышетъ,
И чтобъ, испуганъ грохотомъ нестройнымъ
Свирѣпыхъ барабановъ, ревомъ трубъ
И грознымъ стукомъ тяжкихъ латъ желѣзныхъ
Отъ насъ тотъ сладкій миръ не убѣжалъ;
Чтобъ не пришлось ходить намъ по колѣна
Въ крови дѣтей, — чтобъ отвратить все это,
Изъ нашихъ странъ мы изгоняемъ васъ.
Кузень мой Гирфордъ! Ты, подъ страхомъ смерти,
Пока поля двухъ пятилѣтій жатвы
Намъ не дадутъ, — касаться не дерзай
Ногой своей владѣній нашихъ славныхъ,
Ходи въ изгнаньи по чужимъ путямъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Исполню все. Утѣшусь тѣмъ, что всюду
Согрѣтъ однимъ я съ вами солнцемъ буду,
И тѣ лучи, что здѣсь сіяютъ вамъ,
Позолотятъ мое изгнаніе тамъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Тебѣ, Моубрэй, суровѣй жребій выпалъ
И нехотя его я объявлю.
Теченье дней предѣла не положить
Безсрочному изгнанью твоему:
Подъ страхомъ смерти, мы тебя лишаемъ
Надежды возвратиться — навсегда.

МОУБРЭЙ.

Суровъ вашъ судъ, мой сюзерень державный,
И я не ждалъ его изъ вашихъ устъ.
Казалось мнѣ, я заслужилъ предъ вашимъ
Величествомъ иное, чѣмъ жестокий
Такой ударъ: быть выброшеннымъ вонъ!
Родная рѣчь, которой я учился
Ужъ сорокъ лѣтъ, — должна быть мной забыта,
И мой языкъ не больше нуженъ мнѣ,
Чѣмъ скрипка, струнъ лишенная, иль арфа

Разбитая, иль сложный инструментъ,
 Который плотно запертъ въ крѣпкій ящикъ,
 И если будетъ ящикъ тотъ открыть,
 То попадетъ онъ неизбѣжно въ руки
 Тѣхъ, кто не сможетъ изъ него извлечь
 Гармоніи. Языкъ мой вами запертъ
 Во рту моемъ, за двойственной оградой
 Зубовъ и губъ; безчувственный тюремщикъ —
 Невѣжество приставлено къ нему!
 Изъ лѣтъ ученья я давно ужъ вышелъ,
 Чтобъ вновь ласкаться къ нянѣ, — слишкомъ старъ!
 Лишать языкъ мой словъ страны родимой!
 Нѣмая смерть — вашъ судъ неумолимый!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сочувствіемъ ужъ не поможешь тутъ;
 Не жалуйся: произнесенъ нашъ судъ.

МОУБРЭЙ.

Итакъ, отчизны свѣтъ забудьте, очи:
 Удѣлъ мой — грустный сумракъ вѣчной ночи!
 (Хочетъ уйти).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вернись еще, чтобъ клятву дать одну.
 Кладите ваши изгнанныя руки
 На мечъ нашъ королевскій и клянитесь
 Предъ Богомъ, — нашу долю этой клятвы
 Мы изгоняемъ здѣсь, какъ васъ изгнали, —
 Клянитесь въ томъ, что мы предпишемъ вамъ:
 Что никогда — и пусть вамъ Богъ и правда
 Помогутъ въ томъ — союзъ не заключите
 Въ изгнаніи другъ съ другомъ; никогда
 Не будете вы видѣться, ни въ письмахъ
 Привѣтствовать другъ друга, примиряя
 Вражду и гнѣвъ домашнихъ вашихъ ссоръ;
 Что никогда не примете участя
 Въ злыхъ умыслахъ и козняхъ противъ насъ,
 Державы нашей, нашихъ всѣхъ владѣній
 И подданныхъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Клянусь!

МОУБРЭЙ.

Клянусь и я.

БОЛИНГБРОКЪ.

Моубрэй, хоть ты мнѣ врагъ, отвѣть мнѣ прямо.

Когда-бъ король позволилъ намъ, теперь
Одна изъ нашихъ душъ вокругъ блуждала-бъ
Въ изгнаніи изъ бренной нашей плоти,
Какъ изгоняють нашу плоть отсель;
Сознайся же въ своихъ измѣнахъ раньше,
Чѣмъ ты покинешь это королевство.
Твой путь далекъ: не уноси же бремя
Тяжелое грѣховъ твоей души.

МОУБРЭЙ.

Нѣтъ, Болингброкъ! Пусть, если я измѣнникъ.
Изъ книги жизни вычеркнется имя
Мое навѣки; пусть лишусь блаженства
И съ неба буду изгнанъ, какъ отсюда.
Но что такое самъ ты, — знаетъ Богъ,
Да ты, да я; боюсь, что слишкомъ скоро
Съ раскаяньемъ узнаетъ и король.
Прощайте, повелитель мой! Весь міръ
Дорога мнѣ: нельзя мнѣ заблудиться;
Лишь въ Англію мнѣ ввѣкъ не возвратиться.
(Уходитъ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Въ стеклѣ твоихъ очей я вижу, дядя,
Сердечную печаль. Твой грустный видъ
Четыре года ссылки отнимаетъ
У сына. (*Къ Болингброку*). Черезъ шесть морозныхъ зимъ
Тебѣ мы возвратиться разрѣшимъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Какъ мало словъ — и сколько дней собою
Они объемлютъ! Въ нихъ заключена
Четырежды прекрасная весна,
Четырежды зима съ ея тоскою!
Таковъ языкъ могучихъ королей!

ГАНТЪ.

Благодарю васъ, государь, что сыну
Вы для меня изгнанье сократили, —
Но мнѣ, признаться, мало пользы въ томъ.
Пока пройдутъ шесть лѣтъ, смѣняя мѣсяцъ
За мѣсяцемъ, и срокъ ихъ истечетъ, —
Погаснетъ лампа старая: ужъ мало
Въ ней масла, догорѣть пора настала
Куску ея свѣтильни; вѣчной тьмой
Тогда смѣнится свѣтъ потухшій мой,
Меня навѣки ослѣпитъ кончина
И не уластся мнѣ увидѣть сына.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты, дядя, можешь много лѣтъ прожить!

Г А Н Т Ъ .

Но ты, король, не можешь подарить
Мнѣ ни мгновенья! Дни мои убавить,
Число ночей печалью сократить —
Ты можешь; но не въ силахъ ты доставить
Мнѣ утро, хоть единое! Тотъ срокъ,
Что остается мнѣ въ земной юдоли,
Урѣзать — отъ твоей зависитъ воли,
Но ты не удержишь времени потокъ:
Къ моей кончинѣ рѣчь твоя несется

Съ потокомъ тѣмъ; умру - и не вернется,
Хоть королевства цѣлаго цѣной,
Дыханіе, утраченное мной!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но сынъ твой изгнанъ съ общаго совѣта,
И поддержалъ ты самъ рѣшеніе это;
Чтожъ ропщешь ты? Я этому дивлюсь.

ГАНТЪ.

Въ желудкѣ вещи, сладкія на вкусъ,
Скисая, производятъ несвареніе.
Да, какъ судья, конечно, то рѣшеніе
Я поддержалъ; но предпочелъ бы я,
Чтобъ спрошенъ былъ отецъ, а не судья.
Будь онъ чужой, не сынъ, — я, безъ сомнѣнья,
Его винѣ нашелъ бы извиненія;
Но, чтобъ не впасть въ пристрастіе, подтвердилъ
Я приговоръ — и жизнь свою разбилъ.
Увы, напрасно ждалъ я съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ кто нибудь вмѣшался съ возраженіемъ,
Что къ сыну я сверхъ всякой мѣры строгъ, —
Никто изъ васъ мнѣ словомъ не помогъ,
И собственный языкъ мой, противъ воли,
Причиной сталъ моей несчастной доли!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прощай, кузень! (*Ганту*). Проститесь, мой совѣтъ:
Отнынѣ сынъ твой изгнанъ на шесть лѣтъ.

(*Трубы. Король и его свита уходятъ*).

ОМЕРЛЬ.

Кузень, прощайте! То, что между нами
Должно остаться, просимъ сообщить
Письмомъ.

ЛОРДЪ МАРШАЛЬ.

А я, милордъ, отправлюсь съ вами,
Пока земля дозволить проводить.

ГАНТЪ.

Что жъ ты молчишь, слова приберегая,
Не отвѣчаешь на привѣтъ друзей?

БОЛИНГБРОКЪ.

Не хватить словъ, чтобъ съ вами распрощаться;
Языкъ мой слишкомъ бѣденъ, чтобъ онъ могъ
Вамъ передать души моей все горе.

ГАНТЪ.

Что жъ такъ скорбѣть? Изгнанья срокъ не дологъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Когда въ изгнаньи радость, — скорбь со мной
На весь тотъ срокъ.

ГАНТЬ.

Шесть зимъ — ужели много?
Онъ такъ быстро пролетятъ!

БОЛИНГБРОКЪ.

Для тѣхъ,

Кто въ радости ликуеть, время мчится,
Въ тоскѣ же часъ одинъ, какъ десять длится.

ГАНТЬ.

Старайся на изгнанье посмотреть,
Какъ на поѣздку ради развлечения.

БОЛИНГБРОКЪ.

Застонетъ сердце, если буду я
Такъ называть скитанье противъ воли!

ГАНТЬ.

Считай тяжелый путь свой за оправу,
Въ которую ты вставишь чудный перлъ
Желаннаго на родину возврата.

БОЛИНГБРОКЪ.

Напротивъ: каждый ненавистный шагъ
Напоминать мнѣ будетъ удаление
Отъ всѣхъ сокровищъ, здѣсь любимыхъ мной.
Не долженъ ли я приучаться долго
Къ чужимъ путямъ, — и только для того,
Чтобъ, получивъ свободу, могъ сказать я,
Что былъ я тамъ поденщикомъ печали?

ГАНТЬ.

Для мудреца въ обширной поднебесной
Любое мѣсто — вѣрный портъ и гавань.
Необходимость учить такъ судить, —
Она же всякой доблести сильнѣе.
Представь себѣ, что не король изгналъ
Тебя, а ты его. Для насъ несчастье
Тѣмъ тяжелѣй, чѣмъ мы предъ нимъ слабѣе;
Представь, что не въ изгнаньи ты, — что я
Послалъ тебя на поиски за славой;
Предположи, что язва моровая
Нашъ воздухъ отравила, ты жъ уѣхалъ
Въ мѣста, гдѣ климатъ болѣе здоровъ;
Вообрази, что все, что сердцу мило,

Не тамъ, откуда ты пришель, а тамъ,
Куда идешь; что птицы — музыканты,
Что поле, по которому идешь ты, —
Чертогъ роскошный; что его цвѣты —
Прекраснѣйшія женщины, шаги же
Твои — лишь танца мѣрныя движенья.

Печаль не такъ страшна тому, кто ей
Въ глаза смѣется, кто ея сильнѣй.

БОЛИНГБРОКЪ.

Увы, кто сможетъ взять рукою пламя,
Хотя бъ онъ думалъ о кавказскихъ льдахъ?
Кто утолить жестокий голодъ сможетъ,
Вообразивъ передъ собою пиръ?
Мечтая о палящемъ лѣтнемъ зноѣ,
Кто выйдетъ голымъ въ стужу декабря?
О, нѣтъ! О счастья думая въ несчастии,
Мы только хуже чувствуемъ бѣду!
Злой скорби зубъ тогда больнѣй насъ гложетъ,
Когда грызетъ гнойникъ, но вскрыть не можетъ.

ГАНТЪ.

Пойдемъ, мой сынъ! Пора ужъ уѣзжать:
Будь молодъ я, какъ ты, — не сталъ бы ждать.

БОЛИНГБРОКЪ.

О, Англія! Прощай, страна родная!
Ты мать моя и нянька: въ этотъ мигъ
Еще меня ты держишь! Пусть въ изгнанье
Я ухожу; осталось мнѣ сознанье,
Въ которомъ гордость для меня и честь:
Во мнѣ британецъ истый — былъ и есть!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Во дворцѣ.

*Входятъ черезъ одну дверь король, Бэготъ
и Гринъ, черезъ другую — герцогъ Омерльскій.*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, кое что мы наблюдали тамъ.
Кузень Омерль, далеко ль провожали
Вы Гирфорда высокаго?

ОМЕРЛЬ.

Того,

Кого высокимъ Гирфордомъ угодно
Вамъ называть, лишь до большой дороги
Я проводилъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И очень много слезъ

Вы пролили при этомъ разставаньи?

ОМЕРЛЬ.

Я — ни одной. Холодный рѣзкій вѣтеръ
Намъ дулъ въ лицо; схватилъ я сильный насморкъ:
Лишь потому холодное прощанье
Сопровождалось кой какой слезой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что вамъ сказалъ кузень, прощаясь съ вами?

ОМЕРЛЬ.

„Прости“, сказалъ онъ. Я же, не желая,
Чтобъ мой языкъ то слово осквернялъ
Неискреннимъ его употребленьемъ, —
Искусно притворился, что подавленъ
Печалью такъ, что всѣ мои слова
Погребены въ печали той. Конечно,
Когда бъ я могъ, сказавъ „прости“, продлить
Часы, иль годы къ краткому изгнанью
Его прибавить, — я бъ его засыпалъ
Прощаньями; но такъ какъ въ этомъ словѣ
Той силы нѣтъ, — я просто промолчалъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Онъ нашъ кузень, онъ нашъ кузень, конечно;
Но сомнѣваюсь, чтобы этотъ кровный
По возвращеньи навѣстилъ друзей.
Мы сами, Беши, Бэготъ, Гринъ нашъ вѣрный —
Всѣ видѣли, какъ къ черни онъ ласкался,
Какъ будто влѣзть старался въ ихъ сердца
Съ униженной любезностью, какъ ровня:
Какъ онъ почтенье расточалъ рабамъ,
Какъ льстилъ мастеровымъ своей улыбкой
И лживою покорностью судьбѣ, —
Какъ будто съ нимъ вся ихъ любовь уходитъ!
Предъ устричной торговкой снялъ онъ шляпу,
Двумъ ломовымъ, ему желавшимъ счастья,
Онъ низко поклонился и отвѣтилъ:
„Спасибо вамъ, друзья и земляки!“
Какъ будто наша Англія въ наслѣдство
Должна ему пойти, какъ будто онъ —
Всѣхъ подданныхъ ближайшая надежда!

ГРИНЪ.

Ну, — онъ ушелъ, а съ нимъ и эти мысли.
Пора принять намъ мѣры, государь,
Чтобъ укротить мятежниковъ ирландскихъ
И времени имъ больше не давать
Усилиться, къ ущербу вашей власти.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мы самолично ѣдемъ на войну.

Но, такъ какъ дворъ у насъ великъ и щедрость

Извѣстна наша, — то казна у насъ

Изрядно опустѣла, къ сожалѣнью.

А потому принуждены мы сдать

Имѣнья королевскія въ аренду;

Доходы съ нихъ помогутъ намъ устроить
 Ближайшія дѣла, а если мало
 Тѣхъ денегъ будетъ намъ, — на этотъ случай
 Намѣстникамъ мы оставляемъ нашимъ
 Открытые листы: пусть богачей
 Они разыщутъ, подписать заставятъ
 Большія суммы и, собравъ тѣ деньги,
 Немедленно пусть отошлютъ ихъ намъ,
 На наши нужды. Мы сейчасъ же ѣдемъ
 Въ Ирландію.

(Входитъ Беши).

Что новаго, мой Беши?

Беши.

Милордъ, Джонъ Гантъ внезапно заболѣлъ
 Весьма опасно, и прислалъ поспѣшно
 У вашего величества просить,
 Чтобъ посѣтили вы его.

Король Ричардъ.

А гдѣ онъ?

Беши.

Онъ въ Эли-Гоузъ.

Король Ричардъ.

Пусть Господь внушитъ

Врачу его — отправить паціента
 Въ гробъ поскорѣй! Какъ разъ поможетъ намъ
 То, что найдемъ мы въ сундукахъ у Ганта
 Одѣтъ солдатъ въ ирландскую войну.
 За мной, джентльмены, поспѣшимъ к больному;
 Дай Богъ спѣшить — и опоздать!

Всѣ.

Аминь.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Эли-Гоузъ.

*Входятъ больной Джонъ Гантъ, герцогъ
 Йоркскій и другіе.*

Гантъ.

Пріѣдетъ ли король? Хотѣлъ бы я

Прощаясь съ жизнью, дать совѣтъ цѣлебный
Ему, который молодъ такъ и вѣтрень.

ІОРКЪ.

Не мучь себя усиломъ этимъ празднымъ:
Ко всякому совѣту глухъ король.

ГАНТЬ.

Но, говорятъ, таинственную силу
Имѣютъ умирающихъ слова,
Подобныя гармоніи глубокой.
Кто говоритъ съ трудомъ, того скорѣй
Послушаютъ; чья въ мукахъ рѣчь родится, —
Тому внимаютъ: ясно для людей,
Что въ этой рѣчи истина таится.
Слова того, кто больше говоритъ
Не будетъ, — выше цѣнятся, конечно,
Чѣмъ рѣчи тѣхъ, кто въ юности безпечной
Умѣетъ только нашимъ вкусамъ льстить.
Когда намъ свѣтитъ солнца лучъ прощальный
Иль музыки гремитъ аккордъ финальный
Или во рту пріятный вкусъ сластей
Отъ пира остается, — безъ сомнѣнья,
Мы это помнимъ лучше и прочнѣй,
Чѣмъ давнія, бывлыя впечатлѣнья.
Пока я живъ былъ, Ричардъ не внималъ
Моимъ совѣтамъ, — ихъ онъ отвергалъ;
Теперь ему велить, быть можетъ, совѣсть
Предсмертную мою прослушать повѣсть.

ІОРКЪ.

Нѣтъ, плотно уши онъ заткнулъ свои
Рѣчами лести, громкими хвалами;
Хвалу, вѣдь, любятъ даже мудрецы.
Любовные стихи, чей ядъ зловредный
Всегда впиваетъ юность такъ охотно,
Извѣстія о всѣхъ новѣйшихъ модахъ
Напыщенной Италіи, которымъ
Плетется вслѣдъ народъ нашъ мѣшковатый,
Стараясь съобезьянить ихъ, — вотъ все,
Что интересно королю! Чуть только
Появится какая-нибудь новость,
Какая бы то пошлость ни была, —
О ней ему жужжать сейчасъ же въ уши.
Нѣтъ, поздно ужъ давать тому совѣтъ,
Кто съ разумомъ въ разладѣ много лѣтъ,
Чей вздорный путь ведетъ куда попало!
Тебѣ и жить, и говорить ужъ мало

Осталось, къ смерти ты уже готовъ, —
Такъ попусту не трать послѣднихъ словъ.

ГАНТЬ.

Мнѣ мнится, что пророкъ я вдохновенный,
 И такъ о немъ предъ смертью предреку:
 Разгула пыль не можетъ долго длиться,
 Большой огонь себя съѣдаетъ самъ;
 Дождь мелкій дологъ, бури жъ — краткосрочны;
 Что слишкомъ скоро, то не слишкомъ споро;
 Кто много ѣсть, — отъ пищи тотъ умереть;
 Пустая спесь, обжора ненасытный,
 Съѣвъ пищу всю, пожретъ сама себя.
 Какъ, этотъ островъ царственно-могучій,
 Страна величья, тронъ любимый Марса,
 Второй Эдемъ, почти воскресшій рай,
 Самой природой созданная крѣпость
 Противу войнъ и всяческой заразы,
 Счастливѣйшее племя, въ маломъ — міръ,
 Роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ
 Серебрянаго моря, для него
 Служащей и стѣной, и рвомъ надежнымъ
 На зависть всѣхъ не столь счастливыхъ странъ, —
 Благословенный край, страна родная,
 Отчизна наша, Англія, — она,
 Вскормившая на плодоносномъ лонѣ,
 Взростившая, какъ нянька, королей,
 Рожденьемъ знаменитыхъ, силой грозныхъ,
 Чьи имена и подвиги гремятъ
 По всей землѣ во славу христіанства
 И рыцарства, до самыхъ дальнихъ странъ,
 До родины упрямаго еврейства,
 До гроба Искупителя земли,
 Божественнаго сына чистой Дѣвы, —
 Страна великихъ душъ, нашъ милый, милый,
 Увѣнчанный всемірной славой край, —
 Заложень онъ, въ аренду сданъ, какъ ферма
 Ненужная, какъ старый домъ пустой!
 О, какъ не умереть, сказавши это!
 Британія, донынѣ только моремъ
 Могучимъ окруженная, осаду
 Царя морей, Нептуна, отражая
 Утесами скалистыхъ береговъ, —
 Окружена теперь позоромъ, цѣпью
 Чернильныхъ пятенъ, свитками гнилыми
 Пергамента; Британія, когда то
 Со славой покорявшая другихъ, —
 Сама себя позору покорила!

О, если бы тотъ стыдъ со мною умеръ,
Какъ радъ бы былъ я встрѣтить смерть свою!

(Входятъ король Ричардъ, королева,
Омерль, Беши, Гринъ, Бэготъ, Россъ,
Виллоуби).

Іоркъ.

Король идетъ; будь мягокъ съ нимъ: онъ молодъ,
Притомъ горячъ, какъ молодой жеребчикъ,
Котораго опасно горячить.

Королева.

Что съ вами, герцогъ, нашъ любезный дядя?

Король Ричардъ.

Ну, какъ дѣла? Какъ можешь, старый Гантъ?

Гантъ.

Да, старый Гантъ! Сухимъ меня прозвали³),
И какъ прозвание это мнѣ къ лицу!
Внутри меня печаль постилась долго, —
А какъ, постясь, не сдѣлаться сухимъ?
Спитъ Англія, — я сна за то лишился,
Бессонница жъ рождаетъ худобу,
А худоба и сухость — неразрывны.
Другихъ отцовъ питающую радость
Мнѣ также постъ тяжелый замѣнилъ;
Лишень я этой пищи, — я не вижу
Своихъ дѣтей; ты наложилъ тотъ постъ
И черезъ то меня сухимъ ты сдѣлалъ.
Изсохъ для гроба я, самъ сухъ, какъ гробъ:
Внутри меня, какъ въ гробѣ, только кости.

Король Ричардъ.

Какъ странно, что больные такъ искусно
Играть умѣютъ прозвищемъ своимъ!

Гантъ.

Нѣтъ, здѣсь печаль лишь надъ собой смѣется:
Во мнѣ убить мое ты хочешь имя,
И я смѣюсь надъ именемъ своимъ,
Дабы польстить тебѣ, король великій.

Король Ричардъ.

Къ чему же умирающаго лестъ Живущему?

Гантъ.

Ошибся ты, ошибся:

Живущій умирающему льститъ.

Король Ричардъ.

Ты умираешь, — и сказалъ, что льстишь мнѣ.

ГАНТЪ.

Да, боленъ я, но умираешъ ты.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но я здоровъ, а ты — я вижу — боленъ.

ГАНТЬ.

Творецъ мой видитъ, какъ я вижу ясно
 Болѣзнь твою! И самъ я потому
 Страдаю, что тебя больнымъ я вижу.
 Предсмертная постель твоя, гдѣ тяжело
 Страдаешь ты, — родная вся страна;
 Болѣзнь твоя — утрата доброй славы;
 И ты, безпечный паціентъ, довѣрилъ
 Помазанное тѣло тѣмъ врачамъ,
 Которымъ ты болѣзнию той обязанъ!
 Въ твоей коронѣ, вокругъ главы вѣнчанной,
 Гнѣдятся прочно тысяча льстецовъ, —
 Хотя малъ тотъ кругъ, гдѣ этотъ вредъ рождается,
 Но охватилъ онъ цѣлую страну.
 О, еслибъ дѣдъ твой славный могъ предвидѣть,
 Какъ сынъ его возлюбленнаго сына
 Сынамъ страны родимой повредить, —
 Онъ этого стыда не допустилъ бы.
 Заранѣе низложенъ былъ бы тотъ,
 Кто самъ себя позоромъ низлагаетъ.
 Племянникъ мой! Будь ты властитель міра, —
 И то бы стыдно было сдать въ аренду
 Нашъ милый край; но этотъ край — все то,
 Чѣмъ ты владѣешь: стыдно, дважды стыдно!
 Ты не король, ты Англіи помѣщикъ;
 Законодатель сталъ рабомъ законнымъ,
 И ты...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да ты съ ума сошелъ, дуракъ,
 Безумный пустомеля? Подъ предлогомъ
 Болѣзни ты насъ вздумалъ поучать?
 Блѣднѣть ты насъ отъ гнѣва заставляешь,
 Съ лица стоня царственную кровь?
 Клянусь своимъ я скипетромъ: не будь ты
 Эдварда сынъ, — языкъ твой, такъ проворно
 Вертящійся во рту твоёмъ безстыднымъ,
 Тебѣ свернулъ бы шею съ дерзкихъ плечъ!

ГАНТЬ.

О, не жалѣй меня, Эдварда внукъ,
 За то, что я — братъ сыновей Эдварда!
 Какъ пеликанъ, ты началъ ужъ терзать
 Родную грудь и кровью упиваться:
 Братъ Глостеръ, — эта кроткая душа,
 Пошли Господь ей миръ среди блаженныхъ, —
 Тобой убить онъ! Нужно ли еще

Свидѣтельство, что смѣло, безъ стѣсненья,
Готовъ ты кровь Эдварда проливать!
Прибавь сюда болѣзнь мою, да грубость,
Съ которою, какъ сторбленная старость,
Ты ускоряешь дней моихъ конецъ,
Спѣша сорвать цвѣтокъ, давно увядшій!
Живи въ своемъ позорѣ, но позоръ твой
Да не умретъ съ тобой! И пусть всю жизнь
Мои слова твою терзаютъ совѣсть!
Сведите же въ постель меня, а тамъ —
Скорѣй въ могилу! Тотъ лишь жить желаетъ,
Кого любовь и почеть окружаетъ.

(Уходитъ, поддерживаемый слугами).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И пусть умереть, кто старъ, въ комъ злости зудъ!
Пусть злость и старость вмѣстѣ въ гробъ уйдутъ.

ІОРКЪ.

Я васъ прошу и умоляю, ваше
Величество: слова его вмѣните
Болѣзни лишь и старости; онъ любитъ
Васъ такъ же, какъ любилъ васъ герцогъ Гирфордъ
До своего изгнанья.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, вы правы:

Онъ точно такъ же любитъ насъ, какъ Гирфордъ,
И точно такъ же я люблю его.
Все это вѣрно: только и всего.

(Входитъ Нортomberландъ).

НОРТОМБЕРЛАНДЪ.

Вамъ, государь, поклонъ шлетъ старый Гантъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что-жъ передать велѣлъ онъ?

НОРТОМБЕРЛАНДЪ.

Ничего,

Все сказано уже. Его языкъ
Теперь — безструнный инструментъ: утратилъ
Слова, и жизнь, и все нашъ старый герцогъ.

ІОРКЪ.

Теперь бы, Іоркъ, тебѣ конецъ пришелъ!
Хоть смерть горька, — она конецъ всѣхъ золъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Созрѣвшій плодъ скорѣе падаетъ,
Чѣмъ прочіе. Его чреда пришла,

А передъ нами — странствіе земное.
Довольно же объ этомъ. Намъ пора
Вернуться къ мысли о войнѣ ирландской.
Упрямыхъ, грубыхъ этихъ мужиковъ.
Въ отравленномъ гнѣздѣ своемъ живущихъ
И въ немъ плодящихъ вѣчную отраву, —
Пора сломить. Но подвигъ тотъ великъ
И требуетъ изрядныхъ онъ издержекъ;
А потому, чтобъ поддержать казну,

Беремъ мы деньги, утварь, всѣ доходы
И движимость, которыми владѣлъ
Покойный Гантъ, нашъ дядя.

Іоркъ.

О, доколѣ

Терпѣть все это буду я? Доколѣ
По чувству долга буду допускать
Насиліе? Ни Глостера погибель,
Ни Гирфорда изгнанье, ни помѣхи
Вступленью въ бракъ бѣдняги Болингброка,
Ни тяжкая обида брата Ганта,
Ни притѣсненія разныхъ частныхъ лицъ,
Ни то, что я и самъ попалъ въ немилость, —
Ничто не вызывало знаковъ гнѣва
Въ лицѣ моемъ покорномъ: я себѣ
Поморщиться ни разу не позволилъ
Предъ королемъ. Изъ сыновей Эдварда
Послѣдній я; отецъ твой, принцъ Уэльскій,
Изъ нихъ былъ первый; царственный и юный,
Въ войнѣ, какъ левъ, и грозенъ, и могучъ,
Онъ въ мирѣ былъ незлобивъ, какъ ягненокъ.
Ты на него похожъ; въ твои онъ годы
Имѣлъ такой же точно видъ, какъ ты;
Но гнѣвался онъ только на французовъ,
Не на друзей своихъ; онъ благородно
Жилъ только тѣмъ, что самъ пріобрѣталъ,
Не расточая достоянія предковъ;
Родною кровью былъ онъ не запятнанъ,
Лилъ только кровь враговъ своей родни.
О, Ричардъ! Если я себѣ позволилъ
Объ этомъ вспомнить, — то лишь потому,
Что слишкомъ я глубоко опечаленъ.

Король Ричардъ.

Въ чемъ дѣло, дядя?

Іоркъ.

О, мой государь,

Прости меня, когда тебѣ угодно,
Иль, если не угодно, не прощай,
Я и на то согласенъ. Неужели
Всѣ Гирфорда изгнанника права
И все наслѣдство хочешь ты присвоить?
Не умеръ развѣ Гантъ? Не живъ ли Гирфордъ?
И развѣ Гантъ былъ предъ тобой не правъ?
И развѣ Гирфордъ былъ тебѣ не вѣренъ?

Чѣмъ Гантъ былъ недостойнъ передать
Наслѣдство сыну? Чѣмъ нашъ Гарри Гирфордъ
Не заслужилъ наслѣдства своего?
Что-жь, отними у Гирфорда наслѣдство,
У времени — обычныя права;
Тогда пусть день не слѣдуетъ за утромъ,
И самъ собой ты перестанешь быть:
Вѣдь если ты король, то только въ силу
Священныхъ правъ преемства и наслѣдства!
Клянусь я Богомъ, и не дай, о Боже,
Чтобъ то, что я предвижу, все сбылось, —
Какъ только ты правъ Гирфорда коснешься
Рукой несправедливою, отнимешь
Значенье все у жалованныхъ грамотъ,
Которыя чрезъ стряпчихъ онъ представить,
Чтобъ получить имущество свое,
И подданство его чрезъ то отвергнешь, —
Ты тысячу опасностей накличешь
На голову свою, утратишь разомъ
Тебѣ покорныхъ тысячу сердецъ,
И даже я, исполненный терпѣнья
И вѣрности, — начну я думать такъ,
Какъ подданнымъ не подобаетъ думать.

Король Ричардъ.

Какъ хочешь, можешь думать: мы беремъ
Себѣ его имѣнья, деньги, домъ.

Йоркъ.

Ну, дѣлать мнѣ здѣсь нечего. Прощаюсь
Съ тобой, король; что будетъ, — не ручаюсь,
Но такъ какъ зло свершиться здѣсь должно,
Добромъ едва-ли кончится оно.

(Уходитъ).

Король Ричардъ.

Сейчасъ же къ графу Уильтширу отсюда
Ты, Беши, поѣзжай, чтобъ замѣнилъ
Онъ въ Эли-Гоузѣ насъ. Пускай присмотритъ
За этимъ дѣломъ. Завтра же мы ѣдемъ
Въ Ирландію; пора, давно пора.
Пока въ отъѣздѣ будемъ мы, пусть будетъ
Правителемъ верховнымъ Йоркъ, нашъ дядя:
Онъ справедливъ и насъ всегда любилъ.
Поѣдемъ, королева! Завтра въ путь;
Будь весела: недолго быть намъ вмѣстѣ.

*(Трубы. Король, королева, Омерль,
Беши, Гринъ и Бэготъ уходятъ).*

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ну, лорды, умерь герцогъ Ланкастеръ.

РОССЪ.

И въ то же время живъ: отнынѣ герцогъ —
Сынъ герцога покойнаго.

ВИЛЛОУБИ.

Но только

По титулу, не по имѣнью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Онъ

Тѣмъ и другимъ богатъ бы былъ по праву,
Когда бы соблюдались здѣсь права.

РОССЪ.

На сердцѣ тяжело у меня; но лучше

<В верхней части страницы расположена средневековая миниатюра «Сшибка двух английских рыцарей на турнире или в судебном поединке».>

Пусть сердце разорвется отъ тоски,
Чѣмъ облегчить себя свободной рѣчью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Нѣтъ, выскажи свои намъ мысли смѣло,
И пусть языкъ отсохнетъ у того,
Кто ихъ, во вредъ тебѣ, другимъ расскажетъ.

ВИЛЛОУБИ.

Быть можетъ, рѣчь о Гирфордѣ пойдетъ?
Знай: если такъ, то говорить не бойся;
Я слышать радъ все доброе о немъ.

РОССЪ.

Что добраго могу ему я сдѣлать?
Лишь помянуть добромъ его, жалѣть,
Что онъ ограбленъ и лишенъ наслѣдства.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Позоръ, позоръ — чинить насилие это
Надъ нимъ, надъ принцемъ королевской крови!
Да и не онъ одинъ: въ странѣ несчастной,
Клонящейся къ упадку, пострадали
Ужъ многіе изъ знати. Нашъ король
Собою не владѣетъ; онъ во власти
Лстецовъ негодныхъ: что ему внушаютъ
По злобѣ на кого-нибудь изъ насъ,
То онъ исполнить радъ безпрекословно
И беспощадно насъ караетъ онъ,
Все отнимая: жизнь, дѣтей, наслѣдство!...

РОССЪ.

Онъ общины давно ужъ разорилъ
Тяжелыми налогами, и этимъ
Сердца ихъ отвратилъ; карая знатныхъ
За старья ихъ распри родовыя,
Любовь вельможъ онъ также потерялъ.

ВИЛЛОУБИ.

И что ни день, то новые поборы.
То бланки, то пожертвованій взносы, —
Богъ знаетъ, что еще... Что-жъ съ нами будетъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

И не отъ войнъ все это разоренье;
Онъ войнъ не велъ: посредствомъ гнусныхъ сдѣлокъ
Онъ раздавалъ все то, что предковъ рядъ
Съ отвагою мечомъ приобрѣтали!

Онъ въ мирѣ тратилъ больше, чѣмъ они
Въ войнѣ.

Россы.

Лордъ Уилтъширъ взялъ все
Королевство въ аренду.

ВИЛЛОУБИ.

Да; и нашъ король отнынѣ —
Банкротъ, какъ разорившійся купецъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Надъ нимъ виситъ позоръ и разрушенье.

РОССЪ.

Нѣтъ денегъ на ирландскую войну,
Хотя налоги прямо непомѣрны;
Что же оставалось дѣлать, какъ не грабить
Изгнанника?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Онъ родственникъ ему!

О, какъ испорченъ нашъ король! Что жъ, лорды?
Вокругъ себя мы слышимъ бури вой, —
И отъ нея не ищемъ мы защиты;
Глядимъ, какъ вѣтеръ рветъ намъ паруса, —
И не спѣшимъ убрать ихъ, погибая.

РОССЪ.

Мы видимъ зло, но отвратить опасность
Не можемъ мы: нельзя намъ устранить
Причину зла, которую мы знаемъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А я скажу, что жизни свѣточъ намъ
Мерцаетъ даже сквозь глазицы смерти.
Я не рѣшаюсь только вамъ сказать,
Какъ близки вѣсти о спасеньи нашемъ.

ВИЛЛОУБИ.

Свои ты мысли долженъ намъ открыть,
Какъ мы тебѣ свои открыли мысли.

РОССЪ.

Не бойся говорить, Нортomberлэндъ:
Мы трое — все равно, что ты одинъ,
И все равно — что скажешь, что помыслишь.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Такъ слушайте-жъ: изъ Портъ-ле Блана, порта
Въ Бретани, я извѣстье получилъ,
Что герцогъ Гарри Гирфордъ, Рэнольдъ Кобгемъ, —
Съ которымъ нынѣ въ ссорѣ герцогъ Экстеръ, —
И братъ его, архіепископъ бывшій
Кентербюрійскій, Томасъ Эрпингемъ,
Сэръ Джонъ Рэмстонъ и сэръ Джонъ Норбери,
Сэръ Робертъ Уотертонъ и Фрэнсисъ Квойнтъ, —

Соединясь всѣ вмѣстѣ, получили
Отъ герцога Бретонскаго въ подмогу
Прекрасныхъ восемь кораблей и войско
Въ три тысячи солдатъ. Они плывутъ,
Вполнѣ готовы къ бою, къ намъ, и вскорѣ
Намѣрены на сѣверѣ пристать, —
Быть можетъ, и пристали бѣ ужъ, но только
Ждутъ, чтобъ король въ Ирландію уѣхалъ.
Хотите ль сбросить рабское ярмо,
Скрѣпить отчизны сломанныя крылья,
Изъ низкой сдѣлки выкупить корону
И съ золотого скипетра пыль смахнуть,
Чтобъ возвратить державному величью
Достоинство, приличное ему, —
Тогда за мною въ Равенспоргъ скорѣе!
Но если вы колеблетесь, боитесь
Такъ поступить, — то лишь храните тайну,
А въ Равенспоргъ отправлюсь я одинъ.

РОССЪ.

Такъ на коней скорѣй, безъ промедленья!
Другимъ оставимъ страхи и сомнѣнья!

ВИЛЛОУБИ.

Лишь только бы хватило силъ коня, —
Изъ насъ увидятъ первымъ тамъ меня!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дворецъ короля Ричарда.

КОРОЛЕВА, БЕШИ и БЭГОТЪ.

БЕШИ.

Вы слишкомъ, государыня, грустите;
Прощаясь съ королемъ, вы обѣщали
Прогнать тоску, снѣдающую жизнь,
И быть въ расположеніи духа свѣтломъ.

КОРОЛЕВА.

Для короля я это обѣщала,
Но для себя — могу ль веселой быть?
Да и не знаю, для чего бѣ я стала
Привѣтствовать такого злого гостя,
Какъ скорбь, сказавъ „прости“ такому гостю,
Какъ милый Ричардъ мой. Притомъ гнететъ
Меня печаль какая-то иная,
Которая изъ тайныхъ нѣдръ судьбы

На свѣтъ еще какъ будто не явилась;
Дрожить душа моя, — а передъ чѣмъ, —
Сама не знаю, но скорблю сильнѣе,
Чѣмъ при прощаньи съ королемъ моимъ.

Б е ш и .

Печаль имѣетъ двадцать отраженій;
Изъ нихъ готовы каждое мы счесть
За новую печаль. Вы имъ не вѣрьте!
Нашъ глазъ, когда его туманятъ слезы,
Все видитъ вкругъ себя вдвойнѣ, втройнѣ.
Такъ точно, если прямо мы посмотримъ

Сквозь толстое граненое стекло, —
 Мы не увидимъ ничего; взглянувъ же
 Немного вкось, — мы различаемъ формы.
 И съ вами, государыня, мы видимъ
 Явление то же: косо посмотрѣвъ
 На огорчившій васъ отъѣздъ супруга,
 Вы больше горя видите, чѣмъ есть.
 Печали ваши — это только тѣни
 Того, чего въ дѣйствительности нѣтъ,
 И вамъ, безцѣнной нашей королевѣ,
 Нѣтъ основанья ни о чемъ скорбѣть,
 Какъ только о разлукѣ съ вашимъ мужемъ:
 Другихъ причинъ не видно: если жъ вы
 Ихъ видите, — то лишь обманомъ зрѣнья,
 Принявъ за фактъ — игру воображенья.

КОРОЛЕВА.

Быть можетъ, это вѣрно; но въ душѣ
 Я все таки убѣждена въ противномъ.
 Но будь, что будетъ, не могу никакъ
 Я отрѣшиться отъ тоски тяжелой, —
 Такой тяжелой, что, хоть я сама
 Не знаю, что, о чемъ и какъ я мыслю,
 Но это что-то, какъ тяжелый гнетъ,
 Меня страшитъ и скорбь мнѣ сердце жметъ.

БЕШИ.

Все это только мнительность, милэди.

КОРОЛЕВА.

Но мнительность должна была бѣ имѣть
 То иль иное основанье въ прошломъ;
 Моей же грусти основанья нѣтъ,
 Да и о чемъ скорблю, — сама не знаю:
 Что я имѣю, тѣмъ и обладаю,
 Но чтó оно и какъ его назвать, —
 Я имени ему не въ силахъ дать.

(Входитъ Гринъ).

ГРИНЪ.

Да сохранить Господь всеильный Ваше
 Величество! Привѣтъ мой вамъ, джентльмены!
 Надѣюсь, не успѣлъ еще король
 Въ Ирландію отплыть?

КОРОЛЕВА.

Какъ? Почему

Надежду ты такую выражаешь?

Надѣяться должны мы, что отплыть
Онъ ужъ успѣлъ; онъ съ этимъ такъ спѣшилъ,
Въ поспѣшности была его надежда.
Зачѣмъ же намъ надѣяться на то,
Что онъ отплыть донынѣ не собрался?

Гринъ.

Затѣмъ, чтобъ могъ король, надежда наша,
Вернуться съ войскомъ и разбить надежду
Враговъ своихъ, которые у насъ,
Въ странѣ его, нашли себѣ опору.
Вернулся къ намъ изгнанникъ Болингброкъ,
Благополучно переплывши море,
И въ Равенспоргъ поднялъ онъ мятежъ.

Королева.

Ахъ, Боже сохрани!

Гринъ.

Увы, милэди:

Все это слишкомъ правда. Но всего
Ужаснѣе, что лордъ Нортomberлэндъ
Совмѣстно съ сыномъ, юнымъ Гарри Перси,
И лорды Россъ, Бьюмондъ и Виллоуби,
И всѣ друзья вліятельные съ ними,
Къ измѣннику бѣжали въ Равенспоргъ.

Беши.

Но отчего жъ вы ихъ не объявили
Виновными въ измѣнѣ, въ мятежѣ?

Гринъ.

Мы объявили; но въ отвѣтъ на это
Графъ Вустеръ санъ сложилъ, сломалъ свой жезлъ
И, слугъ своихъ собравъ, бѣжалъ туда же.

Королева.

Я вижу, Гринъ, для горя моего
Ты повивальной бабкой оказался,
А Болингброкъ — моей печали смутной
Ужасное дитя. Моя душа
Чудовищемъ свирѣпымъ разрѣшилась,
И вотъ, родивъ его, прибавлю я
Печаль къ своей печали, горе къ горю.

Беши.

Милэди, не отчаивайтесь.

Королева.

Кто же

Мнѣ помѣшаетъ въ этомъ? Я хочу

Отчаянью предаться, гнать надежду,
Какъ лживаго льстеца и паразита,
Который лишь задерживаетъ смерть.
Легко бы смерть порвала узы жизни,
Когда бъ не длила время нашихъ дней
Надежда лживой помощью своей!

(Входитъ Йоркъ).

Гринъ.

Вотъ герцогъ Йоркъ.

Королева.

Со знаками войны

Вкругъ старой головы своей. О, сколько

Въ глазахъ его тревоги! Ради Бога,
Подайте, дядя, намъ благу вѣсть.

ІОРКЪ.

Подавъ благія вѣсти, оболгалъ бы
Свои я мысли. Все, что есть благого,
То въ небесахъ, а мы, вѣдь, на землѣ,
Гдѣ только горе, скорби и заботы
Живутъ всегда. Уѣхалъ вашъ супругъ,
Чтобъ дальнія свои сберечь владѣнья,
А здѣсь пришли другіе безъ него,
Чтобъ дома онъ своей лишился власти.
Оставленъ я, чтобъ поддержать корону,
А я и самъ, старикъ, едва держусь.
Пришелъ тотъ часъ, когда чревоугодье
Жестокою болѣзною разразится;
Пришла пора, чтобъ испытать друзей,
Которые ему такъ много льстили.

(Входитъ слуга).

СЛУГА.

Милордъ, вашъ сынъ уже въ отъѣздѣ былъ,
Когда пришелъ я.

ІОРКЪ.

Вотъ какъ? Онъ уѣхалъ?

Пусть ѣдутъ всѣ, куда они хотятъ!
Вельможи всѣ бѣгутъ, народъ покамѣстъ
Молчитъ; боюсь, что къ Гирфорду и онъ
Въ концѣ концовъ примкнетъ. (Слугъ).

Сейчасъ же, малый,

Ты въ Плэши поѣзжай, къ моей сестрѣ:
Пусть тысячу гиней пришлетъ скорѣе,
Вотъ перстень мой, — возьми.

СЛУГА.

Милордъ, я вамъ

Забылъ сказать: туда ужъ заѣзжалъ я,
Но... право, я не смѣю досказать, —
Боюсь я вашу свѣтлость опечалить.

ІОРКЪ.

Что тамъ еще, холопъ?

СЛУГА.

За часъ предъ тѣмъ,

Какъ я пришелъ, скончалась герцогиня.

ІОРКЪ.

Умилосердись, Боже! Что за масса
Ужасныхъ бѣдъ обрушилась, вся разомъ,
На край несчастный нашъ! Что дѣлать мнѣ?
Я, право, былъ бы радъ, — хотя, конечно,
Того не заслужилъ я, — чтобъ король,
Снявъ голову съ плечъ брата, заодно ужъ
Снялъ и мою. Отправлены ль гонцы
Въ Ирландію? Откуда взять намъ денегъ?
Сестра, то-бишь, племянница, простите
Меня, прошу, — поѣдьте со мною! (*Слугъ*).
А ты, пріятель, поѣзжай въ мой домъ,
Достань телѣгъ и вывези оружье. (*Слуга уходитъ*).
Джентльмены, соберете-ль вы войска?
Пусть буду я не я, когда я знаю,
Какъ выбратъся изъ этой кучи дѣлъ,
Которыя взвалили мнѣ на плечи.
Враги — мнѣ оба близкіе родные;
Одинъ — мой государь: мой долгъ и клятва
Велятъ мнѣ защищать его; другой —
Племянникъ мнѣ: онъ королемъ обиженъ
И мнѣ родство и совѣсть не велятъ
Мѣшать ему. Но что нибудь да нужно жъ
Начать! Итакъ, племянница, поѣдемъ.
Джентльмены, васъ прошу собрать войска
И послѣ къ намъ явиться въ замокъ Беркли.
Мнѣ также нужно было бъ съѣздить въ Плэши,
Да время не позволить. Вотъ разгромъ!
Все развалилось, все пошло вверхъ дномъ.

(*Йоркъ и королева уходятъ*).

Б е ш и .

Въ Ирландію легко дойдутъ извѣстья:
Благопріятенъ вѣтеръ для того;
Но какъ оттуда мы отвѣтъ получимъ?
А здѣсь набрать намъ столько же солдатъ,
Какъ у враговъ, — конечно, невозможно.

Гринъ .

При томъ же наша близость къ королю
Насъ приближаетъ къ ненависти злобной
Тѣхъ, кто не любитъ короля.

Бэготъ .

Его

Не любитъ весь народъ непостоянный:
У нихъ любовь, вѣдь, скрыта въ кошелькѣ;
Кто деньги съ нихъ беретъ, того, конечно,
Они терпѣть не могутъ всей душой.

Б е ш и .

Вѣдь, въ этомъ короля и обвиняли.

Б э г о т ь .

А вмѣстѣ съ нимъ и насъ, когда они
Хоть чуточку способны къ разсужденію.

Г р и н ь .

Въ Бристольскій замокъ я хочу укрыться;
Лордъ Уильтширъ тамъ ужъ.

Б е ш и .

Съ вами ѣду я.

Намъ трудно было-бъ ожидать защиты
Отъ черни злой: они насъ, какъ дворняжки.
Готовы будутъ растерзать въ куски.

(Бэготу).

Вы съ нами?

БЭГОТЬ.

Я въ Ирландію поѣду:

Спѣшу къ его величеству. Прощайте!

Недоброе предчувствую я сердцемъ,

И если правду говоритъ оно,

То свидѣться ужъ намъ не суждено.

БЕШИ.

Быть можетъ, Іоркъ прогонитъ Болингброка.

ГРИНЪ.

Ахъ, бѣдный герцогъ! Взялъ онъ на себя

Такую-жъ невозможную задачу,

Какъ счесть пески иль выпить океанъ.

Одинъ при немъ остаться согласится,

А тысяча сейчасъ же разбѣжится.

Примите же прощальный нашъ привѣтъ,

Быть можетъ, навсегда.

БЕШИ.

Я все-жъ въ надеждѣ,

Что вновь мы всѣ увидимся, какъ прежде.

БЭГОТЬ.

Боюсь я, что надежды этой нѣтъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Пустынная мѣстность въ Глостерширѣ.

Входятъ Болингброкъ и Нортomberландъ, съ войскомъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Далеко-ли, милордъ, теперь до Беркли?

НОРТОМБЕРЛАНДЪ.

Не знаю, право, благородный лордъ.

Я здѣсь совсѣмъ чужой, вѣдь, въ Глостерширѣ.

Высокіе пустынные холмы

И грубыя неровныя дороги,

Путь удлинняя, утомляютъ насъ.

Но мнѣ бесѣда ваша, точно сахаръ,

Даетъ усладу въ трудностяхъ пути.

Какъ тягостна, я думаю, дорога

Отъ Равенспорга въ Котсвольдъ, по которой

Къ вамъ лорды Россъ и Виллоуби спѣшатъ,

Лишенные возможности пріятной

Быть вмѣстѣ съ вами! Увѣряю васъ,
Что общество мнѣ ваше облегчило
Всѣ трудности суроваго пути
Они, конечно, могутъ утѣшаться
Надеждою достигъ, въ концѣ концовъ,
Того же счастья, что и я: надежда
На счастье — тоже, вѣдь, почти что счастье:
Она ихъ путь тяжелый сократить,
Какъ сократила мнѣ его отрада
Увидѣть васъ и въ обществѣ быть вашимъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Не стоитъ, право, общество мое
Словъ зашихъ добрыхъ. Это кто идетъ къ намъ?

(Входитъ Генри Перси).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Я вижу, это сынъ мой — Гарри Перси.
Онъ посланъ братомъ Вустеромъ, — откуда,
Не знаю. Здравствуй, Гарри! Что твой дядя?

ПЕРСИ.

Я думалъ, вы мнѣ скажете о немъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ, развѣ онъ теперь не съ королевой?

ПЕРСИ.

О нѣтъ, отецъ: онъ дворъ совсѣмъ покинулъ,
Сложилъ съ себя свой санъ, сломалъ свой жезлъ
И распустилъ дворцовую прислугу.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Зачѣмъ? Когда я съ нимъ въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ, онъ былъ иного мнѣнья.

ПЕРСИ.

Затѣмъ, что вашу свѣтлость объявили
Измѣнникомъ. Онъ въ Равенспоргъ уѣхалъ,
Чтобъ Гирфорду услуги предложить,
Меня жъ послалъ онъ въ Беркли, чтобъ развѣдать,
Какія силы герцога Йоркъ собралъ
И свѣдѣнья тѣ въ Равенспоргъ доставить.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А герцога ты Гирфорда забылъ,
Мой мальчикъ?

ПЕРСИ.

Нѣтъ, отецъ: забыть нельзя,

Чего не помнимъ. Герцога ни разу
Я, кажется, не видѣлъ до сихъ поръ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ну, такъ узнай его: вотъ герцогъ Гирфордъ.

ПЕРСИ.

Мой милостивый лордъ, я предлагаю

Вамъ всѣ свои услуги, — что могу.

Теперь я слабъ, неопытенъ и молодъ,

Но съ возрастомъ мои созрѣють силы,
Чтобъ болѣе достойно вамъ служить.

БОЛИНГБРОКЪ.

Благодарю тебя, мой милый Перси,
И знай, что счастье высшее свое
Я вижу въ томъ, что въ сердцѣ благодарно
Лелѣю память о своихъ друзьяхъ.
Съ твоей любовью вѣрною фортуна
Моя созрѣетъ и твоя любовь
Тогда найдетъ себѣ вознагражденье.
Пусть заключенный сердцемъ договоръ
Рука моя скрѣпитъ своимъ пожатьемъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Далеко ли до Беркли? Очень страшенъ
Съ своею ратью добрый старый Йоркъ?

ПЕРСИ.

Вонъ тамъ, за этой группою деревьевъ
Есть замокъ; въ немъ, я слышалъ, гарнизону
Всего лишь триста человѣкъ. Тамъ Йоркъ
И лорды Беркли и Сеймуръ, а больше
Изъ знати и дворянства — никого.

(Входятъ Россъ и Виллоуби).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Вотъ лорды Россъ и Виллоуби: въ крови
Ихъ шпоры, лица красны, какъ огонь.
Вы видите, какъ къ вамъ они спѣшили!

БОЛИНГБРОКЪ.

Привѣтъ вамъ, лорды! Вижу я, что вы
Изгнанника, измѣнника — любовью
Своею не оставили! Пока —
Все, что имѣю я, — лишь благодарность
Безсильная; разбогатѣвъ, она
За преданность и трудъ вознаградить васъ.

РОССЪ.

Богаты мы ужъ тѣмъ, что видимъ васъ.

ВИЛЛОУБИ.

И тѣмъ нашъ трудъ вознагражденъ стократно.

БОЛИНГБРОКЪ.

Благодарю васъ снова. Благодарность —
Единая казна у бѣдняка;
Въ младенчествѣ пока моя фортуна, —
Когда она немного подрастетъ,

Щедрѣй я буду. Кто тамъ къ намъ идетъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Мнѣ кажется, я вижу лорда Беркли.

(Входитъ Беркли).

БЕРКЛИ.

Я присланъ къ вамъ, лордъ Гирфордъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Но, милордъ,

Позвольте возразить вамъ: я не Гирфордъ,

А Ланкастеръ; я въ Англію явился,

Чтобъ это имя здѣсь себѣ добыть.

Пока я этотъ титулъ не услышу

Изъ вашихъ устъ, — не стану отвѣчать.

БЕРКЛИ.

Милордъ, повѣрьте, вовсе не хотѣлъ я

Какихъ нибудь васъ титуловъ лишать.

Я присланъ, какъ бы вы ни назывались,

Къ вамъ отъ лица правителя страны.

Свѣтлѣйшій герцогъ Іоркъ велѣлъ спросить васъ,

Какая быть могла тому причина,

Что, пользуясь отъѣздомъ короля,

Явились вы, поднявши самовольно

Оружье и нарушивъ миръ страны.

(Входитъ Іоркъ со свитою).

БОЛИНГБРОКЪ.

Мнѣ надобности нѣтъ передавать

Отвѣтъ мой черезъ васъ: свѣтлѣйшій герцогъ

Идетъ къ намъ самъ.

(Преклоняетъ колѣна).

Мой благородный дядя!

ІОРКЪ.

Что мнѣ твое колѣнопреклоненіе!

Покорное мнѣ сердце покажи!

Предательски нарушилъ ты присягу.

БОЛИНГБРОКЪ.

Но, милостивый дядя мой...

ІОРКЪ.

Прочь, прочь!

Ты долженъ знать, что дядя тутъ не дядя

И милость тутъ, какъ милость, ни при чемъ.

Измѣннику не дядя я; а милость,

Когда исходитъ изъ немилыхъ устъ,

Свое значеніе только оскверняетъ.

Какъ смѣли эти изгнанныя ноги
Коснуться праха англійской земли?
Да это что! Пройти дерзнулъ ты съ войскомъ
Такъ много миль чрезъ мирную страну,
Грозя войной испуганнымъ селеньямъ
И ненавистнымъ хвастаясь мечомъ!
Не потому-ль рѣшился ты на это,
Что короля здѣсь нѣтъ? Мальчишка глупый,
Ошибся ты: король остался здѣсь!
Въ моемъ лицѣ, въ моей груди, хранящей
Свой долгъ святой, могущество его!
О, еслибъ былъ я молодъ, какъ въ то время,
Когда отецъ твой, храбрый Гантъ, и я,

Прорвавъ ряды густые многихъ тысячъ
 Французовъ, Принца Чернаго спасли,
 Отважнаго, какъ юный Марсъ!
 Тогда бы вотъ этою рукой, теперь разбитой
 Параличемъ, сьумѣлъ бы я жестоко
 Тебя сейчасъ за дерзость наказать!

Болингброкъ.

Но вы скажите, милостивый дядя,
 Въ чемъ прегрѣшилъ я? Въ чемъ моя вина?

Йоркъ.

Какъ въ чемъ вина? Да что жъ быть можетъ хуже?
 Мятежъ безстыдный, гнусная измѣна!
 Вѣдь ты изгнанникъ: какъ же ты посмѣлъ
 До истечения срока возвратиться.
 Поднявъ оружье противъ короля?

Болингброкъ.

Когда я изгнанъ былъ, то лишь какъ Гирфордъ,
 Вернулся же, какъ герцогъ Ланкастеръ.
 Я попрошу васъ, благородный дядя,
 Взгляните только безпристрастнымъ окомъ
 На тѣ обиды, что я претерпѣлъ.
 Вы мнѣ отецъ: мнѣ кажется, я вижу
 Передъ собою Ганта старика.
 Что-жъ, какъ отецъ, ужели вы могли бы
 Снести, чтобъ смѣли на меня смотрѣть,
 Какъ на бродягу; чтобъ лишили силой
 Меня всѣхъ правъ и отдали бы ихъ
 На мотовство негоднымъ проходимцамъ?
 Кто я такой? Вѣдь если мой кузень
 Есть Англіи король, то всякій знаетъ,
 Что я, тѣмъ самымъ, герцогъ Ланкастеръ.
 У васъ есть сынъ, Омерль, родной кузень мой;
 Что, если бъ вы скончались прежде Ганта
 И сынъ вашъ былъ обиженъ такъ, какъ я?
 Отца бъ себѣ нашелъ онъ въ дядѣ Гантѣ,
 Который бы вступился за него
 И отомстилъ бы за его обиды!
 Отсутствуя, не могъ я самъ принять
 Имущество свое, но все жъ за мною
 Оно, по силѣ жалованныхъ грамотъ,
 Остаться бы должно; что жъ видимъ мы?
 Распроданы отцовскія имѣнья,
 Расхищено, пропало все добро!
 Что жъ оставалось дѣлать мнѣ? Къ закону,

Какъ подданный, я обратился; но
Моихъ не допустили адвокатовъ!
Тогда я лично требовать пришелъ
Того, что долженъ получить въ наслѣдство.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Конечно, герцогъ слишкомъ оскорбленъ.

РОССЪ.

Его права признайте, ваша свѣтлость.

ВИЛЛОУБИ.

Его добромъ мерзавцы нажились.

ГОРКЪ.

Послушайте, что я скажу вамъ, лорды:
Я знаю, что племянникъ оскорбленъ,
И все, что могъ, въ его я пользу сдѣлалъ.
Но развѣ можно дѣйствовать, какъ онъ,
Являться самому себѣ судьей,
Мечомъ себѣ прокладывать дорогу,
Путемъ неправымъ правъ своихъ искать?
Мятежникъ онъ, и всѣ вы, поощряя
Мятежъ, виновны также въ виновны мятежѣ!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Но благородный герцогъ намъ поклялся,
Что онъ явился только за своимъ;
А потому мы также дали клятву
Помочь ему. Кто клятву ту нарушить, —
Пусть радости не знаетъ никогда!

ГОРКЪ.

Ну ладно, ладно: я уже предвижу,
Чѣмъ кончится война. Я не могу
Вамъ помѣшать и долженъ въ томъ сознаться:
Я войскомъ слабъ, все плохо вокругъ меня.
Когда бъ я могъ, тогда, — клянусь вамъ Богомъ, —
Я всѣхъ бы васъ сейчасъ велѣлъ схватить
И вашу участь я бы предоставилъ
Державной волѣ короля. Но такъ какъ
Безсиленъ я, то, высказавъ все это, —
Я остаюсь нейтральнымъ. Ну, прощайте!
Иль, можетъ быть, войдете въ замокъ вы?
Тамъ ночевать, быть можетъ, вамъ угодно?

БОЛИНГБРОКЪ.

Мы примемъ ваше приглашенье, дядя;
Но вы должны намъ обѣщать, что вы
Отправитесь въ Бристольскій замокъ съ нами.
Засѣли тамъ, я слышалъ, Беши, Бэготъ

И всѣ единомышленники ихъ, —
Вся эта для общественнаго блага, —
Которыхъ я далъ клятву истребить.

ГОРКЪ.

Быть можетъ, съ вами я туда отправлюсь,
Покажѣсть же подумать я хочу;
Я не охотникъ нарушать законы.
Прошу васъ въ замокъ, — тамъ приму васъ я:
Вы не враги мнѣ, хоть и не друзья:
Мнѣ поздно было бъ вамъ преграды ставить:
Что сдѣлано, того ужъ не поправить.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Лагерь въ Уэльсѣ.

Входятъ лордъ Салисбери и капитанъ уэльскаго войска.

КАПИТАНЪ.

Милордъ, мы цѣлыхъ десять дней здѣсь ждали;
 Съ трудомъ своихъ я сдерживалъ солдатъ;
 О королѣ жъ — все никакихъ извѣстій.
 Теперь они расходятся. Прощайте!

САЛИСБЕРИ.

Еще хоть день останься, вѣрный воинъ:
 Вся короля надежда — на тебя!

КАПИТАНЪ.

Нѣтъ, мы уйдемъ: король, по слухамъ, умеръ.
 Лавровыя деревья всѣ увяли
 Въ странѣ у насъ, а ночью въ небесахъ.
 Пугая звѣзды, блещутъ метеоры
 И блѣдный мѣсяцъ красенъ сталъ, какъ кровь.
 Зловѣщіе пророки предвѣщаютъ
 Намъ бѣдствія: богатые дрожатъ,
 Бродяги же и прыгаютъ, и пляшутъ, —
 Одни — боясь лишиться благъ земныхъ,
 Другіе — въ ожиданьи благъ обильныхъ
 Отъ грабежа. Всѣ знаменья такія
 Бываютъ передъ смертью королей
 Иль передъ ихъ паденьемъ.
 Такъ прощайте жъ!
 Всѣ земляки ушли: по мнѣнью ихъ
 Ужъ Ричарда нѣтъ болѣе въ живыхъ.

(Уходитъ).

САЛИСБЕРИ.

О Ричардъ, съ грустью вижу я, что слава
 Твоя стремится быстро, какъ звѣзда
 Падучая, съ высотъ небесныхъ — долу!
 Твое заходитъ плачущее солнце,
 Грозя приходомъ бурь, тревогъ и бѣдъ,
 Твои друзья къ врагамъ твоимъ бѣжали
 И все ведетъ судьба къ твоей печали.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

—

СЦЕНА I.

Бристоль. Передъ замкомъ.

(Входят Болингброкъ, Іоркъ, Нортomberландъ, Россъ, Перси, Виллоуби;
затѣмъ Беши и Гринъ, въ качествѣ плѣнниковъ).

Болингброкъ.

Пусть эти люди подойдутъ поближе.
Не буду, Гринъ и Беши, вашихъ душъ,
Съ которыми разстанетесь вы скоро,
Терзать чрезмѣрно длиннымъ изложеніемъ
Всей вредной жизни вашей: это было бъ
Не милосердно. Но, чтобъ вашу кровь
Смыть съ рукъ своихъ, я лишь назвать намѣренъ
При всѣхъ, кто здѣсь, — хоть нѣсколько причинъ,
Которыя приводятъ къ вашей казни.
Вы развратили царственного принца,
Испортили характеръ короля,
Счастливаго своимъ происхожденіемъ
И благородной внѣшностью своей:
Онъ былъ во всемъ обезображенъ вами!
Своимъ развратнымъ обществомъ съ супругой
Его вы разлучили, прекративъ
Жизнь мирную ихъ царственного ложа
И королевы юной красоту
Заставили поблѣкнуть отъ потоковъ
Слезъ горькихъ, вами причиненныхъ ей.
Я, по рожденію своему принцъ крови,
И по родству столь близкій къ королю,
Къ нему былъ близокъ также и любовью,
Пока его не научили вы
Мои поступки толковать превратно.
Предъ вашими неправдами склонясь,
Былъ вынужденъ я край родной покинуть,
Объ Англіи вздыхать въ чужихъ краяхъ,
Бѣсть на чужбинѣ горькій хлѣбъ изгнанья;
Вы, между тѣмъ, кормились здѣсь на счетъ
Моихъ имѣній, портили мнѣ парки,
Въ лѣсахъ моихъ деревья вырубали,
Сорвали съ замковъ мой фамильный гербъ,
Девизъ мой стерли, — словомъ, постарались
Стереть всѣ знаки знатности моей,
И лишь одно общественное мнѣніе
Да кровь моя живая — говорятъ,
Что я джентльменъ. Всѣ эти злодѣянья
И многія иныя, — вдвое больше,
Чѣмъ это все, — велятъ мнѣ васъ казнить.

(Стражъ).

Немедленно предать ихъ въ руки смерти!

Б е ш и .

Не столько смерть ужасна для меня,

<В верхней части страницы расположена репродукция картины В. Гамильтона «Ричардъ II на берегу Уэльса.»>

Какъ Болингброкъ для Англіи. Прощаюсь
Я съ вами, лорды.

Гринъ.

Я же тѣмъ утѣшенъ,
Что небо приметъ наши души въ рай,
Неправду жъ строго покараетъ адомъ.

Болингброкъ.

Прошу васъ, лордъ Нортomberлэндъ, отправьте
Ихъ къ мѣсту казни.

(Нортomberлэндъ и плѣнники подъ стражей уходятъ).

Дядя, слышалъ я,
Что королева нынѣ въ вашемъ домѣ.
Прошу васъ, ради Бога, чтобы съ ней
Всѣ тамъ какъ можно лучше обращались;
Ей передайте низкій мой поклонъ, —
Особенно объ этомъ позаботьтесь.

Йоркъ.

Я одного джентльмена къ ней отправилъ
Съ письмомъ, гдѣ я подробно изложилъ
Всѣ эти ваши чувства.

Болингброкъ.

Добрый дядя,
Благодарю! Теперь поѣдемъ, лорды,
Чтобъ усмирить Глендоура и его
Сообщниковъ. Сперва свои заботы
Покончимъ, послѣ — праздникъ будетъ намъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Берегъ Уэльса. На заднемъ планѣ замокъ.

*Барабаны, трубы, знамена. Входятъ Король Ричардъ, Епископъ Карлейльскій,
Омерль и солдаты.*

Король Ричардъ.

Барклофли, — такъ зовется этотъ замокъ?

ОМЕРЛЬ.

Да, государь. Какъ нравится вамъ здѣсь
Привольный воздухъ послѣ страшной качки,
Которую вы испытали въ морѣ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Еще-бъ онъ мнѣ не нравился! Я плачу
Отъ радости, что снова я стою
На дорогой мнѣ почвѣ королевства!
Земля родная, шлю тебѣ привѣтъ,
Хотя тебя мятежники терзаютъ
Копытами коней своихъ! Какъ мать,
Встрѣчая, послѣ тягостной разлуки,
Дитя свое, его ласкаетъ нѣжно,
И плачетъ, и смѣется вновь сквозь слезы,
Такъ здѣсь и я, то плача, то смѣясь,
Привѣтствую тебя, земля родная,
Своею королевскою рукой!
О, не питай, земля моя, злодѣевъ,
Враждебныхъ господину твоему!
Ты хищниковъ прожорливыхъ отвергни
И не давай имъ сладостей своихъ!
Пусть на пути повсюду ихъ встрѣчаютъ
Лишь пауки, сосущіе твой ядъ,
Да жабы, неуклюжія и злыя;
Пусть эти гады уязвляютъ ноги
Измѣнниковъ, осмѣлившихся дерзко
Тебя, родная почва, попирать!
Встрѣчай вездѣ ихъ жгучею крапивой,
Когда жъ они нагнутся, чтобъ сорвать
Съ груди твоей цвѣтокъ, то, умоляю,
Спрячь подъ цвѣткомъ ты лютую змѣю
И пусть она враговъ, мнѣ ненавистныхъ,
Двойнымъ своимъ коснувшись языкомъ,
Ихъ уничтожитъ смертоноснымъ ядомъ!
Не смѣйтесь, лорды, надъ заклатьемъ этимъ
Безсмысленнымъ: скорѣе оживетъ
Сама земля, скорѣе камни эти
Въ солдатъ вооруженныхъ превратятся,
Чѣмъ я, король природный, устращусь
Оружія мятежниковъ негодныхъ!

КАРЛЕЙЛЬ.

О, не страшитесь, государь; та Сила,
Благодаря которой вы — король,
Вамъ силу дастъ, чтобъ королемъ вы также
Остались, не взирая ни на что.

Но средства, намъ дарованныя Небомъ,
На пользу мы должны употреблять,
Не относясь небрежно къ нимъ; а если
Захочетъ Небо, мы жъ не захотимъ
Помочь себѣ, тогда не дастъ и Небо
Въ концѣ концовъ, намъ помощи своей.

О МЕРЛЬ.

Сказать онъ хочетъ, государь, что слишкомъ
Мы медлимъ, а измѣнникъ Болингброкъ,
Безпечностью воспользовавшись нашей,
Ростетъ себѣ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень чрезмѣрно мнительный! Ужели
Не знаешь ты, что въ темнотѣ ночной,
Когда пылливый глазъ небесъ сокрылся
За горизонтомъ, озаряя свѣтомъ
Другое полушаріе земли, -
Подъ кровомъ тайны воры и убійцы
Снуютъ, творя безчинства и разбой;
Когда же онъ изъ за земного шара
Покажется и пламенемъ своимъ
Озолотитъ вершины горныхъ сосенъ
И золотой стрѣлой своей вонзится
Во всякую преступную нору, -
Тогда дрожитъ измѣнникъ и разбойникъ,
Приходятъ въ ужасъ грязные грѣхи,
Затѣмъ, что мрака сорвана завѣса
Съ ихъ страшныхъ лицъ, съ ихъ грѣшной наготы!
Такъ Болингброкъ, измѣнникъ, воръ презрѣнный,
Неистово свирѣпствовалъ всю ночь,
Пока мы были тамъ, у антиподовъ;
Когда же мы взойдемъ на нашъ востокъ,
На нашъ престолъ, - лицо ему покроетъ
Измѣна яркой краскою стыда
И, не стерпѣвъ лучей дневного свѣта,
Самъ задрожитъ онъ предъ своимъ грѣхомъ.
Знай: всей воды бушующаго моря
Не хватитъ, чтобы смыть елей священный
Съ помазаннаго короля, и смертнымъ
Не развѣнчать посланника небесъ!
На cadaго изъ тѣхъ, кого заставить
Злой Болингброкъ поднять стальной свой мечъ
Противу нашей золотой короны, -
Господь пошлетъ по ангелу съ небесъ
И смертные предъ ратью вышней славы
Падутъ: Господь хранить лишь тѣхъ, кто правы!

(Входит С А Л И С Б Е Р И).

Лордъ, здравствуйте! Далеко ль ваши силы?

С А Л И С Б Е Р И .

Не дальше и не ближе, государь,
Чѣмъ эти руки слабыя. Несчастье
Приносить вамъ печальный мой языкъ, -
Отчаянье владѣть имъ всецѣло!
О, государь, потеря велика:
Боюсь, что день единый опозданья
Навѣки ваше счастье помрачилъ.
Верните день одинъ лишь, день вчерашній, —
И будете вы войскомъ обладать

Въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ; сегодня жъ, —
 Несчастное сегодня! — слишкомъ поздно:
 Своихъ друзей, богатство, счастье, санъ —
 Навѣкъ утратить можете вы разомъ:
 Уэльцы всѣ, повѣривши рассказамъ
 О вашей смерти, быстро разбрелись
 И Болингброку всѣ передались.

ОМЕРЛЬ.

Вы поблѣднѣли, государь? Мужайтесь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мое лицо, ликуя, оживляла
 Кровь войска въ двадцать тысячъ человѣкъ,
 Они бѣжали! Какъ же не блѣднѣть мнѣ,
 Пока я вновь не получу той крови?
 Моя гордыня меркнетъ: отъ меня
 Всѣ убѣгаютъ, жизнь свою храня.

ОМЕРЛЬ.

Мужайтесь, государь: не забывайте,
 Кто вы такой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, я себя забылъ.

Что жъ, развѣ не король я? Пробудись же,
 Трусливое величье: ты заснуло
 Постыднымъ сномъ. Какъ? Имя короля
 Не стоитъ развѣ двухъ десятковъ тысячъ
 Другихъ именъ? Вооружись же, имя Мое!
 Грозить твоей Великой славѣ
 Лишь подданный ничтожный! Не смущайтесь,
 Любимцы короля: величье наше
 Не упадетъ. Я знаю: дядя Йоркъ
 Имѣетъ силъ довольно, чтобъ услугу
 Намъ оказать. Но кто сюда идетъ?

Входитъ Скрупъ.

СКРУПЪ.

Желаю государю больше счастья
 И радости, чѣмъ можетъ возвѣстить
 Языкъ мой, полный горя и тревоги.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мой слухъ открыть, мое готово сердце:
 Что худшаго ты можешь рассказать,
 Чѣмъ вѣсти о земныхъ моихъ утратахъ?
 Быть можетъ, я утратилъ свой престолъ?
 Но мой престолъ мнѣ приносилъ заботы,

А кто жъ не радъ лишиться всѣхъ заботъ?
Иль Болингброкъ сравняться хочетъ съ нами?
Онъ больше насъ не будетъ: онъ рабъ Божій, —
Съ нимъ наравнѣ я также Божій рабъ.
Иль возмутились подданные наши?
Что жъ съ этимъ можемъ сдѣлать мы? Они,
Намъ измѣнивъ, и Богу измѣнили.
Пусть горе, плачь, потери шлетъ намъ рокъ;
Смерть злѣй всѣхъ золь: она придетъ въ свой срокъ.

СКРУПЬ.

Я радъ, что вы вооружились, ваше
Величество, чтобъ выслушать извѣстья
О бѣдствіи. Какъ въ бурный, мрачный день
Бушуетъ ливень и, шумя, выходятъ
Изъ береговъ серебряныя рѣки,
И, кажется, слезами изойдетъ
Весь міръ, — такъ вышла ярость Болингброка
Изъ всѣхъ границъ, страна покрылась сталью
И тверже стали сдѣлались сердца!
Сѣдобородый старецъ покрываетъ
Свой голый черепъ шлемомъ, а мальчишки,
Стараясь женскій голосъ свой на басъ
Перемѣнить, чрезъ силу заключаютъ
Въ тяжелый панцырь женственные члены,
Стремясь сразиться противъ короля;
Монахи ваши учатся прилежно
Упругій лукъ свой изъ двойнаго тиса
Натягивать, грозя властямъ стрѣлой;
И даже пряхи, дерзко возмудившись,
Грозятъ престолу ржавымъ топоромъ!
Возстали старъ и младъ; все вокругъ ужасно;
Все горе счесть старался бъ я напрасно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, хорошо, чрезмѣрно хорошо
Мнѣ рассказалъ ты злую эту повѣсть.
Но гдѣ жъ графъ Уилтъширъ, Беши, Бэготъ, Гринъ?
Что случилось съ ними? Какъ могли позволить
Они врагу опасному бродить
Спокойно такъ внутри предѣловъ нашихъ?
За это, если одолѣемъ мы
Врага, — они заплатятъ головами!
Ручаюсь я, что съ Болингброкомъ миръ
Они поспѣшно заключили.

СКРУПЬ.

Правда;

Они теперь съ нимъ въ мирѣ, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О негодяи, гадины, злодѣи,
Гееннѣ обреченные навѣкъ
Безъ искупленья! Подлая собаки,
Готовы хвостомъ вилять предъ каждымъ!
Безчувственныя змѣи, кровью сердца
Пригрѣтыя и жало въ это сердце
Вонзившія! Три гнусныя Іуды,
И каждый втрое хуже, чѣмъ Іуда!

Они съ нимъ въ мирѣ! О, свирѣпый адъ
Пусть вѣчно мучить грязныя ихъ души!

СКРУПЬ.

Я вижу, какъ измѣнчива любовь,
И какъ легко преобразиться можетъ
Она въ смертельно-лютую вражду.
Не проклиняйте ихъ: они купили
Свой миръ цѣною собственныхъ головъ,
А не цѣною рукъ своихъ. Тѣ люди,
Которыхъ проклинали вы, погибли
Жестокой смертью и въ могилѣ спятъ.

ОМЕРЛЬ.

Какъ? Умерли Гринъ, Беши и графъ Уильтширъ?

СКРУПЬ.

Они въ Бристольскомъ замкѣ казнены.

ОМЕРЛЬ.

Но гдѣ же герцогъ, мой отецъ, съ войсками?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не все ль равно, гдѣ онъ? О, пусть никто
Не говоритъ о благѣ и спасеньи!
Пусть говорятъ о гробѣ, о червяхъ.
О надписяхъ надгробныхъ; пусть бумагой
Намъ будетъ прахъ земной; мы слезъ дождемъ
На немъ напишемъ наши всѣ печали;
Возьмемъ душеприкащиковъ и волю
Имъ выскажемъ свою, — иль, впрочемъ нѣтъ:
Что завѣщать мы можемъ по наслѣдству?
Лишь наше тѣло — матери-землѣ!
Владѣнья наши, наша жизнь — отнынѣ
Въ рукахъ у Болингброка; что мы можемъ
Назвать своимъ? Одну лишь нашу смерть,
Да жалкій тотъ клочекъ земли безплодной,
Который вязкой тяжестью своей
Придавитъ и прикроетъ наши кости!
Присядемъ здѣсь, прошу васъ, на землѣ;
Пусть намъ расскажутъ грустныя преданья
О смерти королей. Изъ нихъ одни
Низложены, другіе пали въ битвахъ;
Иныхъ жестоко призраки терзали
Убитыхъ ими жертвъ; иныхъ стубили
Отравой ихъ собственныя жены;
Иныхъ во снѣ сразила смерть; и всѣ —
Убиты. Да, внутри короны нашей,

Надвинутой на бренные виски,
Смерть свой дворецъ устроила; гнѣздится
Тамъ старый шутъ, смѣясь надъ нашей властью,
На пышность нашу скаля дерзкій ротъ.
Онъ королю немного позволяетъ
Пожить, продѣлать рядъ потѣшныхъ сценъ,
Повластвовать, казаться страшнымъ, грознымъ,
Единымъ взглядомъ убивать людей, —
И столько намъ внушаетъ самомнѣнья,
Какъ будто наша плоть, жилище жизни,
Несокрушима и тверда, какъ мѣдъ!
И вотъ, натѣшась вволю такъ надъ нами, —
Подходитъ онъ и тонкою булавкой
Пронзаетъ стѣну этого жилища, —
И вмигъ конецъ всему: прощай, король!
Накройте жъ ваши головы: не смѣйтесь,
Торжественно почтенъе выражая,
Надъ нашей плотью, нашей кровью! Прочь
Все бремя формъ, традицій, церемоній!
Во мнѣ все время ошибались вы:
Какъ вы, я хлѣбъ ѣмъ, чувствую лишенья,
Терплю печаль, завишу отъ друзей.
Я подчиненъ, какъ вы, — ничуть не меньше!
Какъ думать вы могли, что я король?

КАРЛЕЙЛЬ.

О государь! Кто разумомъ владѣетъ,
Тотъ не сидитъ, не ждетъ своихъ несчастій, —
Спѣшитъ, напротивъ, путь имъ преградить!
Страхъ предъ врагомъ васъ только ослабляетъ,
Врагу жъ надъ вами больше силъ даетъ.
Безумье ваше — врагъ вашъ! Чѣмъ отъ страха
Намъ умирать, — не лучше ль смерть въ бою?
Смерть храбраго надъ смертью торжествуетъ
И лишь рабу страхъ смерти грудь волнуетъ.

ОМЕРЛЬ.

Вѣдь мой отецъ еще имѣетъ рать:
Нельзя ль изъ крохъ богатство намъ собрать?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О, да, ты правъ. Впередъ! Готовъ я къ бою!
Насъ мечъ разсудитъ, Болингброкъ, съ тобою!
Прошелъ припадокъ страха; смѣло въ путь!
Свое нетрудно будетъ намъ вернуть.
Гдѣ дядя съ войскомъ, Скрупъ, — скажи скорѣе?
Хоть мраченъ ты, дай вѣсть повеселѣе!

СКРУПЪ.

По качеству и строю облаковъ
Предполагають люди о погодѣ;
Такъ мрачный взоръ мой — знакъ, что я готовъ
Вамъ возвѣстить о новой лишь невзгодѣ.
Я, какъ мучитель, злѣйшее изъ золъ
Лишь отдалялъ; послѣднее извѣстье
Есть худшее изъ всѣхъ: вашъ дядя Іоркъ
Соединился также съ Болингброкомъ.
На сѣверѣ всѣ замки ужъ сдались,
На югѣ же все рыцарство примкнуло
Къ мятежникамъ.

<В верхней части страницы расположена репродукция картины «Развалины Флинт-Кэстля».>

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Довольно! Будь ты проклять,

Кузень, что ты столкнулъ меня съ дороги
Къ отчаянью, единственно мнѣ милой!
Что скажете? Ну, гдѣ жъ надежда? Въ чемъ?
Клянусь, навѣки я возненавижу
Того, кто скажетъ, что надежда есть!
Поѣдемъ въ замокъ Флинтъ: тамъ я угасну.
Король, рабъ горя, пусть по королевски
Падетъ предъ горемъ. Всѣхъ моихъ солдатъ,
Которые остались, — распустите;
Пусть пашутъ ниву, гдѣ надежды цвѣтъ
Растетъ и зрѣетъ: мнѣ жъ надежды нѣтъ;
И чтобъ никто не возражалъ на это:
Погибло все; не нужно мнѣ совѣта!

ОМЕРЛЬ.

Хоть слово, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мнѣ врагъ вдвойнѣ

Отнынѣ тотъ, кто льститъ посмѣетъ мнѣ.
Всѣхъ распустить! Служить мнѣ — трудъ напрасный:
Я, Ричардъ, — ночь, а Болингброкъ — день ясный!
(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Уэльсъ. Равнина передъ замкомъ Флинтъ.

Барабаны, знамена. Входятъ Болингброкъ, Нортomberландъ, Йоркъ, свита и войско.

БОЛИНГБРОКЪ.

Итакъ, насколько видно изъ извѣстій,
Уэльское все войско разошлось,
А Салисбери къ королю поѣхалъ,
Который лишь на дняхъ, въ сопровожденьи
Друзей немногихъ, высадился здѣсь.

НОРТМБЕРЛАНДЪ.

Есть новыя, отраднѣйшія вѣсти:
Неподалеку здѣсь, въ одномъ изъ замковъ,
Скрываетъ Ричардъ голову свою.

ЙОРКЪ.

Мнѣ кажется, милордъ, приличнѣй было бъ

Прибавить къ слову „Ричардъ” также слово
„Король”. Плохія времена настали:
Король вѣнчанный голову свою
Скрыть вынуждень!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Напрасно, ваша свѣтлость,
Вы такъ мои толкуете слова:
Для краткости лишь пропустилъ я титуль.

ІОРКЪ.

Въ бывое время за такую краткость
Онъ также былъ бы съ вами очень кратко:
За то, что вы такъ голову задрали,
Срубивъ ее, онъ сократилъ бы васъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Не пробирайте, дядя, слишкомъ строго.

ІОРКЪ.

Не забирай, племянникъ, слишкомъ много⁴)
И не забудь, что есть надъ нами Богъ!

БОЛИНГБРОКЪ.

Я это знаю, дядя, и нисколько
Я Богу не противлюсь. Кто идетъ?

(Входитъ Перси).

А, здравствуй, Гарри! Замокъ не сдается?

ПЕРСИ.

Нѣтъ; онъ по королевски противъ васъ
Вооружень.

БОЛИНГБРОКЪ.

Вотъ какъ, по королевски!

Но самъ король не тамъ?

ПЕРСИ.

Онъ тамъ, милордъ.

Тамъ Ричардъ самъ, въ оградѣ этой крѣпкой
Изъ камня и цемента; съ нимъ Омерль,
Лордъ Салисбери, Стефень Скрупъ, а также
Духовное лицо большого сана;
Кто, — я не могъ узнать.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Должно быть это

Карлейль, епископъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Слушайте же, лорды:

Идите къ ребрамъ древней той твердыни
И мѣдною трубой подайте кличъ
Въ ея полуразрушенныя уши,
Въ знакъ, что вступаемъ мы въ переговоры;
И такъ скажите: Генрихъ Болингброкъ,
Почтительно на оба ставъ колѣна,
Предъ Ричардомъ, предъ королемъ своимъ,
Ему цѣлуетъ руку, предлагая
Ему отъ сердца преданность и вѣрность.

Скажите, что явился я сюда
Затѣмъ лишь, чтобъ къ стопамъ его повергнуть
Всѣ силы, все могущество мое, —
Съ однимъ условьемъ: чтобъ мое изгнанье
Онъ отмѣнилъ и обѣщалъ бы мнѣ,
Что получу я вновь свои имѣнья.
А если нѣтъ, — то я своею силой
Воспользуюсь и лѣтнюю всю пыль
Прибью къ землѣ дождемъ — дождемъ кровавымъ
Изъ ранъ сраженныхъ въ битвѣ англичанъ.
Какъ далеко отъ мыслей Болингброка
Намѣренье — кровавой этой бурей
Всю свѣжую, зеленую одежду
Земли прекрасной короля смочить, —
Ему покажетъ вся моя покорность.
Идите жъ, передайте это все,
Мы жъ по ковру зеленому равнины
Походимъ. Пусть умолкнутъ барабаны,
Чтобъ видно было тамъ, изъ за зубцовъ
Иззубренныхъ старинной этой башни,
Что мирныя намѣренья у насъ.
Мнѣ кажется, что если бъ я и Ричардъ
Сошлись въ бою, — была бы наша встрѣча
Ужасна столько жъ, какъ борьба стихій —
Огня съ водой, когда они, встрѣчаясь,
Сшибаются и съ грохотомъ ужаснымъ
Рвутъ сумрачный покровъ лица небесъ.
Пусть онъ — огонь; уступчивой водою
Я буду; пусть онъ яростью горить, —
А я пролью на земли дождь свой мирный:
На землю дождь пролью, — не на него.
Идите же, за королемъ слѣдите,
Замѣьте, какъ посмотреть онъ на насъ.

*(Раздается звукъ трубы, которой отвѣчаетъ
труба внутри замка. Затѣмъ, при звукахъ
трубъ, выходятъ на стѣну Король Ричардъ,
епископъ Карлейльскій,
Омеръ, Скрупъ и Салисбери).*

Смотрите: вотъ самъ Ричардъ, самъ король!
Такъ красное, разгнѣванное солнце
Изъ пламенныхъ дверей востока смотреть,
Увидѣвъ тучъ завистливыхъ семью,
Готовыхъ помрачить его сіянье
И запятнать его блестящій путь,
Съ востока протекающій на западъ!

Горкѣ.

Да, смотреть онъ, какъ истинный король!
Глаза его, какъ у орла, сверкають;
Проникнуть весь величьемъ этотъ взоръ.
Увы, какъ жаль, что этотъ видъ прекрасный
Такимъ тяжелымъ горемъ помрачень!

Король Ричардъ (*Нортomberланду*).

Немало мы изумлены. Мы ждали,
Чтобъ ты благоговѣнно преклонилъ
Свои колѣна, ибо мы считали
Себя твоимъ законнымъ королемъ;

И если это такъ, то какъ же смѣли
 Твои суставы, находясь предъ нами,
 Священный долгъ почтенья позабыть?
 А если мы не правы, — покажи намъ
 Создателя карающую руку,
 Которая отъ нашего поста
 Насъ отрѣшила! Ибо намъ извѣстно,
 Что нѣтъ руки изъ крови и костей,
 Которая отнять у насъ могла бы
 Священный скипетръ нашъ инымъ путемъ,
 Какъ лишь захватомъ, кражей, оскверненьемъ!
 Конечно, вы надѣетесь на то,
 Что всѣ, какъ вы, свои стубили души,
 Покинувъ насъ; что здѣсь мы передъ вами
 Безпомощны и лишены друзей;
 Но знайте, что Господь нашъ всемогущій,
 На помощь намъ, готовить въ облакахъ
 Полки заразы: ею уничтожить
 Дѣтей онъ вашихъ, даже тѣхъ, что нынѣ
 Еще не рождены, — за то, что вы,
 Вассалы, вашу дерзостную руку
 Осмѣлились поднять на короля
 И угрожать красѣ его короны!
 Скажи ты Болингброку, — тамъ вдали
 Онъ, кажется, стоитъ, — что съ каждымъ шагомъ
 Здѣсь, по моей землѣ, онъ совершаетъ
 Безстыдную измѣну. Онъ пришелъ,
 Дабы раскрыть пурпуровую книгу
 Войны кровавой; пусть же онъ узнаетъ,
 Что прежде, чѣмъ, надѣвъ корону, мира
 Дождется онъ, — кровавые вѣнцы
 Чело украсятъ у десятковъ тысячъ
 Сыновъ родной земли; ея жъ лицо,
 Страданьемъ искаженное, утратитъ
 Дѣвическій свой бѣлый, мирный цвѣтъ
 И яркой краской гнѣва разразится,
 А пастбища любезной намъ страны
 Польются вѣрной англійскою кровью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Храни насъ Царь Небесный отъ того,
 Чтобъ нашъ король и властелинъ сталъ жертвой
 Междоусобья! Трижды благородный
 Кузень вашъ, славный Генрихъ Болингброкъ,
 Почтительно цѣлуетъ вашу руку.
 Клянется онъ священной гробницей,

Гдѣ кости дѣда вашего лежать,
И королевской, въ жилахъ васъ обоихъ
Струящеюся кровью, исходящей
Изъ общаго, великаго потока,
И погребенной славною рукой
Воинственнаго Ганта, также честью
И собственнымъ достоинствомъ своимъ,
Которое порука въ этихъ клятвахъ, —
Что лишь затѣмъ явился онъ сюда,
Чтобъ испросить съ колѣнопреклоненьемъ
Признанья всѣхъ своихъ наслѣдныхъ правъ
Изгнанья же — немедленной отмѣны.
Какъ только въ томъ поруку дастъ король, —
Онъ обречетъ блестящее оружье
На ржавчину, а боевыхъ коней
Поручить стойламъ; собственное жъ сердце
Онъ вашему величеству, для службы,
И преданной, и вѣрной, радъ отдать.
Во всемъ онъ этомъ вамъ, какъ принцъ, клянется,
И, какъ джентльмень, той клятвѣ вѣрю я.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нортomberлэндъ, отвѣтъ нашъ королевскій
Такъ передай: мы рады видѣть здѣсь
Кузена, и готовы мы исполнить
Безпрекословно всѣ его желанья.
Прошу я также передать ему
Привѣтъ мой, въ самыхъ лестныхъ выраженьяхъ.
(Омерлю, по уходѣ Нортomberлэнда).

Не правда ль, мы унизили себя
Такою жалкой, ласковою рѣчью?
Позвать ли намъ назадъ Нортomberлэнда,
Чтобъ съ нимъ послать измѣннику нашъ вызовъ
И умереть?

ОМЕРЛЬ.

Нѣтъ, государь; на время,
За недостаткомъ дружескихъ мечей,
Прибѣгнемъ къ силѣ ласковыхъ рѣчей.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О Боже, Боже! Мой языкъ, который
Изрекъ изгнанья грозный приговоръ
Надменному, — теперь словами ласки
Тотъ приговоръ взять вынужденъ назадъ!
О, еслибъ былъ я такъ великъ, какъ горе,
Иль менѣе, чѣмъ мой великій санъ!
О, если бъ могъ забыть я, кѣмъ я былъ,

Или не помнить, кѣмъ теперь я буду!
Ты бьешься, сердце гордое? Дозволю
Тебѣ я биться: бьются, вѣдь, враги,
Дабы убить тебя со мною вмѣстѣ.

ОМЕРЛЬ.

Нортомберлэндъ идетъ отъ Болингброка.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что жъ дѣлать королю? Покорно сдаться?
Онъ сдастся. Что жъ, низложенъ будетъ онъ?
Онъ согласится. Долженъ онъ утратить
Названье короля? Богъ съ нимъ, съ названьемъ!

Свои алмазы я отдамъ за четки.
 Отдамъ за келью пышный мой дворецъ,
 За нищенское рубище — порфиру,
 Рѣзные кубки — за простую чашку.
 А скипетръ мой — за страннический посохъ;
 Всѣхъ подданныхъ — за пару образковъ,
 А королевство гордое мое —
 За малую, малѣйшую могилку,
 Безвѣстную могилку... Или пусть
 Меня зароютъ на большой дорогѣ,
 Средь шумнаго торговаго пути,
 Чтобъ попиралась подданныхъ ногами
 Глава ихъ государя ежечасно;
 Они, вѣдь, сердце попирали мнѣ
 При жизни; послѣ смерти — почему же
 Имъ голову мою не попирать?
 Омерль, ты плачешь? О, кузень мой нѣжный!
 Плачь, плачь! Ручьями ненавистныхъ слезъ
 И вздохами произведемъ мы бурю.
 Къ землѣ всю жатву лѣтнюю прибьемъ,
 Чтобъ породить въ землѣ мятежной голодъ.
 Иль, можетъ быть, не поиграть ли намъ
 Своей печалью, слезы проливая?
 Изъ нашихъ глазъ пусть капаютъ онѣ
 Все на одно и то же мѣсто, роя
 Въ землѣ двѣ ямки — наши двѣ могилы;
 Тамъ ляжемъ мы, и надпись пусть гласитъ:
 Здѣсь вырыли два друга, два родные
 Себѣ могилы горькихъ слезъ дождемъ.
 Не правда ль, тѣмъ мы зло къ добру направимъ?
 Да, да, я вижу: вздоръ и пустяки
 Я говорю; вы надо мной смѣйтесь. (*Нортomberлэнду*).
 О принцъ могучій, лордъ Нортomberлэндъ!
 Что говоритъ король нашъ Болингброкъ?
 Ужель его величество дозволить
 Жить Ричарду, пока не сгинетъ Ричардъ?
 Повѣжливѣй расшаркайтесь; тогда
 Вамъ Болингброкъ, конечно, скажетъ: да.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ, онъ ждетъ на нижнемъ васѣ дворѣ
 И хочетъ съ вами говорить. Онъ проситъ
 Васъ внизъ сойти.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Внизъ? Да, спущусь я внизъ,
 Какъ Фаэтонъ блестящій, не сѣумѣвшій

Осилить клячъ взбѣсившихся своихъ.
На нижній дворъ? Чтобъ былъ король унижень,
Чтобъ онъ на зовъ измѣнниковъ пошелъ
И оказалъ имъ вѣжливость и ласку!
Внизу тотъ дворъ? Внизъ, внизъ скорѣй, король!
И пусть крикливый филинъ тамъ ютится,
Гдѣ долженъ съ пѣсней жаворонокъ виться.

(Сходятъ сверху).

БОЛИНГБРОКЪ.

Что вамъ его величество сказалъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Отъ горя и печали онъ какъ будто
Въ разсудкѣ помутился; рѣчь его
Совсѣмъ безумна. Вотъ онъ самъ, однако.

*(Входятъ на нижній дворъ король Ричардъ
и его свита).*

БОЛИНГБРОКЪ.

Всѣ станьте въ сторонѣ и окажите
Во всемъ его величеству почеть.

(Преклоняетъ колѣна).

Мой государь...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень мой благородный,

Не унижайте царственныхъ колѣнъ,
Чтобъ низкая земля не возгордилась
Лобзаньемъ ихъ. Пріятнѣй было бъ мнѣ,
Чтобъ могъ я сердцемъ убѣдиться въ вашей
Любви, чѣмъ видѣть недовольнымъ окомъ
Любезность вашу. Встаньте же скорѣй;
Я знаю, вѣдь: въ васъ сердце такъ и рвется
Стать выше насъ, хотя колѣно — гнется.

БОЛИНГБРОКЪ.

Я за своимъ лишь, государь, явился.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что ваше — ваше; самъ я вашъ, какъ все.

БОЛИНГБРОКЪ.

Моимъ настолько будьте, повелитель,
Насколько вѣрной службой заслужу
Любовь я вашу.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Все вы заслужили!

Тотъ заслужилъ имѣть — кто знаетъ средства,
Какъ лучше взять и крѣпче удержать.

Мой дядя, дайте руку мнѣ; но слезы
Свои утрите: въ нихъ видна любовь,
Но пользы мнѣ принести онѣ не могутъ.
Кузень, я слишкомъ молодъ, чтобъ я могъ
Отцомъ вамъ быть, но вы довольно стары,
Чтобъ быть моимъ наслѣдникомъ. Все то,
Что вы имѣть желали, уступаю
Вамъ добровольно: надо кроткимъ быть,
Когда велитъ намъ сила уступить.
Теперь, кузень, вы въ Лондонъ; такъ ли?

Болингброкъ.

Да,

Мой государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Тогда и я туда.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Лэнгли. Садъ герцога Йоркскаго.

Входятъ КОРОЛЕВА и двѣ ФРЕЙЛИНЫ.

КОРОЛЕВА.

Какую бы игру придумать намъ
Въ саду, чтобъ мысли мрачныя разсѣять?

ФРЕЙЛИНА.

Сыграемъ, государыня, въ шары.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, это мнѣ напомнить, что весь міръ
Препятствій полонъ, а моя фортуна
Ведетъ меня къ упадку.

ФРЕЙЛИНА.

Танцовать

Угодно ль государынѣ?

КОРОЛЕВА.

О, нѣтъ!

Я не могу ступать ногами мѣрно,
Затѣмъ, что мѣры нѣтъ моей тоскѣ.
Нѣтъ, дѣвушка, мы танцовать не будемъ.
Придумай намъ другое что нибудь.

ФРЕЙЛИНА.

Когда угодно, расскажу я сказку.

КОРОЛЕВА.

Веселую, иль грустную?

ФРЕЙЛИНА.

Какую

Угодно вамъ.

КОРОЛЕВА.

Не надо никакой.

Когда начнешь веселую ты сказку,
То, такъ какъ я всѣмъ радостямъ чужда,
Тѣмъ хуже ты напомнишь мнѣ о горѣ;
А если сказку грустную начнешь,
То, такъ какъ вся исполнена я грусти,
Ты увеличишь только скорбь мою.
Что я имѣю, — повторять не стоитъ,

Чего же нѣтъ, — о томъ не нужно слезъ.

ФРЕЙЛИНА.

Я что нибудь спою вамъ.

КОРОЛЕВА.

Это счастье.

Когда имѣешь ты причину пѣть,
Но мнѣ пріятнѣй, чтобъ ты стала плакать.

ФРЕЙЛИНА.

Я рада бы заплакать, если бъ это
Вамъ помогло.

КОРОЛЕВА.

А я бы рада пѣть,

Когда бы плачь могъ облегчить мнѣ горе,
И слезъ бы у тебя не занимала.

(Входятъ садовникъ и два работника).

Постой: сюда садовники идутъ.
Укроемся вонъ тамъ, въ тѣни деревьевъ.
Клянусь моимъ я горемъ, что начнутъ
Бесѣдовать они о государствѣ.
Предъ перемѣной, вѣдь, всегда бываетъ
Немало толковъ: предъ бѣдой бѣда
Предвѣстіемъ является всегда.

(Прячутся).

САДОВНИКЪ *(работнику).*

Поди сюда. Вотъ эти абрикосы
Совсѣмъ повисли и согнули вѣтви,
Подобно непослушнымъ сыновьямъ,
Которые, какъ тягостное бремя,
Сгибаютъ спину своего отца;
Такъ подвяжи согнувшіяся вѣтви.

(Другому работнику).

А ты подрѣжь, подобно палачу,
Верхушки этихъ вѣтокъ слишкомъ длинныхъ;
Онѣ чрезмѣрно вытянулись вверхъ,
А въ нашемъ государствѣ соблюдаемъ
Мы равенство всеобщее. Пока
Вы этою работою займетесь,
Я плевелы повыдергаю вонъ,
Которыя сосутъ безъ пользы почву
И отнимаютъ пищу у цвѣтовъ.

РАБОТНИКЪ.

Къ чему намъ здѣсь, въ оградѣ тѣсной сада,
Хранить во всемъ законность, форму, мѣру,
Чтобъ былъ нашъ садъ порядка образцомъ,

Когда великій садъ нашъ, обнесенный
Стѣнами моря, наша вся страна,
Полна зловредныхъ плевелъ, потеряла
Всѣ лучшіе цвѣты свои, — деревья
Плодовыя никто не подстригаетъ,
Разрушены всѣ изгороди въ ней,
Испорчены дорожки, а растенья
Изъѣдены губительнымъ червемъ?

Садовникъ.

Молчи ужъ! Тотъ, кто этотъ безпорядокъ
Дозволилъ, — самъ теперь теряетъ листья.
Тѣ плевелы, которыя росли

Подъ сѣнью листьевъ царственнаго древа,
 Служа ему поддержкою на видъ,
 На дѣлѣ же его лишь пожирая, —
 Повырваны съ корнями Болингброкомъ.
 Я говорю объ Уилтъширѣ, о Гринѣ
 И Беши.

РАБОТНИКЪ.

Какъ? Всѣ умерли они?

САДОВНИКЪ.

Да, умерли, и самъ король безпечный
 Захваченъ Болингброкомъ. О, какъ жаль,
 Что не берёгъ онъ, не лелѣялъ нѣжно
 Страну свою, какъ мы лелѣемъ садъ!
 Дабы сберечь плодовые деревья,
 Мы въ должный срокъ надрѣзы на корѣ
 Имъ дѣлаемъ: иначе сокъ чрезмѣрно
 Ихъ переполнить и погубить ихъ.
 Когда бы точно такъ же поступалъ онъ
 Со знатными людьми, которыхъ сила
 Росла чрезмѣрно, — жили бы они,
 А онъ вкушалъ бы плодъ ихъ вѣрной службы.
 Мы лишнія обрѣзываемъ вѣтви,
 Чтобъ дать просторъ вѣтвямъ, несущимъ плодъ;
 Когда бъ онъ дѣлалъ такъ, — на немъ корона
 Держалась бы, онъ не терялъ бы трона.

РАБОТНИКЪ.

Ты думаешь, низложить короля?

САДОВНИКЪ.

Уже лишенъ онъ власти; вѣроятно,
 Его низложить вскорѣ. Нынче ночью
 Однимъ изъ близкихъ герцога друзей
 Получено письмо, въ которомъ вѣсти
 Содержатся недобрыя.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, больше

Нѣтъ силъ терпѣть! Молчать я не могу!

(Выходитъ изъ-за кустовъ).

Ты, ты, Адама стараго подобье,
 Чтобъ садъ блюсти, приставленное здѣсь!
 Какъ смѣешь жесткій, грубый твой языкъ
 Произносить такія злыя вѣсти?
 Какая Ева, что за новый змѣй
 Тебѣ внушили эту мысль о новомъ

Паденьи и проклятии челоѡка?
Какъ смѣлъ сказать ты, что король низложенъ?
Ты, кто немного лучше, чѣмъ земля,
Какъ смѣлъ ты предвѣщать его паденье?
Откуда, гдѣ и какъ ты могъ узнать
Всѣ эти вѣсти? Говори, несчастный!

САДОВНИКЪ.

Простите, государыня; мнѣ, право,
Не радостно сказать вамъ эту вѣсть.
Къ несчастью, то, что говорю я, — правда.
У Болингброка нашъ король въ плѣну;
Ихъ жребій брошенъ на вѣсы фортуны,
И на одной изъ чашекъ — вашъ супругъ
И нѣсколько ничтожныхъ лицъ, чья помощь
Ту чашку развѣ только облегчаетъ,
А на другой — великій Болингброкъ
И вмѣстѣ съ нимъ всѣ англійскіе пѣры:
Съ такой придачей быстро перевѣситъ
Онъ Ричарда! Спѣшите въ Лондонъ: тамъ
Увидите, что я по правдѣ, честно
Сказалъ вамъ только то, что всѣмъ извѣстно.

КОРОЛЕВА.

Проворное несчастье! Ты такъ быстро,
Такъ легокъ бѣгъ твой: отчего-жъ ко мнѣ
Своихъ пословъ ты раньше не послало?
Я позже всѣхъ узнала эту вѣсть!
О, знаю я: хотѣло ты, чтобъ горе
Какъ можно дольше мнѣ терзало грудь!
(Фрейлинамъ).

Скорѣй въ столицу поспѣшимъ, дѣвицы,
Чтобъ видѣть горе короля столицы!
Затѣмъ ли мнѣ судилъ родиться рокъ,
Чтобъ твой триумфъ украсить, Болингброкъ?
Садовникъ, за такую злую вѣсть
Дай Богъ твоимъ прививкамъ ввѣкъ не цвѣсть.
(Королева и фрейлины уходятъ).

САДОВНИКЪ.

Бѣдняжка королева! Радъ проклясть я
Свой трудъ, чтобъ дать тебѣ немного счастья!
Упала здѣсь слеза ея: гряду
Печальной руты здѣсь я разведу⁵),
И пусть взойдутъ унылые посѣвы,
Въ воспоминанье плача королевы.
(Садовникъ и работники уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Зала Вестминстерскаго дворца.

Входятъ, какъ въ застѣданіе палаты, БОЛИНГБРОКЪ, ОМЕРЛЬ, НОРТОМБЕРЛЭНДЪ, ПЕРСИ, ФИЦУОТЕРЪ, СЕРРЕЙ, епископъ КАРЛЕЙЛЬСКІЙ, аббатъ ВЕСТМИНСТЕРСКІЙ и другіе лорды, герольды, офицеры и БЭГОТЬ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Пусть Бэготъ станетъ передъ нами. Бэготъ,
Прощу тебя я рассказать свободно
О смерти дяди Глостера все то,
Что знаешь ты: кто, съ королемъ въ союзѣ,
Устроилъ это, кто кровавый трудъ
Взялъ на себя, къ безвременной кончинѣ
Несчастнаго приведшій.

БЭГОТЬ.

Предо мною

Тогда пусть станетъ лордъ Омерль.

БОЛИНГБРОКЪ.

Кузень,

Стань прямо передъ этимъ человѣкомъ.

БЭГОТЬ (Омерлю).

Милордъ, я знаю, смѣлый вашъ языкъ
Отъ словъ своихъ не станетъ отрекаться.
Въ печальные былие эти дни,
Какъ Глостера погибель замышлялась,
Я слышалъ, какъ сказали вы: „ужель
Рука моя длины той не имѣетъ,
Чтобъ ей достать отсюда, изъ дворца
Спокойнаго Британіи счастливой,
Въ Калэ, чтобъ дядѣ голову сорвать?“
Затѣмъ, среди другихъ рѣчей различныхъ,
Я слышалъ также, что сказали вы,
Что лучше бъ вы сто тысячъ кронъ отвергли,
Чѣмъ согласиться, чтобы Болингброкъ
Вернулся, и прибавили при этомъ,
Что осчастливить Англію могла бъ
Смерть вашего кузена.

ОМЕРЛЬ.

Принцы! Лорды!

Чѣмъ долженъ я мерзавцу отвѣчать?
Я допустить могу ли униженье
Прекрасныхъ звѣздъ фамильнаго герба

И наказать злодѣя въ поединкѣ?
Иль допущу я это, или ляжетъ
На мнѣ пятно отъ устъ клеветника;
Вотъ мой залогъ, возьми; твоей въ немъ смерти
Моя собственноручная печать;
На ней прочтешь ты надпись: въ адъ!
Безстыдно
Ты лжешь! Берусь я это подтвердить
И доказать твоею кровью сердца,
Хоть ты и слишкомъ низокъ, чтобъ марать
Мечъ рыцаря своею гнусной кровью!

БОЛИНГБРОКЪ.

Стой, Бэготъ, стой! Перчатку брать не смѣй!

ОМЕРЛЬ.

Какъ я желалъ бы, чтобъ не онъ, а лучшій
Изъ всѣхъ здѣсь лордовъ, — кромѣ одного, —
Посмѣлъ мнѣ бросить это обвиненье!

ФИЦУОТЕРЪ.

Когда ты ищешь равенства, Омерль, —
Вотъ мой залогъ взамѣнъ твоей перчатки.
Клянусь я дивнымъ солнцемъ, чьи лучи
То мѣсто озаряютъ, гдѣ стоишь ты, —
Что самъ я слышалъ, какъ ты говорилъ, —
И даже, помню, хвастался ты этимъ, —
Что Глостера кончины ты виной!
Хоть двадцать разъ ты это отрицалъ бы,
Я докажу всегда, что ты солгалъ;
И эту ложь концомъ своей рапиры
Тебѣ обратно въ сердце я вгоню,
Туда, гдѣ эта ложь взяла начало.

ОМЕРЛЬ.

Не доживешь ты, трусь, до той поры!

ФИЦУОТЕРЪ.

Клянусь душой, я хоть сейчасъ радъ биться

ОМЕРЛЬ.

Фицуотеръ, ты пойдешь за это въ адъ.

ПЕРСИ.

Омерль, ты лжешь: тебя онъ обвиняетъ
Настолько жъ честно, сколько ты безчестенъ.
А потому тебѣ я шлю мой вызовъ
И буду биться до послѣднихъ силъ,
Чтобъ доказать здѣсь всѣмъ, что это правда.
Вотъ мой залогъ: коль смѣешь, подними.

Омерль.

А если я не смѣю, — пусть отсохнетъ

Моя рука и больше никогда
 Не замахнется мстительною сталью
 На вражескій блистательный шеломъ.

ДРУГОЙ ЛОРДЪ.

И я хочу, Омерль клятвопреступникъ,
 Съ тобою биться. Чтобъ тебя взбѣсить,
 Кричать въ твое предательское ухо
 Отъ солнца буду я до солнца: лжешь!
 Вотъ мой залогъ; сразимся, если смѣешь.

ОМЕРЛЬ.

Ну, кто еще? Готовъ я всѣхъ васъ вызвать;
 Во мнѣ одномъ есть тысяча бойцовъ,
 Они отвѣтятъ всѣмъ, хотъ двадцать тысячъ
 Ихъ будь такихъ, какъ вы!

СЕРРЕЙ.

Милордъ Фицуотеръ,

Я слышалъ этотъ разговоръ съ Омерлемъ.

ФИЦУОТЕРЪ.

Вы правы; онъ происходилъ при васъ.
 Свидѣтель вы, что говорю я правду.

СЕРРЕЙ.

Клянусь я небомъ: сколько правды въ небѣ,
 Настолько лжи въ твоихъ словахъ!

ФИЦУОТЕРЪ.

Серрей,

Ты лжешь.

СЕРРЕЙ.

Нѣтъ, ты солгалъ, мальчишка гнусный!

И эта ложъ твоя такъ тяжело ляжетъ
 На мечъ мой, что проникнется онъ местию
 И будетъ мстить, пока и ложъ и лжець
 Въ землѣ лежать не будутъ неподвижно,
 Какъ мертвый черепъ твоего отца;
 Ручаюсь въ этомъ честью! Вотъ залогъ мой,
 Возьми и, если смѣешь, то сразись.

ФИЦУОТЕРЪ.

Какъ бѣшено коню даешь ты шпоры!
 Когда я смѣю жить, дышать, пить, ѣсть, —
 То вѣрно смѣю встрѣтить и Серрея,
 Хотъ гдѣ нибудь въ глуши, чтобъ на него
 Съ презрѣньемъ плюнуть и сказать, что лжетъ онъ,
 Лжетъ, лжетъ и лжетъ! Возьми мою перчатку

Въ залогъ того, что ты придти обязанъ,
Чтобъ я тебя сурово наказалъ.
Насколько вѣрно то, что въ этомъ мірѣ,
Столь новомъ для меня, идти впередъ
Намѣренъ я, — настолько жъ достовѣрна
Вина Омерля. Кромѣ же того
Я слышалъ отъ изгнанника Норфолька,
Что ты, Омерль, двухъ изъ своихъ людей
Послалъ въ Калэ, чтобъ герцога убили.

О МЕРЛЬ.

Пусть кто нибудь изъ честныхъ христіанъ
Мнѣ одолжитъ перчатку, пусть залогомъ
Она послужить, что Моубрэй солгалъ!
Ему я брошу вызовъ, если можно,
Чтобъ онъ изъ ссылки возвратился къ намъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Всѣ эти споры, эти разногласья
Остаться подъ залогами должны,
Пока Норфолькъ изъ ссылки не вернется.
Онъ будетъ возвращень; хоть онъ и врагъ мой,
Но всѣ свои помѣстья и владѣнья
Получить вновь. Когда вернется онъ,
Прикажемъ мы ему съ Омерлемъ биться.

КАРЛЕЙЛЬ.

Нѣтъ, не настанетъ славный этотъ день!
Норфолькъ въ изгнаньи много разъ сражался
За нашего Спасителя Христа,
Неся Христово знамя противъ черныхъ
Язычниковъ, и сарацинъ, и турокъ;
Но, утомленъ трудами этихъ войнъ,
Въ Италію вернулся онъ и вскорѣ
Въ Венеціи свою нашелъ онъ смерть.
Землѣ тѣхъ дивныхъ странъ онъ отдалъ тѣло,
А чистый духъ — вождю его, Христу,
Подъ знаменемъ котораго онъ бился.

БОЛИНГБРОКЪ.

Какъ, развѣ онъ скончался?

КАРЛЕЙЛЬ.

Да, милордъ;

Онъ умеръ: это такъ же достовѣрно,
Какъ то, что я живу.

БОЛИНГБРОКЪ.

Пошли, Господь,

Душѣ его на лонѣ Авраама

Покой и миръ! Раздоры ваши, лорды,
Оставьте подъ залогами, пока
Мы вамъ назначимъ дни для поединковъ.
(Входитъ герцогъ Йоркъ со свитою).

ЙОРКЪ.

Великій герцогъ Ланкастеръ! Къ тебѣ
Отъ Ричарда, лишеннаго всѣхъ знаковъ

<На странице 101 расположена репродукция картины..>

Верховнаго достоинства, я присланъ,
 Чтобъ возвѣстить отъ имени его,
 Что добровольно онъ тебя назначилъ
 Наслѣдникомъ и скипетръ свой державный
 Твоей вручаетъ царственной рукѣ.
 Взойди жъ на тронъ, который имъ покинуть!
 Вивать, король нашъ Генрихъ Ланкастеръ,
 Изъ Генриховъ четвертый на престолѣ!

БОЛИНГБРОКЪ.

Во имя Бога, я вступлю на тронъ.

КАРЛЕЙЛЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! Храни отъ этого насъ, Боже!
 Здѣсь, предъ лицомъ владѣтельныхъ особъ,
 Рѣшусь сказать я самое худое,
 Затѣмъ, что мнѣ приличнѣе всего
 Вамъ высказать всю истину. Дай, Боже,
 Чтобъ между всѣхъ васъ, благородныхъ лордовъ,
 Настолько благородные нашлись,
 Чтобъ судъ чинить могли они достойно
 Надъ благороднымъ Ричардомъ! Тогда
 Ихъ благородство, вѣрно, удержало бъ
 Ихъ отъ такого гнуснаго грѣха.
 Изъ подданныхъ кто своему монарху
 Судья? Кто здѣсь — не подданный его?
 Воровъ, — и тѣхъ, не выслушавъ, не судятъ,
 Хотя бъ была вина ихъ всѣмъ ясна;
 А онъ, подобье Божьяго величья,
 Избранникъ, вождь, намѣстникъ, данный Имъ,
 Помазанный, вѣнчанный, на престолѣ
 Сидѣвшій столько лѣтъ король, — отъ васъ,
 Отъ подданныхъ, отъ низшихъ по рожденью,
 Вашъ дерзновенный приметъ приговоръ,
 Притомъ еще заочный! Боже, Боже!
 Въ странѣ разумныхъ христіанскихъ душъ
 Свершается такое злое дѣло,
 Такой ужасный, черный, гнусный грѣхъ!
 Для подданныхъ, какъ подданный, отъ Бога
 Воздвигнутый въ защиту короля,
 Я говорю все это вамъ открыто!
 Лордъ Гирфордъ, тотъ, котораго хотите
 Вы королемъ назвать, — измѣнникъ гнусный
 Передъ своимъ законнымъ королемъ;
 И если вы надѣнете корону
 На голову его, — пророчю я,
 Что удобрится англійскою кровью

Земля у насъ, застонуть поколѣнья
Грядущія отъ этой злой бѣды,
Миръ будетъ жить у турокъ и невѣрныхъ,
А здѣсь у насъ, гдѣ прежде миръ царилъ,
Конца не будетъ битвамъ непрерывнымъ,
Возстанетъ братъ на брата, родъ на родъ;
Страхъ, ужасъ, смута и мятежъ здѣсь будутъ
Свирѣпствовать, и край нашъ назовется
Голгоѳою, страною череповъ!
О, если вы рѣшитесь двухъ династій
Разжечь борьбу, — возникнетъ здѣсь раздоръ,
Ужаснѣйшій изъ всѣхъ, какіе были,
Пока живетъ проклятая земля!
Не допустите жъ этого, возстаньте,
Чтобъ ваши дѣти, дѣти ихъ дѣтей
Не проклинали васъ въ бѣдѣ своей!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Сэръ, ваши разсужденія такъ прекрасны,
Что мы сейчасъ подъ стражу васъ беремъ
За явную измѣну государству.
Прошу васъ, лордъ Вестминстеръ, задержите
Его въ надежномъ мѣстѣ, до суда.
Угодно ль, лорды, выслушать искъ общинъ?

БОЛИНГБРОКЪ.

Пусть Ричарда введутъ сюда, чтобъ онъ
При всѣхъ отрекся лично отъ престола.
Тогда мы подозрѣній избѣжимъ.

ІОРКЪ.

Я приведу его сейчасъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Тѣ лорды,

Которыхъ здѣсь арестовали мы,
Пусть за себя доставятъ намъ поруки
До дня суда. Мы мало ожидали
Къ себѣ любви и помощи отъ нихъ.

*(Возвращается Іоркъ; съ нимъ Ричардъ и
офицеры, несущіе государственныя регаліи).*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О, горе мнѣ! Зачѣмъ предстать я долженъ
Предъ королемъ, еще не позабывъ
Думъ царственныхъ, съ которыми я правилъ!
Наушничать и кланяться, сгибаться
И льстить — еще не научился я;
Хоть дали бы моей печали время,

Чтобъ мнѣ науку эту преподать!
Но все таки запомнилъ я черты
Людей вотъ этихъ: развѣ не подвластны
Они мнѣ были, развѣ не кричали
Мнѣ иногда: да здравствуетъ король?
Такъ и Христа привѣтствовалъ Іуда;
Но Онъ, среди двѣнадцати, въ одномъ
Нашелъ измѣну, въ прочихъ — встрѣтилъ вѣрность,
А мнѣ двѣнадцать тысячъ измѣнили
И не остался вѣренъ ни одинъ.
Да здравствуетъ король! Ну, что жъ не скажетъ
Никто „аминь“? Ужели долженъ быть
Я и священникъ, и причетникъ вмѣстѣ?

Ну, хорошо, я самъ скажу: аминь.
 Да здравствуетъ король! Ужъ не король я,
 Но всетаки скажу: аминь! Быть можетъ,
 Меня считаетъ Небо королемъ.
 Зачѣмъ сюда придти вы мнѣ велѣли?

ІОРКЪ.

Затѣмъ, чтобъ волей собственной своей,
 Державными трудами утомленный,
 Отрекся ты отъ сана своего
 И отъ короны — въ пользу Болингброка.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Подайте мнѣ корону. Здѣсь, кузень,
 Возьмитесь за корону; здѣсь, кузень;
 Вотъ съ этой стороны моя рука,
 А съ этой — ваша. Эта золотая
 Корона уподобилась теперь
 Глубокому колодцу, при которомъ
 Есть два ведра; они поочередно
 Водюю наполняются: одно,
 Пустое, вверхъ стремится, а другое,
 Незримое, наполнившись водой,
 Спускается. Я, нижнее изъ ведеръ,
 Наполнившись слезами, въ нихъ тону;
 Вы вверхъ стремитесь, я жъ иду ко дну.

БОЛИНГБРОКЪ.

Я полагалъ, что вы мнѣ добровольно
 Корону отдаете.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, корону;

Но скорбь моя останется при мнѣ.
 Весь блескъ, всю власть я отдаю, не споря,
 Но я король моихъ заботъ и горя.

БОЛИНГБРОКЪ.

Съ своей короной часть своихъ заботъ
 Вы отдаете мнѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вамъ станетъ больше

Заботъ, но мнѣ — не меньше отъ того.
 Моя забота есть заботъ лишенье,
 А ваша — къ новымъ тягостямъ стремленье;
 Отдавъ корону и заботы съ ней.
 Я сохраню ихъ все жъ въ душѣ своей.

БОЛИНГБРОКЪ.

Согласны ль вы отречься отъ короны?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, нѣтъ; нѣтъ, да; я долженъ быть — ничто;
Что жъ пользы, еслибъ „нѣтъ” я вамъ отвѣтилъ?
Вѣдь въ вашу пользу отрекаюсь я.
Смотри жъ, кузень, какъ самъ себя я свергну.
Съ главы своей сниму я это бремя,
Свой тяжкій скипетръ выроню изъ рукъ,
Изъ сердца вырву царственную гордость,
Съ себя слезами смою я елей,
Собственноручно я отдамъ корону,
Сложу самъ лично свой священный санъ;
Отъ всѣхъ мнѣ должныхъ знаковъ уваженья,
Отъ пышности величья моего,
Отъ рентъ моихъ, помѣстій и доходовъ, —
Я отрекаюсь; акты всѣ, декреты,
Уставы всѣ мои — уничтожаю!
Прости Господь всѣ нарушенья клятвъ,
Когда то данныхъ мнѣ; храни Господь
Тебя, кузень, отъ нарушенья данной
Тебѣ присяги! Я лишень всего, —
Такъ пусть же я лишусь всѣхъ огорченій,
А ты, кузень, живи средь наслажденій,
Владѣя всѣмъ, что ты завоевалъ;
Дай Богъ, чтобъ много лѣтъ ты занималъ
Тронъ Ричарда, а Ричардъ чтобы вскорѣ
Въ могилу легъ, забывъ свое все горе!
Король нашъ Гарри, Богъ тебя храни
На многіе безоблачные дни!
Развѣнчанный такъ Ричардъ восклицаетъ.
Ну, что еще сказать мнѣ подобаешь?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Сказать не нужно больше ничего.
Прочтите только эти обвиненья
Въ тяжелыхъ преступленьяхъ, учиненныхъ
Особой вашей, въ бытность королемъ,
И вашими сподвижниками, противъ
Страны и государства. Если въ нихъ
Сознаться вы готовы, — всѣ увидятъ,
Что мы по праву низложили васъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мнѣ — сдѣлать это? Развернуть открыто
Предъ всѣми ткань безумья моего?
Скажи мнѣ, другъ Нортонберлендъ, когда бы
Пришлось твои грѣхи припоминать,

Ужели ты о нихъ не постыдился бѣ
Читать въ такомъ торжественномъ собраньи?
А еслибъ ты хотѣлъ, то въ этомъ списокѣ
Нашелъ бы ты позорную главу,
Въ которой говорится о сверженьи
Законнаго монарха, о разрывѣ
Твоей святой присяги крѣпкихъ узъ:
Позорное пятно страницы этой
Отмѣтится навѣкъ судомъ небесъ!
А вы, что здѣсь стоите, всѣ, глазѣя,
Какъ мучусь я несчастіемъ моимъ!
Изъ васъ иные, какъ Пилать, готовы
Умыть въ томъ руки съ жалостью притворной;

Но вами я, Пилаты, осуждёнъ
 Нести мой крестъ тяжелый, и водою
 Не смыть съ себя вамъ этого грѣха!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ, прочтите поскорѣй вотъ это.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не вижу: слезъ глаза мои полны,
 И все же я соленою водою
 Не ослѣпленъ настолько, чтобъ не видѣть
 Вокругъ себя измѣнниковъ толпу.
 Когда же внутрь себя я взоръ направляю,
 То вижу, что и самъ измѣнникъ я:
 Я далъ сейчасъ сердечное согласье
 Снять съ короля порфиноносный санъ,
 Я въ рабство отдалъ власть, унизилъ славу,
 Величество на подданство обрекъ,
 Крестьяниномъ я сдѣлалъ государя...

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не лордъ я для тебя, наглецъ,

И никому не лордъ! Я все утратилъ;
 Ни имени, ни титуловъ моихъ
 Ужъ нѣтъ; я даже то утратилъ имя,
 Которое въ крещеньи получилъ:
 Его украли! О, какое горе,
 Что я, проживъ на свѣтѣ столько зимъ,
 Теперь не знаю, какъ мнѣ называться!
 Хотѣлъ бы я быть снѣжнымъ королемъ
 Игрушечнымъ: подъ солнцемъ Болингброка
 Расплылся бъ весь я въ капляхъ водяныхъ!
 Великій мой король, король мой добрый, —
 Хоть добротой не слишкомъ ты великъ, —
 Когда мое хоть стерлингъ стоитъ слово
 Здѣсь, въ Англіи, — вели сейчасъ принесть
 Мнѣ зеркало: хочу я посмотрѣться,
 Какое у меня теперь лицо,
 Съ тѣхъ поръ, какъ я величества лишился.

БОЛИНГБРОКЪ.

За зеркаломъ сходите кто-нибудь.

(Одинъ изъ свиты уходитъ).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А вы, пока за зеркаломъ онъ сходитъ,

Прочли бы эту вотъ бумагу.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Демонъ!

Не мучь меня: вѣдь здѣсь еще не адъ!

БОЛИНГБРОКЪ.

Оставьте это, лордъ Нортomberлэндъ.

НОРТОНБЕРЛЭНДЪ.

Но общины не будутъ тѣмъ довольны.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Довольны будутъ! Я прочту довольно,
Когда взгляну въ ту истинную книгу,
Гдѣ всѣ мои записаны грѣхи,
А книга та — я самъ.

(Входитъ придворный съ зеркаломъ).

Сюда подайте

Мнѣ зеркало: я буду въ немъ читать.
Мои морщины, развѣ вы не глубже?
Ужель печаль, нанесшая такъ много
Ударовъ мнѣ по этому лицу,
Его едва изранила настолько?
О, льстивое стекло! Ты точно такъ же,
Какъ въ счастья дни приверженцы мои,
Меня стремишься обмануть! Ужели
Вотъ это здѣсь — то самое лицо,
Которое собирало ежедневно
Подъ гордый свой гостепріимный кровъ
По десять тысячъ человѣкъ? Ужели
Вотъ это здѣсь — то самое лицо,
Которое, какъ солнце, заставляло
Своимъ сіяньемъ опускать глаза?
То самое лицо, что отличалось
Безумствами своими, а теперь
Такъ быстро обезличиться успѣло
Предъ Болингброкомъ? Сколько хрупкой славы
Сіяетъ въ немъ, и самое лицо
Настолько жъ хрупко, какъ и эта слава!

(Разбиваетъ зеркало объ полъ).

Вотъ здѣсь оно, на тысячу кусковъ
Разбитое! Смотри, король безмолвный,
Какъ это поучительно: печаль
Лицо мое разрушила такъ скоро!

БОЛИНГБРОКЪ.

Тѣнь вашего лица отъ тѣни горя
Разрушилась.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ? Повтори еще!

Тѣнь горя моего? Ха, ха! Конечно!

Да, горе настоящее — внутри;

Всѣ жалобы и внѣшнія страданья —

Лишь тѣни скорби, тихо и безмолвно

Таящейся въ измученной душѣ:

Тамъ сущность горя, на лицѣ жъ — лишь тѣни!

Благодарю тебя, король, за щедрость:

Ты мнѣ не только поводъ къ скорби далъ,

Но указалъ великодушно способъ,

Какъ долженъ я скорбѣть. Еще нельзя ли

Мнѣ объ одной лишь милости просить?

Затѣмъ не буду больше беспокоить
Присутствіемъ своимъ. Могу ли я
Надѣяться, что получу ту милость?

БОЛИНГБРОКЪ.

Въ чемъ милость та, прекрасный мой кузень?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

„Прекрасный мой кузень!“ Теперь я больше,
Чѣмъ самъ король! Какъ былъ я королемъ,
Тогда мнѣ только подданные льстили, —
Теперь, я вижу, самъ король мнѣ льститъ!
Я такъ великъ, что въ просьбахъ не нуждаюсь.

БОЛИНГБРОКЪ.

Такъ требуйте.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И получу?

БОЛИНГБРОКЪ.

О, да!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Позвольте мнѣ уйти.

БОЛИНГБРОКЪ.

Куда же?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Это

Мнѣ все равно, лишь прочь бы съ вашихъ глазъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Пусть кто нибудь его проводить въ Тоуэръ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А, пусть проводить! Я ужъ проведенъ:

Проводники похитили мой тронъ.

*(Король Ричардъ подъ стражею и нѣкоторые
изъ лордовъ уходятъ).*

БОЛИНГБРОКЪ.

Въ ближайшую изъ средъ желаемъ мы

Короноваться. Лорды, приготовьтесь.

*(Всѣ уходятъ, кромѣ епископа Карлейльскаго
аббата Вестминстерскаго и Омерля).*

АББАТЬ.

Тяжелаго мы зрѣлища сейчасъ

Свидѣтелями были.

КАРЛЕЙЛЬ.

Хоть для насъ

Сей горекъ день, но дѣти лишь и внуки
Почувствуютъ всѣ скрытыя въ немъ муки.

ОМЕРЛЬ.

Отцы святыя, развѣ средства нѣтъ
Намъ какъ-нибудь избавиться отъ бѣдъ?

АББАТЬ.

Милорды, прежде, чѣмъ свои я мысли
Вамъ выскажу, не только вы должны,
Принявъ причастье, дать святую клятву,
Что сохраните въ тайнѣ вы мои
Намѣренья, но также обѣщаться,
Что будете во всемъ мнѣ помогать,
Какое бы я дѣло ни задумалъ.
Нахмурились, я вижу, ваши брови,
Сердца полны печали, очи — слезъ;
Прошу ко мнѣ поужинать собраться,
И тамъ я планъ поставлю вамъ на видъ,
Который намъ дни счастья сулитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица, ведущая къ Тоуэру.

Входятъ КОРОЛЕВА и ФРЕЙЛИНЫ.

КОРОЛЕВА.

Вотъ здѣсь пройдетъ король. Дорога эта
Ведетъ къ зловѣщей башнѣ, что когда то
На горе намъ построилъ Юлій Цезарь.
Въ ея суровой каменной груди
Супругъ мой будетъ плѣнникомъ томиться:
Такъ захотѣлъ надменный Болингброкъ.
Здѣсь отдохнемъ мы, если только можно
Найти въ странѣ мятежной уголокъ
Для отдыха законной королевы.

(Входитъ король Ричардъ подъ стражею).

Вотъ, вотъ онъ! О, взгляните!... Или нѣтъ, —
Нѣтъ, лучше не глядите, какъ онъ вянетъ,
Мой дивный розанъ! Впрочемъ, нѣтъ: смотрите
И плачьте, чтобы освѣжился онъ
Росою слезъ и вѣрною любовью!

О, славная руина древней Трои,
 Картина чести, Ричарда гробница,
 Не Ричардъ самъ! Зачѣмъ, дворецъ прекрасный,
 Въ тебѣ живетъ угрюмая печаль,
 Триумфъ же свѣтлый сталъ харчевни гостемъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прекрасная жена! Не будь въ союзѣ
 Съ моей печалью: этимъ ты приблизишь
 Мою кончину. Милый, добрый другъ!
 Старайся думать о счастливомъ прошломъ,
 Какъ о хорошемъ снѣ; представь себѣ,
 Что, пробудясь, мы истину узнали
 И видимъ, что навѣкъ я побратался
 Со злой Необходимостью, союзъ
 Съ ней заключивъ до смерти. Ты жъ укройся
 Во Францію, запишись въ монастырѣ
 Своей святою жизнью мы заслужимъ
 Себѣ вѣнцы иные, вмѣсто тѣхъ,
 Которыхъ нынѣ насъ лишаетъ грѣхъ.

КОРОЛЕВА.

Ужель въ тебѣ, мой Ричардъ, измѣнился
 Не только обликъ, но и самый духъ?
 Ужель твой умъ похищенъ Болингброкомъ?
 Ужели въ сердце онъ твое проникъ?
 Левъ, умирая, лапы простираетъ
 И, если не враговъ, хоть землю рветъ
 Отъ ярости и гнѣвнаго безсилья;
 А ты, какъ школьникъ, злое наказанье
 Приемлешь кротко, лобызаешь пруть,
 Хвостомъ виляешь предъ врагомъ свирѣпымъ!
 Опомнись же, ты левъ, ты царь звѣрей!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, точно царь звѣрей! Когда бъ не звѣри,
 А люди были вокругъ меня, — спокойно
 Царилъ бы я донинѣ надъ людьми.
 О, королева бывшая! Къ отъѣзду
 Во Францію готовься и считай,
 Что умеръ я, что ты со мной прощалась
 Теперь навѣки, какъ бы у одра
 Предсмертнаго, гдѣ расстаюсь я съ жизнью.
 Когда нибудь, какъ въ долгій зимній вечеръ
 Передъ каминомъ будешь ты сидѣть
 Въ кругу людей почтенныхъ, добрыхъ, старыхъ, —
 Ты попроси ихъ повѣсть рассказать

О бѣдствіяхъ временъ давно минувшихъ;
И, прежде чѣмъ сказать имъ „доброй ночи“,
Чтобъ отплатить за грустный ихъ рассказъ,
Ты Расскажи имъ горестную повѣсть
О Ричардѣ: пусть, плача, отойдутъ
Ко сну! Клянусь, — той повѣсти внимая,
Безчувственные даже головни
Прольютъ въ каминъ огненные слезы
Отъ жалости къ несчастіямъ моимъ;
Однѣ изъ нихъ замрутъ, покрывшись пепломъ,
Другія въ черный уголь превратятся,
Услышавъ, какъ низложенъ былъ король!

(Входитъ НОРТОМБЕРЛЭНДЪ со свитой).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ, свое недавнее рѣшеніе
Перемѣнилъ внезапно Болингброкъ:
Не въ Тоуэръ вы отправитесь, а въ Помфретъ.
Для васъ же, государыня, полученъ
Приказъ: скорѣй во Францію отбыть.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нортomberландъ! Ты лѣстницею служишь
Для Болингброка, чтобы онъ взошелъ
На королевскій тронъ, — но будетъ время, —
И, можетъ быть, оно настанетъ скоро, —
Когда твой грѣхъ, какъ гнилостный нарывъ,
Раскроется. Тебѣ казаться будетъ,
Хотя бъ полцарства отдалъ онъ тебѣ,
Что все-таки вознагражденъ ты мало,
Затѣмъ, что ты помогъ ему взять все;
А онъ, узнавъ, какъ ловко ты умѣешь
Сажать на тронъ монарховъ незаконныхъ,
Подумаетъ, что ты когда нибудь,
Изъ за пустой какой либо обиды,
Найдешь пути, чтобъ свергнуть и его
Съ предательски похищеннаго трона.
Любовь дурныхъ людей всегда готова
Въ страхъ превратиться; быстро переходить
Страхъ въ ненависть, а ненависть всегда
Для одного изъ двухъ враговъ опасна,
И по заслугамъ смерть его разить.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Въ чемъ грѣшенъ я, за то я самъ отвѣчу.
Довольно же! Разстаться вамъ пора!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Двойной разводъ! О злые, злые люди!
Два раза вы разрушили мой бракъ:
Съ короною и съ вѣрною женою!
О, дай мнѣ снять супружескую клятву
Съ тебя моимъ прощальнымъ поцѣлуемъ!
Иль нѣтъ, — ту клятву поцѣлуй скрѣпилъ!
Расторгни же, Нортomberлэндъ, союзъ нашъ!

Отправляюсь я на сѣверъ, гдѣ погода
И холодомъ и сухостью грозитъ;
Жена жъ моя — во Францію, откуда
Въ нарядѣ пышномъ нѣкогда она
Явилась къ намъ, какъ день веселый мая,
Куда теперь, какъ зимній день, грустна,
Она вернется, слезы проливая.

КОРОЛЕВА.

Какъ? Намъ съ тобой разстаться?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, мой другъ.

Разстанемся: какъ руки прочь отъ рукъ,
Такъ сердце прочь отъ сердца.

КОРОЛЕВА.

О, нельзя-ли,

Чтобъ вмѣстѣ насъ во Францію изгнали?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Любовь была бы тѣмъ награждена,
Политика жъ, пожалуй, потеряла бъ.

КОРОЛЕВА.

Такъ пусть за мужемъ вслѣдъ идетъ жена!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Зачѣмъ намъ вмѣстѣ быть для нашихъ жалобъ!
Плачь обо мнѣ во Франціи, а я —
Здѣсь о тебѣ; не въ дальности разлуки,
А въ близости всего ужаснѣй муки.
Иди: дорога дальняя твоя
Пусть вздохами измѣрится, свою же
Я буду мѣрять стонами.

КОРОЛЕВА.

Тѣмъ хуже;

Мой путь длиннѣй: тѣмъ больше вздоховъ мнѣ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я съ каждымъ шагомъ радъ стонать вдвойнѣ
И краткій путь продлю своей тоскою!
Иди жъ, иди; напрасно мы съ тобою
Такъ долго горе сватаемъ свое:
Сосватавъ, долго будемъ съ нимъ томиться.
Цѣлуй меня, чтобъ намъ безъ словъ проститься;
Твое возьму я сердце, ты жъ — мое. (Цѣлуются).

КОРОЛЕВА.

Отдай мое назадъ: мнѣ грустно бъ было,

Когда бы сердце я твое убила
Своей печалью. (Снова цѣлуются). Такъ: теперь иди;
Пусть скорбь убьетъ его въ моей груди.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мы, медля, только тѣшимъ горе злое;
Прощай: тоска доскажетъ остальное.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дворецъ герцога Йоркскаго.

Входятъ ГЕРЦОГЪ и ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКІЕ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Супругъ мой, вы хотѣли досказать
То, что мѣшали вамъ докончить слезы,
Когда вы грустный начали рассказъ
О вѣздѣ двухъ племянниковъ въ столицу.

ЙОРКЪ.

На чемъ остановился я?

ГЕРЦОГИНЯ.

На томъ,

Какъ грубыя, распущенныя руки
Изъ оконъ внизъ бросали пыль и мусоръ
На Ричарда, когда онъ проѣзжалъ,

ЙОРКЪ.

Въ то время герцогъ, Болингброкъ великій,
На гордомъ и горячемъ жеребцѣ,
Красуясь, ѣхалъ; конь, какъ будто чуя
Все честолюбье мыслей сѣдока,
Шелъ поступью неспѣшной, величавой,
И громко всѣ вокругъ кричали глотки:
„Да здравствуетъ великій Болингброкъ!“
Казалось, вокругъ всѣ окна говорили:
Такъ много алчныхъ взоровъ старъ и младъ
Старались бросить изъ оконницъ узкихъ,
Чтобъ видѣть, хоть на мигъ, его лицо:
Казалось, вокругъ всѣ стѣны расписныя
Вдругъ ожили и воздухъ огласили
Единодушнымъ возгласомъ: „привѣтъ,
Нашъ Болингброкъ, храни тебя Спаситель!“
А онъ съ открытой ѣхалъ головой
И, нагибаясь ниже конской шеи,
Имъ кланялся направо и налево
И говорилъ: „спасибо, земляки!“

Такъ, кланяясь, онъ ѣхалъ всю дорогу.

ГЕРЦОГИНЯ.

А бѣдный Ричардъ? Что же было съ нимъ?

ГОРКЪ.

Ахъ, какъ въ театрѣ, — чуть актеръ любимый

Уйдетъ со сцены, зрителей толпа

За вновь вошедшимъ нехотя, лѣнливо

Слѣдить и ждеть лишь скучной болтовни, —
Такъ точно здѣсь, — быть можетъ, даже съ большимъ
Презрѣньемъ, — милый Ричардъ встрѣченъ былъ;
Никто ему не закричалъ навстрѣчу:
„Храни тебя Господь!“ никто не крикнулъ
Ему веселымъ голосомъ: „привѣтъ!“
Нѣтъ, соръ и пыль лишь сыпались нещадно
На голову священную его;
Ихъ стряхивалъ онъ съ кроткою печалью;
Въ лицѣ его и слезы и улыбки
Боролися, — свидѣтельства терпѣнья
И горести, и такъ онъ жалокъ былъ,
Что если бъ Богъ не такъ ожесточилъ
Сердца людей, насъ покарать желая, —
Отъ жалости растаяли бы всѣ,
И самый грубый варваръ былъ бы тронутъ.
Въ такихъ дѣлахъ рука небесъ видна,
И долгъ нашъ — ей покорствовать сердечно;
Корона Болингброку отдана,
Ему присяга въ томъ принесена, —
Теперь ему я вѣренъ буду вѣчно.

Герцогиня.

А вотъ нашъ сынъ Омерль.

Йоркъ.

Онъ былъ Омерль;

Но съ Ричардомъ онъ друженъ былъ; за это,
Утративъ имя прежнее свое,
Теперь онъ будетъ называться — Рутлэндъ.
Въ парламентѣ порукой я служу
За то, что сынъ нашъ новому монарху
И преданность, и вѣрность сохранить.

(Входитъ Омерль).

Герцогиня.

Ну, здравствуй, сынъ. Быть можетъ, ты расскажешь,
Что за фіалки новая весна
Намъ принесла въ своемъ расцвѣтѣ пышномъ?

Омерль.

Не знаю, мать, и, право, не стараюсь
Узнать о томъ: свидѣтель Богъ, что я
Въ числѣ ихъ быть нисколько не желаю.

Йоркъ.

Прекрасно, сынъ; веди себя умно

Среди весны; игра опасна эта:
Пожалуй, сорванъ будешь до расцвѣта.
Что новаго изъ Оксфорда? Турниры
И празднества идутъ ли тамъ?

ОМЕРЛЬ.

Идутъ,

Насколько знаю.

ІОРКЪ.

Ты туда поѣдешь.

ОМЕРЛЬ.

Предполагаю, если Богъ велитъ.

ІОРКЪ.

Что за печать торчитъ изъ-подъ камзола
Тамъ у тебя? Блѣднѣешь ты? Подай
Ее сюда. Какая тамъ бумага?

ОМЕРЛЬ.

Такъ, ничего, милордъ.

ІОРКЪ.

Ну, что-жъ, тѣмъ лучше:

Дай мнѣ прочесть, чтобъ я спокоенъ былъ.

ОМЕРЛЬ.

Прошу васъ, ваша свѣтлость, пощадите:
Бумага та — пустякъ; но есть причины,
Благодаря которымъ, вамъ ее
Я показать бы не хотѣлъ.

ІОРКЪ.

Какія

Причины, сэръ? Извольте показать!
О, я боюсь...

ГЕРЦОГИНЯ.

Чего же ты боишься?

Должно быть, лишь росписка: онъ долговъ
Надѣлать могъ на новые наряды!
Для праздниковъ.

ІОРКЪ.

Надѣлалъ онъ долговъ?

Какіе у него долги быть могутъ?
Нѣтъ, ты совсѣмъ съ ума сошла, жена.
Подай сюда бумагу.

ОМЕРЛЬ.

Пощадите:

Я не могу бумагу показать.

ІОРКЪ.

Давай ее: хочу я быть спокоень.

(Вырываетъ у него бумагу и читаетъ ее).

Предательство! Измѣна! Негодяй!

Измѣнникъ, рабъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Милордъ, но въ чемъ же дѣло?

ІОРКЪ.

Эй, кто тамъ есть? *(Входитъ слуга).* Сѣдлайте мнѣ коня!

Умилосердись, Боже! Что за гнусность!

Герцогиня.

Но въ чемъ же, въ чемъ же дѣло?

Йоркъ.

Дай ботфорты

И чтобъ сейчасъ мнѣ осѣдлатъ коня!

(Слуга уходитъ).

Клянусь моею честью, жизнью, вѣрой:

Я объ измѣнѣхъ донесу.

Герцогиня.

Въ чемъ дѣло?

Йоркъ.

Молчи ты, сумасшедшая.

Герцогиня.

Не буду

Молчать! Омерль, въ чемъ дѣло тамъ скажи!

Омерль.

Мать, успокойся, это вздоръ: за это

Могу лишь я отвѣтить головой.

Герцогиня.

Ты — головой отвѣтишь?

Йоркъ.

Что жъ ботфорты?

Подать мнѣ ихъ! Я ѣду къ королю.

(Входитъ слуга съ ботфортами).

Герцогиня.

Ударь его, Омерль. Мой бѣдный мальчикъ,

Ты съ толку сбить совсѣмъ. *(Слуге).* Вонъ, негодяй!

И на глаза не смѣй мнѣ показаться.

Йоркъ.

Подай сейчасъ ботфорты, говорятъ!

Герцогиня.

Какъ, Йоркъ, что хочешь дѣлать ты? Ужели

Проступокъ сына ты не хочешь скрыть?

Ужель у насъ есть много сыновей?

Иль вновь съ тобой имѣть дѣтей мы можемъ?

Ужель давно то время не прошло,

Когда могла зачать дѣтей я снова?

На старости меня лишаешь ты

Прекраснаго, единственнаго сына?

Меня утѣхи хочешь ты лишить —

Быть матерью. Иль въ немъ съ тобой нѣтъ сходства?

Ужель не видишь ты, что онъ — твой сынъ?

Іоркъ.

Ты женщина безъ смысла, безъ разсудка:
Возможно-ль заговорщиковъ щадить?
Двѣнадцать ихъ, принявъ причастье, дали
Торжественную клятву, подписавъ
Собственноручно общее рѣшенье —
Убить монарха въ Оксфордѣ.

Герцогиня.

Нашъ сынъ

Не будетъ тамъ; мы здѣсь его удержимъ;
Такъ что жъ ему за дѣло до другихъ?

Іоркъ.

Прочь, глупая ты женщина! Хотя бы
Онъ двадцать разъ мнѣ сынъ былъ, на него
Я донесу.

Герцогиня.

Когда бы пострадалъ ты

Изъ за него, какъ я страдала, — вѣрно
Тогда его ты больше бы жалѣла.
А! Вотъ въ чемъ дѣло: ты подозрѣваешь,
Что измѣнила я тебѣ, что онъ —
Не сынъ твой, — сынъ кого нибудь чужого.
Мой милый Іоркъ, мой дорогой супругъ,
Не думай такъ! Взгляни, всмотришься ты въ сына:
Онъ на тебя похожъ, какъ только могутъ
Мужчины другъ на друга походить!
Ни на меня, ни на родныхъ нисколько
Онъ не похожъ, а я его люблю!

Іоркъ.

Съ дороги прочь, безумная! (*Уходитъ*).

Герцогиня.

Скорѣе

За нимъ, Омерль, гони и шпорь коня!
Скорѣй отца спѣши до государя
Добраться и прощенье испросить,
Пока тебя еще не обвинили!
Я — за тобою вслѣдъ; хоть я стара,
Но ѣхать я могу не хуже Іорка.
Примчусь туда и тамъ съ колѣнъ не встану,
Пока у Болингброка для тебя
Не выпрошу прощенья. Въ путь скорѣе!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Дворецъ короля.

Входятъ Болингброкъ, Перси и другіе лорды.

БОЛИНГБРОКЪ.

Не можетъ ли мнѣ кто-нибудь сказать,
Гдѣ мой безпутный сынъ и что съ нимъ случилось?
Три мѣсяца его я не видалъ.

Я убѣжденъ, что если Богъ захочетъ
Насъ наказать, — накажетъ чрезъ него.
Нельзя ль его найти мнѣ, ради Бога!
По Лондону ищите, по тавернамъ, —
Тамъ, говорятъ, проводитъ онъ всѣ дни
Въ сообществѣ товарищей безпутныхъ,
Изъ тѣхъ, что, въ узкихъ улицахъ ютятся,
Быютъ караульныхъ и прохожихъ грабятъ;
А онъ, пустой, изнѣженный мальчишка,
Себѣ въ заслугу ставитъ и въ почетъ
Поддерживать дрянную эту шайку.

ПЕРСИ.

Милордъ, два дня назадъ я видѣлъ принца
И съ нимъ о тѣхъ турнирахъ говорилъ,
Что въ Оксфордъ идутъ теперь.

БОЛИНГБРОКЪ.

Ну, что же

Сказалъ вамъ мой кутила?

ПЕРСИ.

Онъ сказалъ,

Что онъ пойдетъ въ публичный домъ, перчатку
Съ руки продажной твари тамъ сорветъ
И съ этою перчаткой, вмѣсто банта
Отъ дамы сердца, хочетъ на турниръ
Явиться онъ; при этомъ общается
Сильнѣйшаго тамъ выбить изъ сѣдла.

БОЛИНГБРОКЪ.

Отчаянный развратникъ! Но порою
Въ немъ кой какія искры вижу я,
Которыя мнѣ подають надежду
На лучшее, когда онъ будетъ старше.
Но вотъ идетъ къ намъ кто то.

(Входитъ ОМЕРЛЬ).

ОМЕРЛЬ.

Гдѣ король?

БОЛИНГБРОКЪ.

Кузень нашъ что-то очень дико смотритъ, —
Глаза его блуждаютъ.

ОМЕРЛЬ.

Государь,

Храни васъ Богъ! Могу ль просить я ваше
Величество — со мной наединѣ

Немного побесѣдовать?

БОЛИНГБРОКЪ (лордамъ).

Прошу васъ,

Оставьте насъ однихъ

(Перси и другіе лорды уходятъ).

Ну, въ чемъ же дѣло? Скажи, кузень.

ОМЕРЛЬ.

Пусть къ полу приростутъ

Мои колѣна, а языкъ мой — къ нѣбу,

Когда рѣшусь я встать иль говорить,

Не получивъ сперва отъ васъ прощенья.

БОЛИНГБРОКЪ.

Свершенъ проступокъ иль задуманъ только?

Когда онъ лишь задуманъ, — какъ бы ни былъ

Онъ гнусенъ, — я готовъ тебя простить,

Чтобъ пріобрѣсть твою любовь напередки.

ОМЕРЛЬ.

Позвольте жъ дверь ка ключъ мнѣ запереть,

Чтобъ не вошелъ никто, пока я буду

Разсказывать.

БОЛИНГБРОКЪ.

Ты можешь запереть.

ГОРКЪ (за дверью).

Остерегись, король, — грозитъ опасность!

Передъ тобой измѣнникъ!

БОЛИНГБРОКЪ (обнажая мечъ).

Негодяй!

Сейчасъ навѣки будешь ты безвреденъ.

ОМЕРЛЬ.

Нѣтъ, удержите мстительную руку:

Нѣтъ никакой опасности для васъ.

ГОРКЪ (за дверью).

Дверь отопри сейчасъ, король безпечный,

Безумно смѣлый! Иль, при всей любви,

Измѣнникомъ явлюсь я предъ тобою?

Дверь отопри, иль выбью я ее!

(Болингброкъ открываетъ дверь; входитъ Горкъ).

БОЛИНГБРОКЪ.

Въ чемъ цѣло, дядя? Говори! Но прежде

Переведи дыханье. Гдѣ опасность?

Близка ль она? Скажи, чтобъ намъ успѣть,

Вооружась, ее спокойно встрѣтить.

ІОРКЪ (подавая бумагу).

Прочти бумагу: въ ней увидишь ты
Измѣну всю, какая угрожаетъ;
А мнѣ усталость говорить мѣшаетъ.

ОМЕРЛЬ.

Когда прочтешь бумагу, государь,
Не позабудь, что обѣщалъ мнѣ раньше;
Исполненъ я раскаянья; прошу
Мое тамъ имя не читать: душою
Я былъ далекъ, когда своей рукою
Подписывалъ.

ІОРКЪ.

Неправда, негодяй!

<В верхней части страницы расположена репродукция картины В. Гамильтона «Йорк вырывает бумагу у Омерля».>

Измѣнникомъ въ душѣ ты былъ ужъ раньше,
 Чѣмъ подписалъ! Бумагу ту, король,
 Я вырвалъ у него изъ подъ камзола.
 Страхъ, не любовь, раскаянье ему
 Внушаетъ; не щади его, — иначе
 Змѣю пригрѣшь на своей груди!

БОЛИНГБРОКЪ.

О, заговоръ ужасный, дерзкій, грозный!
 О честный другъ, измѣнника отецъ!
 Серебряный источникъ, свѣтлый, ясный,
 Изъ коего заблудшій тотъ ручей
 Истекъ, и вотъ, пробравшись сквозь извивы
 Проходовъ мутныхъ, полнымъ грязи сталъ!
 Добра избытокъ превратился въ сынъ
 Во зло, но эта доброта отца
 Безпутнаго собой покроетъ сына
 И будетъ смертный грѣхъ его прощень.

ІОРКЪ.

Такъ въ честности моей не будетъ проку:
 Она послужить сводней лишь пороку;
 Всю честь мою, увы, своимъ стыдомъ
 Растратилъ онъ: такъ часто мотовствомъ;
 Безпутный сынъ въ немногія мгновенья
 Отцовскія всѣ губить сбереженья.
 Стыдъ будетъ жить, — позора мнѣ не снестъ;
 Умереть позоръ, — тогда жить будетъ честь;
 Щадя его, — твой судъ меня осудить,
 Измѣнникъ жить, а честный гибнуть будетъ.

ГЕРЦОГИНЯ (за сценой).

Впустите! Ради Бога! Государь!

БОЛИНГБРОКЪ.

Чей голосъ тамъ, пронзительный и рѣзкій,
Кричитъ съ такой мольбою?

ГЕРЦОГИНЯ.

Это я!

Я, женщина; тебѣ, король великій,
Я тетка! Опусти, молю тебя,
Какъ нищая, просящая впервые!

БОЛИНГБРОКЪ.

Отрывокъ здѣсь разыгрываемъ мы,
Немного измѣненный, старой драмы
„Король и нищій“. Ну, кузень опасный,
Дверь матери открой: она пришла
Просить прощенья за твои дѣла.

ГОРКЪ.

Кто бъ ни просилъ, — ты не давай прощенья:
Тѣмъ поощришь ты только преступленья;
Спасая тѣло, членъ отрѣжъ гнилой,
Иначе всюду разольется гной.

(Омерль открываетъ дверь; входитъ герцогиня).

ГЕРЦОГИНЯ.

Король, не слушай человѣка злого:
Кто своего не любить, тотъ чужого
Любить не можетъ!

ГОРКЪ.

Глупая жена!

Зачѣмъ ты здѣсь? Ужель ты вновь должна
Вскормить своими старыми сосцами
Измѣнника?

ГЕРЦОГИНЯ.

Постой, мой другъ! Вы сами,
Мой государь, послушайте меня! *(Становится на колѣна).*

БОЛИНГБРОКЪ.

Встань, тетушка!

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, умоляю я:

Вѣкъ на колѣняхъ я стоять готова;
Счастливыхъ дней я не увижу снова,
Пока счастливой быть мнѣ не велишь
И Рутлэнда проступокъ не простишь.

ОМЕРЛЬ (становясь на колѣна).

Съ ея мольбой свою я съединяю.

Іоркѣ (*становясь на колѣна*).

Я жѣ вѣрныя колѣна преклоняю,
Прося одну мнѣ милость оказать:
Преступника сурово наказать.

Герцогиня.

Серьезно ли онъ просить? О, нисколько!
Взгляни, король: нѣтъ слезъ въ его глазахъ,
Его всѣ просьбы — только на словахъ,
Слова жѣ его изъ устъ выходятъ только,
А наши — изъ сердечной глубины!
Притворства всѣ мольбы его полны;
Онъ радъ отказу будетъ; мы же съ сыномъ
Слились душой въ моленіи единомъ, —
Всѣмъ сердцемъ мы къ тебѣ устремлены!
Онъ радъ съ колѣнъ подняться, мы же рады,
Чтобъ хоть колѣна приросли къ землѣ;
Фальшивы всѣ слова его и взгляды,
У насъ — любовь и правда на челѣ.
Его не слушай: милость снисхожденья
Тѣмъ окажи, чьи искренни моленья!

Болингброкъ.

Встань, тетушка!

Герцогиня.

Не говори мнѣ „встань!”

Сперва скажи „прощаю”, послѣ — „встань”.
Будь я твоею нянькою съизмала,
„Прощаю” было бъ первое изъ словъ,
Которымъ я тебя учить бы стала.
Откликнись же на мой сердечный зовъ!
Я никогда такъ страстно не желала
Услышать это слово, какъ теперь.
Тебѣ его подскажетъ жалость, вѣрь!
Оно такъ кратко, — тѣмъ оно пріятнѣй!
Для короля нѣтъ слова благодатнѣй!

Іоркѣ.

Ты по французски ей, король, отвѣть:
„Pardonne moi”.

Герцогиня.

Какъ, чтобъ не имѣть мнѣ

Прощенья? Мужъ жестокий! Подмѣняешь
Ты словомъ слово, ловко отмѣняешь
Прощеніемъ прощенье, съ мыслью злой!
Нѣтъ, языкомъ страны своей родной
Скажи, король, „прощаю”! Рѣчи грубы

Французскія и намъ онѣ не любы!
Твой взоръ ужъ говоритъ; пускай языкъ
За нимъ идетъ! О, еслибы проникъ
Изъ твоего внимательнаго уха
До сердца голосъ нашъ, достигшій слуха,
Чтобъ, жалостью проникнувшись и самъ,
Ты молвилъ бы въ отвѣтъ: прощаю вамъ!

Болингброкъ.

Встань, встань!

Герцогиня.

Не встать прошу я позволенья;
Прошу я только одного: прощенья.

Болингброкъ.

Пусть Богъ меня простить, какъ я простилъ.

Герцогиня.

О, счастье колѣнопреклоненья!
Но все жъ боюсь; страхъ силъ меня лишилъ;
О, повтори опять прощенья слово!
Не значить это, чтобъ простилъ ты снова,
Но чтобы ты прощенье подкрѣпилъ.

Болингброкъ.

Отъ всей души кузена я простилъ.

Герцогиня.

Ты — богъ земной!

Болингброкъ.

Но что до тѣхъ злодѣевъ

Касается, — до вѣрнаго зятка,
И до аббата, и до прочей шайки, —
Помчится смерть за ними по пятамъ!
Любезный дядя, нѣсколько отрядовъ
Прошу отправить въ Оксфордъ, — вообще
Во всѣ мѣста, гдѣ можно встрѣтить этихъ
Измѣнниковъ; и чтобъ ихъ всѣхъ схватить!
Клянусь, имъ въ этомъ мірѣ ужъ не жить.
Прощайте, добрый дядя! До свиданья,
Кузень мой; вашей матери рыданья
Спасли вамъ жизнь: старайтесь вѣрнымъ быть.

Герцогиня.

Пойдемъ, мой сынъ; дай Богъ, чтобъ я отнынѣ
Нашла другую душу въ прежнемъ сынѣ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Экстонъ и слуга.

Экстонъ.

Ты не замѣтилъ, какъ король сказалъ:
„Ужель нѣтъ друга, кто бъ меня избавилъ
Отъ этого живого страха?“

Слуга.

Да;

Онъ точно такъ сказалъ.

Экстонъ.

„Ужель нѣтъ друга?“

Онъ съ удареньемъ дважды повторилъ.
Не правда ли?

СЛУГА.

Да, совершенно вѣрно.

ЭКСТОНЪ.

Сказавши это, пристально свой взоръ
Онъ на меня направилъ, будто думалъ:
„Вотъ человѣкъ, который точно могъ бы
Съ души моей снять тяжкій этотъ страхъ”.
А этотъ страхъ — король, въ тюрьмѣ сидящій.
Скорѣй же въ Помфретъ! Другъ я королю,
А потому врага его сломлю.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Замокъ Помфретъ.

Входитъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я размышлялъ: нельзя ли мнѣ сравнить
Темницу, гдѣ живу я, съ цѣлымъ міромъ?
Сравненіе это сдѣлать не легко:
Міръ населенъ милльонами созданий,
А я — одно живое существо
Въ тюрьмѣ моей! Однако постараюсь.
Пусть будетъ такъ: мой мозгъ — супругъ души,
Душа — его жена; отъ нихъ родится
Рядъ поколѣній плодovitыхъ думъ,
Которыя собой наполнить могутъ
Весь этотъ малый міръ. Народъ тѣхъ думъ
Подобенъ всѣмъ народамъ во вселенной,
Затѣмъ, что вѣчно ни одна изъ нихъ
Довольна не бываетъ. Родъ ихъ высшій;
Которыя касаются вещей
Божественныхъ, — всегда полны сомнѣній;
Противорѣчій также много въ нихъ.
Вотъ, напримѣръ: „придите, всѣ придите!”
А вслѣдъ за тѣмъ: „прийти туда труднѣй,
Чѣмъ сквозь ушко иглы пройти канату.
А думы честолюбья — тѣ стремятся
Къ недостижимымъ чудесамъ: онѣ
Вотъ этими безсильными ногтями
Хотѣли бы прорвать всю толщу стѣнъ
Моей темницы каменнаго міра;
А такъ какъ сдѣлать этого нельзя, —
Отъ гордости тѣ думы умираютъ.
Другія думы къ скромности влекутъ

И льстить себѣ стараются, что въ мірѣ
Не первыя онѣ рабы судьбы,
И также не послѣднія, конечно.
Такъ жалкіе бродяги въ кандалахъ
Стараются прикрыть свой стыдъ сознаньемъ,
Что многіе подобную же участь
Перенесли и вновь перенесутъ, —
И видятъ что-то вродѣ облегченія
Въ томъ, чтобъ взвалить несчастія свои
На шею тѣхъ, кто раньше былъ несчастенъ!
Такъ я въ одномъ лицѣ роль многихъ лицъ
Играю, и всѣ лица недовольны.

То я король, — но, видя вокруг себя
 Измѣнниковъ, желею я стать нищимъ;
 То нищій я, — но тягость нищеты
 Мнѣ говоритъ, что королемъ быть лучше;
 Вотъ я опять король: тутъ не могу
 Не вспомнить, что я свергнуть Болингброкомъ
 И обращенъ въ ничто; но кто бъ я ни былъ, —
 Ни я, ни кто на свѣтѣ никогда
 Своей судьбой доволенъ не бываетъ,
 Пока не обратится онъ въ ничто
 И не найдетъ себѣ покоя въ этомъ.

(За сценой раздается музыка).

Что это? Звуки музыки? Ха, ха!
 Такъ соблюдайте: музыка ужасна,
 Когда ни такта въ ней, ни мѣры нѣтъ.
 И нашей жизни музыка такимъ же
 Подчинена законамъ; чуткимъ ухомъ
 Разстройство струнъ я уловляю вмигъ;
 Когда жъ я правилъ, не имѣлъ я слуха,
 Который бы мнѣ во-время сказалъ,
 Что я нарушилъ тактъ, растратилъ время.
 Да, я растратилъ время; а теперь —
 Теперь меня нещадно время губить.
 Я обратился для него въ часы:
 Мои всѣ мысли — тѣхъ часовъ минуты,
 И раздѣленъ на вздохи каждый часъ;
 Глаза мои — лишь циферблатъ, а палецъ,
 Стирая слезы, движется, какъ стрѣлка,
 По циферблату. Что же дальше, сэръ?
 Бой тѣхъ часовъ — тѣ громкія стенанья,
 Которыя мнѣ въ сердце тяжело бьютъ,
 Какъ колоколъ. Такъ слезы, вздохи, стоны
 Считаютъ ходъ минутъ, часовъ и дней.
 Для Болингброка быстро время мчится
 Въ весельи гордомъ, я же здѣсь стою,
 Служа въ его часахъ кукушкой глупой.
 Какъ бѣситъ эта музыка меня!
 Пусть не играетъ! Музыкой, я слышалъ,
 Безумнаго возможно излѣчить;
 Я жъ отъ нея съ ума сойти способенъ.
 А впрочемъ я того благословлю,
 Кто тамъ играетъ: это служить знакомъ
 Любви ко мнѣ, а къ Ричарду любовь —
 Вещь странная въ жестокомъ этомъ мірѣ,
 Гдѣ ненависть царить во всѣхъ сердцахъ.

(Входитъ конюхъ).

Конюхъ.

Принцъ королевскій! Мой привѣтъ вамъ низкій!

Король Ричардъ.

Благодарю васъ, благородный пэръ.
Хоть намъ цѣна обоимъ небольшая,
Но болѣе дешевому изъ насъ
Возвысили вы цѣну въ десять разъ⁶).
Кто ты такой и какъ сюда явился,
Куда приходитъ только мрачный песь,
Мнѣ приносящій пищу, чтобы горе
Мое продлить?

Конюхъ.

Я при твоей конюшнѣ

Былъ конюхомъ, въ тѣ времена, какъ ты
Былъ королемъ. Проѣздомъ въ Йоркъ попалъ я
Сюда. Не мало было мнѣ хлопотъ,
Чтобъ повидать тебя мнѣ разрѣшили,
Мой нѣкогда хозяинъ и король!
Какъ больно сердце у меня заныло,
Когда мнѣ видѣть въ Лондонѣ пришлось
Въ торжественный тотъ день коронаванья,
Какъ величаво ѣхалъ Болингброкъ
На Вәрварѣ гнѣдомъ, — твоемъ любимомъ
Конѣ! Какъ часто ѣздилъ ты на немъ!
Какъ я ходить за нимъ всегда старался!

Король Ричардъ.

На Вәрварѣ онъ ѣхалъ? Расскажи,
Мой другъ, какъ шелъ мой конь подъ Болингброкомъ?

Конюхъ.

Такъ гордо, будто землю презиралъ.

Король Ричардъ.

Онъ Болингброкомъ — сѣдокомъ гордился!
А прежде эта кляча ѣла хлѣбъ
Изъ королевскихъ рукъ моихъ, гордилась
Ударами хлыста въ рукъ моей!
И этотъ конь ни разу не споткнулся
И не упалъ (вѣдь гордость пасть должна), —
Онъ не упалъ, сломать стараясь шею
Тому, кто сѣлъ измѣной на него!
А впрочемъ, что жъ мнѣ на тебя сердиться,
Мой конь! Ты созданъ, чтобъ людей носить
И слушаться. Вотъ я конемъ не созданъ,
И всетаки тащу я, какъ осель,

Тяжелый грузъ, а Болингброкъ надменный
Меня терзаетъ, шпорить, дразнить, бьетъ!

(Входитъ тюремщикъ съ блюдомъ).

ТЮРЕМЩИКЪ.

Пріятель, уходи: нельзя здѣсь больше
Стоять.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, если любишь ты меня,

Пора уйти.

Конюхъ.

Чего сказать не смѣть

Языкъ, то въ сердцѣ я своемъ скажу.

(Уходитъ.)

Тюремщикъ.

Милордъ, угодно ль будетъ вамъ отвѣдать?

Король Ричардъ.

Сперва ты самъ попробуй, какъ всегда.

Тюремщикъ.

Милордъ, я не смѣю этого сдѣлать:
сэръ Пирсъ Экстонъ, недавно прибывшій
отъ короля, запретилъ мнѣ это.

Король Ричардъ.

Чортъ васъ возьми, чтобъ оба вы пропали:
И ты, и Генрихъ Ланкастеръ! Усталъ
Я все сносить, нѣтъ моего терпѣнья!

(Бьетъ тюремщика).

Тюремщикъ.

Помогите, помогите, помогите!

(Входятъ Экстонъ и слуги, вооруженные).

Король Ричардъ.

Какъ? Это что? Смерть дерзко мнѣ грозитъ?
Мерзавецъ! Ты мнѣ самъ даешь орудье
Твоей же смерти!

*(Вырываетъ у одного изъ слугъ стѣкиру и
убиваетъ его).*

Ты — ступай за нимъ

И поселись въ аду съ нимъ по сосѣдству!

*(Убиваетъ другого слугу. Тогда Экстонъ
поражаетъ его на смерть).*

Ту руку, чей ударъ меня сразилъ,
Пусть вѣчно жжетъ огонь неугасимый!
Кровь короля проливъ, ты, Экстонъ злой,
Грудь запятналъ страны его родной!
Пари, душа! Твой тронъ — обитель рая;
Пусть плоть лежитъ во прахъ, умирая!

(Умираетъ).

Экстонъ.

Онъ доблести высокой полонъ былъ
И королевской крови: я сгубилъ
То и другое въ нападенъи смѣломъ.
О, если бъ это было добрымъ дѣломъ!

Но дьяволъ, кѣмъ поступокъ тотъ внушенъ,
Мнѣ говоритъ, что вписанъ будетъ онъ
Въ скрижали ада. Къ королю живому
Убитого снесу я короля;
Тѣла другихъ прошу поближе къ дому
Похоронить, — пусть приметъ ихъ земля.
(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Виндзорскій замокъ.

*Трубы. Входятъ Болингброкъ, Йоркъ,
другіе лорды и свита.*

Болингброкъ.

Любезный Йоркъ, послѣднія извѣстья
Гласили, что мятежниковъ толпа
Сожгла нашъ городъ Сайстеръ, въ Глостерширѣ.
Схватили ль ихъ, казнили ль ихъ за это, —
Намъ неизвѣстно. (*Входитъ Нортomberландъ*).
Здравствуйте, милордъ!

Что новаго?

Нортomberландъ.

Вопервыхъ, я желаю

Державѣ вашей всяческаго счастья;
Затѣмъ могу и новость сообщить;
Послалъ я въ Лондонъ головы злодѣевъ:
Лордъ Оксфордъ, Салисбери, Блентъ и Кентъ —
Всѣ казнены, а кто и какъ схватилъ ихъ, —
О томъ расскажетъ письменный отчетъ.
(*Подаетъ бумагу*).

Болингброкъ.

Благодарю, другъ Перси; за старанье
Достойное получишь воздаянье.
(*Входитъ Фицуотеръ*).

Фицуотеръ.

Милордъ, сэръ Брокасъ и сэръ Беннетъ Сили
Мной казнены; изъ Оксфорда отправилъ
Ихъ головы я въ Лондонъ: оба были
Опасные измѣнники изъ шайки,
Тебя желавшей въ Оксфордъ убить.

Болингброкъ.

Твоя, Фицуотеръ, велика заслуга:
Я не забуду преданнаго друга.

(*Входятъ Перси и Епископъ Карлейльскій*).

ПЕРСИ.

Глава всѣхъ заговорщиковъ, аббатъ
Вестминстерскій, отъ мукъ тоски тяжелой
И угрызений совѣсти, сошелъ
Въ могилу; но Карлейля я привелъ,
Чтобъ выслушалъ онъ судъ твой королевскій;
Здѣсь предъ тобою онъ стоитъ живой
И кары ждетъ за нравъ надменный свой.

БОЛИНГБРОКЪ.

Карлейль, вотъ наше твердое рѣшеніе:
Укрыться долженъ ты въ уединеніе,

<В верхней части страницы расположена репродукция картины Фр. Пехта «Боллингброк у гроба Ричарда II».>

Замкнуться въ тѣсной кельѣ навсегда;
И если мирно будешь жить, — тогда
Не опасайся для себя невзгоды,
Живи, пока твои продлятся годы.
Хоть ты ко мнѣ всегда враждебенъ былъ, —
Твою я честность видѣлъ и цѣнилъ.

(Входятъ Экстонъ и еще нѣсколько лицъ,
несущихъ гробъ).

Экстонъ.

Король великій! Здѣсь передъ тобою
Лежитъ твой страхъ подъ крышкой гробовою:
Прахъ Ричарда Бордосскаго! Онъ былъ
Твой врагъ сильнѣйшій: я его сразилъ.

Боллингброкъ.

Благодарить за это дѣло злое
Не стану я: убійство роковое

Свершивъ, покрылъ позоромъ ты меня
И всю страну.

Экстонъ.

Исполнилъ только я.

Чего желалъ своими ты устами.

Болингброкъ.

Хотя бы ядъ намъ нуженъ былъ, — мы сами
Не любимъ яда; чтобы умеръ онъ,
Я могъ желать, — когда жъ онъ умерщвленъ,
На мертвого съ любовью, съ сокрушеньемъ
Гляжу я, на убійцу жъ — съ отвращеньемъ.
Тебя, въ награду за твой гнусный трудъ,
Пусть вѣчно муки совѣсти гнетутъ,
А отъ меня не жди ни словъ отрады,
Ни благодарной царственной награды.
Броди, какъ Каинъ, вѣчно въ тѣмѣ ночей,
При блескѣ жъ дня — не смѣй поднять очей!
Клянусь вамъ, лорды, я скорблю сердечно,
Что для меня, чтобъ тронъ возвысить мой,
Рѣкою кровь лилась безчеловѣчно;
Печальтесь же, тоскуйте всѣ со мной!
Немедленно мы въ трауръ облачимся
И въ общей скорби всѣ соединимся.
Въ Святую Землю я намѣренъ плыть,
Чтобъ кровь съ грѣховныхъ рукъ моихъ омыть.
Пойдемъ за гробомъ, въ горѣ и кручинѣ
О грустной сей безвременной кончинѣ.

(Уходятъ).

Н. Холодковскій.

<Внизу страницы расположено изображение королевского (Эдуарда III) щита XIV века.>

1) Что событія времени Ричарда II-го и позже могли возбуждать страсти, доказательствомъ этому служить любопытный фактъ, приводимый Гервинусомъ: во время всемогущества и наименьшей популярности Вальполя публика привѣтствовала одобрителными восклицаніями тѣ мѣста шекспировской хроники, гдѣ идетъ рѣчь о зависимости короля отъ его любимцевъ.

2) Леопардъ былъ въ гербѣ Норфольковъ, а левъ — въ королевскомъ гербѣ.

3) Gaunt по англійски значить *сухой*; въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ между собственнымъ именемъ Gaunt (Гантъ) и прилагательнымъ gaunt.

4) Изъ подлинникѣ игра словами take (брать, забирать) и mistake (ошибаться); въ переводѣ она замѣнена игрою словъ «пробирать» и «забирать».

5) Въ подлинникѣ игра словомъ *rue*, которое означаетъ и растеніе руту, и сожалѣніе. Рута считалась символомъ сожалѣнія.

6) Въ подлинникѣ игра словомъ *royal*. *Royal* означаетъ названіе монеты, дѣлившейся на десять частей, а прилагательное *royal* — означаетъ *королевскій*. Ричардъ намекаетъ, что онъ теперь не стоитъ и десятой части этой монеты.

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ.
Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

(King Richard II).

Стр. 67. *Джонъ Гантъ, почтенный старый Ланкастеръ.*

Ганту было въ то время, къ которому относится пьеса, 48 лѣтъ, но Шекспиръ говоритъ о немъ всюду какъ о старцѣ.

Стр. 67. *Джонъ Гаунтъ (John of Gaunt) — собственно Джонъ Гентскій: Иоаннъ Ланкастерскій былъ по матери фламандскаго происхожденія и родился въ Гентѣ.*

Стр. 68. *За восемнадцать лѣтъ — т. е. со времени мятежа, поднятаго Ватомъ Тэйлоромъ въ 1381 г.*

Стр. 68. *...что онъ взялъ сто тысячъ ноблей.*

Ошибка переводчика: въ подлинникѣ восемь тысячъ ноблей. Нобль — золотая монета цѣнностью приблизительно въ 5 шилл.

Стр. 69. *Которые я несъ въ мою поѣздку
Во Францію, за нашей королевой.*

Ричардъ въ то время вступилъ во второй бракъ съ принцессой Изабеллой французской, которой было только 10 лѣтъ.

Стр. 69. *Я пренебрегъ лишь, къ своему стыду,
Своимъ священнымъ долгомъ.*

т. е. долгомъ отмстить за брата, который умеръ отъ руки Глостера.

Стр. 69. *Врачи намъ говорятъ, что этотъ*

мѣсяцъ

Кровопусканью не благопріятенъ.

Въ старинныхъ лѣчебникахъ указаны были опредѣленные мѣсяцы, когда слѣдовало и когда не слѣдовало пускать кровь; эта операція была общепринятой гигиенической мѣрой даже для здоровыхъ.

558

Стр. 70. *въ день Ламберта — 17-го сентября.*

Стр. 70. *Но такъ какъ судъ и месть — въ рукахъ того,
Кто самъ свершилъ тотъ грѣхъ непоправимый.*

Гантъ намекаетъ на участіе въ убійствѣ герцога Глостера.

Стр. 71. *Пусть онъ скорѣй ко мнѣ прійдетъ*

въ Плэши.

Плэши — помѣстье около Дунмоу въ Эссексѣ, гдѣ Томасъ Вудстокъ жилъ, ставши лордомъ констеблемъ.

Стр. 71. *Лордъ маршалъ.* — Эту должность, принадлежащую по праву герцогу Норфолькскому, исполняетъ при поединкѣ въ этой сценѣ герцогъ Серрей.

Стр. 71. *Стѣны безъ убранства (unfurnished walls) — т. е. безъ навѣшанныхъ на нихъ тканей. Стѣны въ то время не обивались обоями, а украшались навѣшанными на крючкахъ тканями.*

Стр. 74. *Кладите ваши изгнанныя руки*

На мечъ нашъ королевскій и клянитесь.

Рукоять меча представляла крестъ. Ричардъ потому и требуетъ, чтобы Болингброкъ и Моубрэй на немъ поклялись (какъ въ «Гамлетѣ», Д. I, сц. 5).

Стр. 76. *Да, кое что мы наблюдали тамъ.*

Эти слова обращены къ Бэготу и Грину, которые обратили вниманіе короля на то, какъ Болингброкъ, отправляясь въ изгнаніе, старался возбудить къ себѣ симпатіи и искалъ популярности.

Стр. 77. *Стараясь съобезьянить ихъ — за подражаніе итальянскимъ модамъ Шекспиръ вышучиваетъ своихъ соотичей и въ «Венеціанскомъ Купцѣ» (Д. I, сц. 2).*

Стр. 77. *Пусть богачей
Они разыщутъ, подписать заставятъ
Большія суммы...*

Такія вынужденныя пособія королю очень часто собирались въ царствованіе Плантагенетовъ и вызывали негодованіе въ населеніи, тѣмъ болѣе, что за этими «добровольными даяніями» (benevolences) обращались и къ несостоятельнымъ людямъ.

Стр. 77. *Извѣстія о вѣсѣхъ новѣйшихъ модахъ
Напыщенной Италіи.*

Италія въ области моды была во времена Шекспира тѣмъ, что теперь Франція.

Стр. 79. *Упрямыхъ, грубыхъ этихъ мужиковъ,
Въ отравленномъ гнѣздѣ своемъ живущихъ
И въ немъ плодящихъ вѣчную отраву,
Пора сломить.*

По преданію св. Патрикъ, патронъ Ирландіи, освободилъ свою страну отъ всѣхъ ядовитыхъ земноводныхъ. Единственными оставшимися тамъ ядовитыми змѣями Ричардъ называетъ коренныхъ ирландскихъ крестьянъ (Kerns), которые подняли возстаніе противъ англійскаго намѣстника и убили его.

Стр. 80. *ни помѣхи
Вступленью въ бракъ бѣдняги Болингброка.*

Болингброкъ, отправившись послѣ изгнанія во Францію, былъ тамъ принятъ съ почетомъ при дворѣ; предполагалась женитьба его на дочери герцога Беррійскаго, дяди французскаго короля, но Ричардъ, опасаясь этого брака, разстроилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что Б. изгнанъ за государственную измѣну (что была неправда) и недостойнъ союза съ французскимъ королевскимъ домомъ.

Стр. 80. *Пускай присмотритъ
За этимъ дѣломъ.*

Т. е. за сдачей въ аренду государственныхъ доходовъ. Арендаторомъ былъ графъ Вильтшэйрскій.

Стр. 80. *Чтобъ получить имущество свое* - въ ориг.: livery — феодальный терминъ, обозначающій право совершеннолѣтняго наслѣдника на ленныя владѣнія, управлявшіяся умершимъ отъ имени короля.

Стр. 81. *Посредствомъ гнусныхъ сдѣлокъ
Онъ раздавалъ все то...*

Намекъ на договоръ Ричарда съ Карломъ VI, королемъ французскимъ, въ 1393 г.

Стр. 81. *То бланки, то пожертвованій взносы*

Бланки (blanks) — были бѣлые листы, на которыхъ должны были расписываться духовныя лица, дворяне и разныя общины, обязуясь платить подати, сумма которыхъ вписывалась потомъ. *Пожертвованія* (benevolences) были экстренные денежные поборы, которые вымогались королемъ подъ этимъ названіемъ у парламента.

Стр. 83. *А Болингброкъ моей печали смутной
Ужасное дитя. Моя душа*

Чудовищемъ свирѣпымъ разрешилась и

Ея печаль была зародышемъ, который она носила въ себѣ, не зная, что въ немъ таится; при содѣйствіи Грина, принесшаго ужасную вещь, она разрѣшилась отъ бремени (т. е. узнала въ чемъ причина ея горестнаго предчувствія) и это дитя горя — Болингброкъ.

Стр. 83. *Со знаками войны
Вкругъ старой головы своей.*

Въ оригиналѣ: With sings of war about his aged neck

Со знаками войны вкругъ старой шеи — Йоркъ одѣлъ шейный панцырь.

Стр. 84.*чтобъ король,
Снявъ голову съ плечъ брата, заодно ужъ*

Снялъ и мою.

Йоркъ говоритъ о своемъ братѣ Глостерѣ, который, однако, не былъ обезглавленъ, а задушенъ въ постели, въ Калѣ.

Стр. 86. *И ненавистнымъ хвастаясь мечемъ.*

Йоркъ называетъ мечъ ненавистнымъ, потому что онъ обнаженъ для гражданской войны.

Стр. 88.*Портили мнѣ парки.*

Въ оригиналѣ: «dispark'd my parks» — судейскій терминъ: лишать паркъ (или лѣсъ) его защищенности, сломить ограду, вырубить деревья, уничтожить живущую тамъ дичь.

Стр. 89. *Чтобъ усмирить Глендоура и его*

сообщниковъ.

Шекспиръ говоритъ здѣсь не о дѣйствительномъ Глендоу(ве)рѣ (который поднялъ возстаніе уже послѣ вступленія Болингброка на престолъ - (См. «Генриха IV»), а о валлійцахъ, соединившихся съ Салисбюри для помощи королю; имя Глендовера является здѣсь нарицательнымъ словомъ.

Стр. 91. *Монахи ваши учатся прилежно*

Упругій лукъ свой изъ двойного тиса

Натягивать.

Въ оригиналѣ собственно не «монахи», — а мошельщики. Beadsmen, — обязанные за жалованье молиться за короля (ср. «Двухъ Веронцевъ», д. I, сц. 1.): тисъ названъ въ оригиналѣ «вдвойнѣ смертоноснымъ» (double-fatal), потому что листья его считались ядовитыми, а дерево употреблялось главнымъ

559

образомъ на изготовленіе орудій для стрѣльбы.

Стр. 92.

Гнѣздится

Тамъ старый шутъ, смѣясь надъ нашей

властью.

Это сравненіе смерти съ шуткомъ навѣяно одной изъ гравюръ (7-ой) серіи «Imagines mortі»; гравюры эти, ложно приписываемыя Гольбейну, были извѣстны Шекспиру.

Стр. 95. *Клянется онъ священной гробницей,*

Гдѣ кости дѣда вашего лежатъ.

Нортумберландъ говоритъ о гробницѣ Эдуарда III въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Стр. 99.

Концомъ своей рапиры.

Анахронизмъ: рапиръ при Ричардѣ не было.

Стр. 100. *Настолько вѣрно то, что въ этомъ*

мірѣ,

Столь новомъ для меня...

Фицуотеръ юноша, впервые являющійся въ парламентъ; поэтому онъ называетъ міръ новымъ.

Стр. 104. *Я даже то утратилъ имя,*

Которое въ крещеніи получилъ.

Называться только по имени — привилегія королей.

Стр. 106. ...*Къ зловѣщей башнѣ, что когда то*

На горе намъ построилъ Юлій Цезарь.

Тоуэръ, основанный — по преданію — Юліемъ Цезаремъ. Объ этомъ говорится и въ «Рич. III» (д. III, сц. 1).

Стр. 104. *Казалось, вокругъ всѣ стѣны расписныя*

Вдругъ ожили.

Стѣны домовъ были увѣшаны къ приему Болингброка пестрыми коврами и тканями, съ вышитыми на нихъ привѣтствіями.

Стр. 110.

Теперь онъ будетъ называться Рутлэндъ.

Какъ приверженецъ Ричарда, Омерль былъ лишенъ герцогскаго достоинства и носитъ только свое фамильное имя графа Рутлэнда.

Стр. 114. *Отрывокъ здѣсь разыгрываемъ мы,*

*Немного измѣненный, старой драмы
«Король и нищій».*

Намекъ на извѣстную балладу о королѣ Кафетуа и нищенкѣ. О ней Шекспиръ часто упоминаетъ въ разныхъ пьесахъ (въ «Ромео и Джульетта», Д. 2, сц. 1; во 2-й части «Генриха IV», д. V, сц. 3-я; въ «Бесплодныхъ усиліяхъ любви», д. 4, сц. 1).

Стр. 114. *Ты по французски ей, король, отвѣть
Pardonne moi.*

Во времена Шекспира французская фраза «pardonnez moi» была принятой въ свѣтъ формулой вѣжливаго отказа (то же выраженіе въ «Ромео и Джульеттѣ», д. 2, сц. 4).

Стр. 115. *Но что до тѣхъ злодѣевъ
Касается - до вѣрнаго зятя
И до аббата...*

Зять Болингброка, котораго онъ иронически называетъ «вѣрнымъ» — герцогъ Эксетерскій, аббатъ же — вождь заговора, Вестминстерскій аббатъ.

Стр. 115. *Весь этотъ малый міръ.*

Подъ «малымъ міромъ» Ричардъ подразумѣваетъ себя, въ противоположность большому внѣшнему міру.

Стр. 118. *Лордъ Оксфордъ, Салисбери, Блентъ
и Кентъ —*

Всѣ казнены. —

Это имена заговорщиковъ, которые послѣ сознанія Омерля подняли возстаніе, но были разбиты.

Стр. 119. *Прахъ Ричарда Бордосскаго. —*

Ричардъ II родился въ Бордо, принадлежавшемъ въ то время еще англичанамъ и носилъ, будучи принцемъ, имя Ричарда Бордосскаго.
